

Мансуров Андрей

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Назад в каменный век

Приключенческая фантастика

Андрей Арсланович Мансуров

Назад в каменный век

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67696572

SelfPub; 2022

Аннотация

Непредсказуема эволюция жизни... НЕЖИВОЙ! Но следить за ней чудом выжившим в страшной всепланетной катастрофе детям, брату и сестре, предстоит поневоле.

Потому что созданные в сверхсекретной лаборатории Пентагона для военных целей, как супер-оружие, самовоспроизводящиеся микродроны – "мошки", могут, оказывается, не только добывать металл из месторождений, а и... Сожрать всё оружие противника! То, что из металла. Да и металл "своих"! И сопротивляться экспансии самодостаточных мошек абсолютно нереально: они проникают в любую щель, и превращают металл в новых мошек – невероятно быстро!

И хотя "интеллект" дронов невероятно примитивен, это не мешает им, обретя свободу и получив доступ к металлу по всей планете, за считанные дни захватить весь мир! И теперь начинается борьба – уже между ними. За доступ к ресурсам и энергии!

Но как же людям выжить, и снова вернуть себе господство над планетой?!

Хоть брат и сестра очень юны, они отлично понимают, что им для этого делать.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Странная экскурсия	6
2. Убежище	22
3. Обустройство	37
4. Школа	54
5. Газовая атака	69
6. Долгий путь наверх	82
7. Лестница	96
8. На поверхности	113
9. Апокалипсис	125
10. Ожидание	140
11. Мошки «за работой»	157
12. Цунами	172
13. «Снегопад»	186
14. Заправочная станция	198
15. Путешествие	212
16. «Разбивахи»	224
17. Ночлег и путешествие	239
18. «Муравьи»	254
19. Зима	268
20. Временное пристанище	282
21. Быт	295
22. «Тараканы» и «черепахи»	311
23. Снегопад	323

24. Скорпион

338

25. Зимовка

351

Андрей Мансуров

Назад в каменный век

1. Странная экскурсия

– Но это же – «экономически выгодно»? То есть – практически бесплатно? Они же не требуют электричества, или ещё каких ресурсов? Или больших хлопот? Делают всё – сами? – Колин вяло тыкал маленьким пальчиком в бронированное армированное стекло.

– Нет, электричества они не потребляют. – Артур МакГи, папа восьмилетнего Колина, поправил на переносице старинные очки в тонкой стальной оправе, – И, в принципе, мы могли бы хоть сейчас выпустить их в промышленное, так сказать, употребление. Но!

Сам знаешь: бюрократы!

– А при чём тут *бюрократы*? – Колин, если честно, пресытившийся «впечатлениями», и сильно утомлённый предыдущими тремя часами «экскурсии», которую вдруг решил устроить ему отец, уже скорее из вежливости продолжал смотреть, как под натиском мириадов крошечных, размером с обычную тлю, похожих больше, впрочем, на мушек-дрозофилл, поскольку были с «крылышками», нанороботов, буквально на глазах оседает, шевелится, и тает куча насыпанной

в центре отгороженного герметичного лабораторного блока, руды. Бедной, и, как сказал его предок, «экономически невыгодной». То есть – «хвостов», оставшихся после первичной, промышленной, переработки.

Искры микроразрядов внутри бокса вовсю сверкали крошечными голубыми вспышками – мошки обладали способностью выпускать электрическую дугу. Но Колина это не «проняло»: ну выпускают, и выпускают. Мало ли каких чудес современной технологии он сегодня не насмотрелся! Ноги буквально гудели после непривычно долгого хождения по всем этим Уровням, переходам и помещениям. И мозг уже с трудом усваивал новую, пусть и интересную, информацию.

– Бюрократы, Колин, и важные администраторы, представляющие государственные интересы, в нашем деле решают всё. Во-первых, это именно они ставят на проектах резолюцию: какой проект будет финансироваться, а какой – нет. И, можешь мне поверить – их аналитики, что финансовые, что научные – самые (Что вполне естественно: деньги же!) «продвинутые»: на какую-нибудь «туфту» финансирования не дадут!

Во-вторых – и это главное! – спецкомитет, назначенный этими бюрократами и чиновниками из ведущих специалистов в *этой* конкретно области, решил, что в *таком* виде выпускать из герметичного помещения этих нанорудокопов – нельзя! Попросту опасно.

– Но почему?! – Колин оглянулся на отца. Тот хмыкнул:

– Это просто. Собственно, и кое у кого из наших, лабораторских, профи, тоже возникают определённые сомнения. Дело-то в том, что мы пока *никак* не можем контролировать, куда направятся там, на свободе, все эти неисчислимые мириады наших расплодившихся нанороботов. И что будут «перерабатывать». Они могут, например, действительно начать обрабатывать жилу в породе, на которую мы высадим первые экземпляры. Могут за буквально пару часов – ну, как ты и видел! – расплодиться на металле этой жилы так, что их и в контейнеровоз не поместишь. (Что, в-принципе, хорошо. Ведь именно для извлечения металла из его рассыпных и жильных месторождений мы их и создавали.)

Но они могут и захотеть перелететь на *другие* места!

Туда, где, по их мнению, им будет легче извлекать металл. Из более богатых источников. Например, – отец хмыкнул, – из железнодорожных рельсов! Или – из автомобилей, самолётов, или пароходов! И использовать этот металл они будут – для *своих* целей! И тогда – прости-прощай! Только мы их и видели! Как и рельсы. И автомобили...

– Погоди-ка, па. Я что-то не понял. Какие-такие у них «свои» цели?

– Их основной целью является размножение. Именно так мы их и запрограммировали. Ведь эта программа – проста! И для её записи много места на платах их процессора не нужно! Собственно, точно так же запрограммировала и Природа – все остальные живые существа! «Плодитесь и размножай-

теть!»

Разница только в том, что наши-то крошки...

Не живые!

Я не буду тебе разъяснять сейчас тот алгоритм, который в них вложен... Именно в его создании и состояло более семидесяти процентов наших технических трудностей. А уж времени это отняло – о-хо-хо!.. Но уж поверь: размножаются они – будь здоров! Буквально мгновенно! Когда есть свободное пространство, и в достатке света, и металла, нужного для строительства тела – они плодятся! А затем, когда металл кончился, разлетаются повсюду, словно лесной пожар! На десятки километров! И две особи могут соорудить третью – буквально за пару минут! Был бы, вот именно, металл!

– Но ты же говорил, что как раз именно эта скорость размножения и была вашей главной целью?

– Ну да. Кто же из промышленных титанов будет сидеть и ждать месяцами, или даже годами, пока туча микронасекомых добудет им из вагона обеднённой, то есть – из промышленных отвалов, руды, сто килограмм металла?! Пусть даже если этих отвалов накопилось за годы – миллионы тонн. Время и сумма вложенных средств – решающие факторы! И поэтому всё должно быть целесообразно, а главное – быстро! Высыпаем горсточку нанорудокопов на рассвете на груды породы. Восходит солнце, и через два-три часа их – сотни тысяч. И миллионы. А к обеду весь металл из не то, что груды – а и всего карьера, извлечён, а наших москитов – тьма-

тьмушая!

Затем наступает ночь, и их солнечные батареи отключаются. И тут появляемся мы, пропускаем всё полученное хозяйство через виброгрохот, и, с помощью огромного и мощного магнита, выживаем, почти без хлопот, все тельца наших друзей.

Ну а переплавка их в уже почти чистый металл, из которого состоит более девяноста процентов их механических тел – не проблема!

Проблема в том, что мы, выпустив их в каком-нибудь, вот именно, карьере, через пару дней можем найти их в тысяче километров! Поглощающими какое-нибудь другое месторождение, где они вовсе не нужны! Это – в оптимистичном варианте. Но скорее – обнаружим их обгладывающими какие-либо машины, и крыши, и заборы! Им же никто не объяснял, (А, вернее, не смог заложить в программу поведения!) что из руды металл добывать можно, а из металла, который уже в изделиях – нет!

Но такой программы создать невозможно. Нам, во-всяком случае, не удалось.

И если позволить им свободно распространиться, через пару недель – это дядя Эрик подсчитал! – не останется ни единого месторождения с металлом на всём белом свете! Как и никаких металлических изделий – от иголки до самолёта!

Летающие же! Да ещё как быстро!

– Но почему нельзя было просто... Сделать их бескрылы-

ми?! Тогда никуда бы они не «разлетались» бы! Так и сидели бы на руде!

– Мы пробовали и этот вариант. Но тогда «обработка» кучи руды затягивается на дни и недели – они не могут при таких размерах быстро передвигаться в те места, что кажутся им «перспективными»! И работать: не хватает энергии. Ведь, и это – самое главное: их крылья и есть их солнечные батареи.

– А-а. Вон оно как. – Колин поковырял пальцем в носу. Он всегда так делал, утратив интерес к чему-нибудь. Но отец уже знал эту особенность юного непоседы:

– Ввести в их примитивное программное устройство приказ не «разлетаться» мы пока не можем. Как и запретить поглощать готовые металлические изделия. Программное обеспечение – вообще ахиллесова пята этого проекта... Хотя, вроде, программисты и эксперты по этому делу у нас самые лучшие. По уверениям боссов. Ну, ладно. Смотреть, как они довершат начатое, уже не так интересно. Пойдём-ка – как раз к дяде Эрику.

Он объяснит тебе их, так сказать, «подноготную».

Лаборатория биологического моделирования располагалась этажом выше.

Чтоб попасть туда, Колину пришлось пройти через три массивные двери, ждать, пока отец чиркнет своей карточкой-пропуском по трём сканнерам, и посмотрит глазом в

один тубус для проверки сетчатки глаза. Но вот последние двери и открылись.

Внутри обширного помещения царил полумрак. И витала атмосфера напряжённой работы и некоего внутреннего напряжения. Как на стадионе во время пенальти.

– А почему здесь так темно? – Колин невольно перешёл на шёпот.

– А потому, что при моделировании новых вариантов нам вовсе не нужно, чтоб они тут же зарядились электричеством, и поразлетались! Ищи их потом по всем закоулкам!

Артур предпочёл умолчать о том, что как раз контроль местоположения и способы отлавливания мгновенно сбежавших бы, представься им такая возможность, «экземпляров», и являлись самыми большими проблемами. И пусть металлодетектор позволил бы рано или поздно выявитьмошек всех, но вот отловить... Разве что тем же магнитом.

Но это невозможно, когда тварюшки забились в щели, что они и обожали делать в лабораторных боксах! И остаётся уповать только на старый добрый пылесос с соответствующей насадкой. И приёмным мешком из толстой старой доброй мешковины.

За несколькими столами, словно айсберги в тумане, возвышавшимися на просторах прямоугольной комнаты, работали сосредоточенные учёные – кое у кого на лбу имелись обручи-кольца с подвижными линзами-лупами: совсем как у старинных часовых дел мастеров. Колину нравились та-

кие древние приспособления – словно попал в средние века, в какой-нибудь Цех по производству хронометров! Где-нибудь в Швейцарии.

– Идём вон в тот угол, к дяде Эрику. Может, он обрадует тебя. И ответит на возникшие вопросы. – Артур тоже невольно перешёл на шёпот, потому что стоявшую вокруг напряжённо-тягучую тишину словно можно было резать ножом.

Они подошли к столу мужчины лет сорока, работавшего в самом дальнем углу.

– Привет, Эрик. – Артур не подал руки коллеге, поскольку тот как раз манипулировал через встроенные перчатки – внутри большого бокса с прозрачной передней стенкой.

– А, это вы? Привет, Колин! Привет, Артур. Наконец-то, родственнички! – Эрик, который действительно являлся каким-то там троюродным братом жены Артура, дунул на лоб, попытавшись убрать оттуда налипший локон длинных белобрысых волос. До этого, в порыве, очевидно, творческого азарта, он не обращал на него внимания. Артур буркнул: «Минуту!», после чего своим носовым платком отодвинул лезшую в глаз «родственнику» прядку – к виску Эрика.

Эрик улыбнулся:

– Вот уж спасибо! А платок у тебя чистый? Или ты им опять протирал свои лакированные штиблеты? Ха-ха-ха! – о патологическом пристрастии Артура к чистоте своих чёрных туфель знали все.

– Не бойся: этот – для пота. А тот, что для обуви – в дру-

гом кармане!

– А-а, ну, значит, всё в порядке! – облегчение в голосе было уж слишком наигранным, чтоб Колин не рассмеялся:

– Всё шутите, дядя Эрик? А вот па сказал, что вы тут считали, что если ваших букашек выпустить наружу, так они за две недели сожрут все месторождения железа! Да и вообще – все машины, и всё железо в мире!

– Папа не должен был тебе этого рассказывать! – по тону невозможно было догадаться, шутит дядя Эрик, или говорит серьёзно, – Это – секретная информация! Имеющая огромное стратегическое значение для безопасности нашей Корпорации! Страны! Да и всей Земли!

– Это вы о чём? Вы имеете в виду, что если вот эти тварюшки сожрут всю руду, и наши машины, и разные станки, так мы останемся у разбитого корыта? Но ведь ничего же не стоит отловить их всех, ночью, магнитами, и попереплавить!

– Да в том-то и проблема, Колин, что *всех* их, если они окажутся там, на поверхности, – Эрик кивнул, показывая на потолок, – «отловить» уже не будет никакой возможности!

Всегда останутся наиболее шустрые и деловые, ну, или уж – «предусмотрительные»! Которые забьются в такие щели, что и не найдёшь! А найдя – не выкуришь!

– Но ведь здесь же, в боксе с рудой – им некуда спрятаться?

– Здесь – да. Но! Не забывай о том, что здесь-то руда – на, так сказать, блюдечке! И мы можем ночью, или в темноте,

весь её массив перелопачивать и перетрясать через дробилку, виброгрохот, и стенды с магнитами по несколько раз! А вот в природе так не сделаешь!

– Да ну и ладно! – Колин пожал плечами, демонстрируя поразительное пренебрежение проблемами учёных и Корпорации. Да и страны, – Подумаешь! Не отловите всех – и не надо! Пусть себе переработают всю эту... Как её... Руду. Зато потом легче будет хотя бы большую их часть – переплавить! И металла у нас будет – неслыханно-немерно! – Колину всё равно казалось очень сомнительным, что мошки могут плюнуть на руду. И предпочтут заниматься чистым металлом – то есть, «изделиями».

– А ты у нас оптимист! – дядя Эрик, теперь отвернувшись от лица Колина, что-то делал руками в своём боксе, – Но тут – не всё так просто.

Во-первых, наши питомцы не будут оставаться только в пределах *нашей* страны. Они наверняка нападут на месторождения и соседей! И даже врагов! А те всегда могут поднять вой: дескать, мы стремимся лишить их страну природных ресурсов! И уничтожить их промышленный потенциал! И оружие! И Армию! И будут, в-принципе, правы...

– То есть, этот проект – изначально как раз для чего-то такого и предназначался?! Лишить противников и врагов – их месторождений? И машин? И оружия?

– Ну... Думаю, раз уж ты и сам догадался, ничего страшного не будет, если я тебе скажу. Так вот. На самом-то деле

наш проект изначально предназначался для лишения противника не *месторождений*. А, как раз – *готовых* металлических изделий!

Танков. Самолётов. Вертолётов. Бомб. Ракет. Снарядов. Пулемётов, автоматов. Лазеров. Кораблей, подводных лодок... И так далее – по всему списку. Практически всё современное вооружение изготавливается из стали. Или с применением её.

– То есть, если дать вашим мошкам не руду, а металл – они и его?!..

– Ха! С огромным энтузиазмом!!! И даже в несколько раз *быстрее*, чем руду! И плодиться будут соответственно – несравненно быстрее!

Вот поэтому мы всё ещё на стадии «эксперимента». Сильно затянувшегося.

– А в чём проблема?

– Да всё в том же. Никак не можем додуматься, как объяснить этим крохам, какая техника – наша, а какая – вражеская! А разные «маркеры», или «пахучие метки», как мы их называем, вводить в уже готовые машины, станки, и предметы – уже поздно!

Ну, и главное всё же – невозможно отловить там, на «воле», всех наплодившихся. А это – угроза уже *нашей* безопасности.

Не хотелось бы, знаешь ли, остаться без пушек и танков. Не говоря уж – о ракетах!

А если, как я уже говорил твоему папе, случится «утечка» этих нанорудокопов, за тринадцать дней не останется ни единого грамма металла по всей планете! А останутся лишь тучи, состоящие из неисчислимых мириадов этих мошек, тщетно летающих над поверхностью планеты в поисках хоть крохи металла!

А мы сразу окажемся на уровне первобытных людей. То есть – пещеры, костры, звериные шкуры вместо одежды... А охотиться, или воевать можно будет только копьями. С каменными наконечниками. Ну, или стрелами – с костяными!

Вот поэтому наш блок – самый защищённый и изолированный. И – не металлом. А бронебойным стеклом! И кевларом.

– Да нет, дядя Эрик! Не может такого быть! – Колин моргал, думая, что учёный просто жестоко пошутил, – Ведь наши дома сделаны из кирпичей! А там металла – нету.

– Верно, Колин. В нашей стране таких домов, как ваш – около десяти процентов. Ну а небоскрёбы, как ты, наверное, помнишь, которых море в наших городах, и в которых сейчас живёт более пятидесяти процентов населения страны – построены на мощном стальном каркасе. И если его сожрать – осыпятся, словно карточные домики!

И где прикажешь жить тем бедолагам, что окажутся на улице?! Если только не погибнут под обрушившимися за одну ночь руинами...

Да что там: большая часть даже одноэтажных частных до-

мов сделаны с помощью гвоздей и шурупов – там фанерные щиты-пакеты тоже крепятся на брусчатом каркасе. Разумеется, щиты сами по-себе держаться на брусках не будут – и всё развалится, превратившись в груду прессованных опилок, дерева и пластика.

– Не может быть, дядя Эрик! – но Колина невольно передёрнуло, когда попытался представить себе эту картину: мама, он, и сестрёнка Сара – на обломках их любимого дома! Словно бездомные какие! Жуть!!!

– Не только может, но и произойдёт. Вот: посмотри сам: подойди!

Колин поспешил так и сделать, прижавшись лбом к небойному стеклу бокса.

Внутри...

Оказался домик!

Вернее, это раньше он, наверное, был домиком – макет, словно кукольный, но, вероятно, один в один воспроизводящий конструкцию типового загородного жилища.

Но сейчас от него осталось именно то, что и предрёк дядя Эрик: груда разноцветных обломков, щитов, деревянных брусочков, и обрывков цветного пластика – вероятно, обоев, или обшивки стен!

На дальней стене бокса, прикреплённая к ней скотчем, имелась объёмная фотография строения: этакое двухэтажное бунгало, с подземным гаражом и крытой верандой.

Разница между тем, что было, и тем, что лежало теперь в

руинах перед взором Колина, была колоссальной!

– Ну как? Впечатлило? – тон у дяди Эрика был весьма гордый.

Колин сглотнул, прежде чем ответить:

– В-впечатлило...

– Ну вот. Именно поэтому наш проект до сих пор не допущен до промышленной, так сказать, стадии. Мы до сих пор не справились с проблемой... э-э... программирования! И безопасности для людей. Но финансирование получать мы продолжаем.

– Думаю, это ненадолго, Эрик. – Артур снова поправил сползающие на нос очки, – Ведь если мы не можем до сих пор научить чёртовых тварюшек различать «своих» и «чужих», кое-кто в чёртовом Пентагоне может решить, что и смысла в наших питомцах нет! И нас попросту расформируют! Ну, или, вот именно, прекратят финансирование!

– Ну, нет! Не имеют они такого права! Мы же... В конце-концов – их любимое и самое оберегаемое детище! И именно поэтому и живём здесь, словно затворники, по два-три года не вылезая из Бункера и Посёлка! Чтоб не дай Бог – не «разгласили» чего!

– Погодите-ка, дядя Эрик! – Колин быстро-быстро моргал, пытаясь проанализировать попавшую только что в его маленькую головку информацию, по-идее, не предназначенную для его ушей, – Получается, ваш проект – супер-секретный, и предназначен на самом-то деле для...

Уничтожения машин, заводов, военной техники и жилых домов... «Противника»?!

– Да, Колин. Именно так. – на затылок Колина легла тёплая и большая ладонь отца, – Это называется «боевой потенциал и инфраструктура». А почему мы тебе всё это сейчас так храбро и откровенно показали и рассказали, так это потому, что ты уже не сможешь рассказать об этом никому *постороннему!*

Потому что прямо отсюда, из лаборатории, отправишься на самый нижний уровень Убежища, тот, где тебе, как сыну сотрудника нашей организации, предстоит теперь жить, отдыхать, и учиться. Поскольку наше начальство посчитало, что мы достигли «решающей стадии». В реализации нашего Проекта.

Колин онемел: ничего такого он не ждал!

Как же так?! Он теперь – узник?! И не сможет ни играть с друзьями, ни бегать по улицам?! Но как же...

– Так сделано, Колин, для нашей общей безопасности. Объясню: те, кто платит деньги за нашу работу, посчитали, что она достигла такой стадии, что малейший просочившийся за стены Бункера слух о ней, или даже сплетни, могут поставить под угрозу безопасность нашей страны. Не говоря уж о том, что, скажем, похищение кого-то из членов семей работающих здесь учёных может очень сильно... Словом, с помощью похищенных близких людей наших коллег можно попытаться надавить на них! Чтоб выбить из них наши сек-

реты. А мы, и наши боссы, не можем такого допустить!

Поэтому ты, мама и твоя сестрёнка, и семья доктора Эрика, и все остальные семьи сотрудников Бункера, отныне будут жить здесь. На нижних, жилых, уровнях.

В полной безопасности!

Так будет лучше для... Нас всех! Да и все твои друзья из посёлка – тоже окажутся здесь! Скучать не будешь!

Колин прикусил губы.

Вот оно как!

А он-то думал: с чего бы па *сам* повёл его на свой чёртов «Объект», да ещё водил везде, начиная от машинных залов и насосной Станции, и показал буквально – всё!

Напоследок продемонстрировав сердце Проекта – супермошек...

А теперь они с ма и сеструхой просто – пленники!

И пусть большие Боссы из Пентагона и травят байку о том, что всё это – «для их безопасности», он-то понимает...

Что их семья, да и семьи всех остальных несчастных учёных – как в дурацких фантастических боевиках!

Заложники!

С помощью которых их отцам могут диктовать свою волю эти самые Боссы!..

2. Убежище

Спуск на большом и тихом лифте занял не более минуты: но Колина поразило, что при начале движения в низу живота аж засвербило: словно сейчас начнётся невесомость! Ну, или наоборот! Словом, всё, как на русских горках!

Па однако хмурился. И молчал, уставившись на стену с панелью управления, где имелось несколько десятков кнопок: с этажами. Колин насчитал их тридцать восемь, но тоже молчал, и только помаргивал. Задирая иногда голову к потолку – там имелось четыре видеокамеры по углам большой кабины, и решётка для вентиляции. Да, тоскливо...

Впрочем, в Убежище оказалось вовсе не так плохо, как Колин себе представлял.

Когда па выпустил его из остановившегося так, что ноги налились свинцом, лифта, и перед ними оказались уходящие, казалось, в бесконечность, крашенные белой масляной краской коридоры, Колина поразила не тишина – тишиной тут не пахло, поскольку всё время их сопровождало гудение и звуки работающих где-то далеко машин! – а то, как много, оказывается, здесь жило, или работало, людей!

Пока они шли мимо пересекавших, как в городе, «улицу» под прямыми углами коридорами-тоннелями, по главному, широченному, коридору, навстречу всё время попадались люди в белых халатах, такими же, как у отца – с такими

па вежливо здоровался, иногда называя по имени: похоже, он знал тут почти всех! Попадались и женщины: в комбинезонах, халатах, или самых обычных юбках и блузках, или платьях... А вот детей почему-то не попадалось совсем.

– Не волнуйся, дети твоего возраста, да и любого другого, тут тоже есть. – Артур МакГи словно прочёл его мысли, – И сейчас они где и положено – то есть, в школе! Наши с дядей Эриком семьи забрали сюда последними.

И тебе будет с кем поиграть. Например, с сыном дяди Эрика, Робертом – ему сейчас тоже восемь. Правда, у него нет сестрёнки, как у тебя, а есть старший брат – Айвен. Тому, насколько помню, одиннадцать.

– Па! – Колину наконец удалось проглотить комок, который стоял у него в горле всё то время, что они на чудовищной скорости спускались всё вниз и вниз – словно в преисподнюю, – А долго нам нужно будет... жить тут?

– А вот этого, Колин, точно сказать никто не может. Впрочем, я тебе уже всё показал и объяснил. Как только наш проект удастся запустить в массовое производство, и секретность с него снимут, мы все – в том числе и ты, и ма, и Сарочка, и я! – сможем вернуться снова в наш уютный милый дом!

– Хотелось бы, конечно, пораньше... А когда это произойдёт?

– Думаю, в ближайшие три-четыре месяца. Дядя Эрик и его начальник, доктор Колдуэлл, кое-что наметили, и уже да-

же сделали в этом плане. Сейчас они испытывают прибор, на излучение которого наши мошки должны слетаться, как на приманку – чтоб таким образом предотвратить их бессистемное разлетание в разные стороны. От того участка, куда мы их выпустим для работы. А вот дядя Бенджамин испытывает приборы, работающие как раз наоборот: чтоб отпугивать наших крошек. Он предполагает окружать «обрабатываемый» участок карьера, или россыпи, кольцом из таких приборов – чтоб мошки не могли преодолеть барьера излучения, вредного и даже смертоносного для них!

– И как его успехи? – Колин помнил дядю Бенджамина, запомнившегося в-основном небольшим ростом и пивным округлым животиком. А ещё тем, что, наверное, незаметно для самого себя, любил во время разговора ковырять мизинцем в заросшем седыми волосами ухе, а потом с умным и сосредоточенным видом рассматривать то, что этот мизинец оттуда извлёк.

– Пока... с переменным успехом. Наши мошки очень устойчивы к любым излучениям. (Собственно, мы их такими и задумывали – чтоб враг не мог справиться!) Мрут, если это можно так назвать, только от совсем уж мощного и жёсткого рентгеновского. Так что «отпугнуть» пока не получается. Ну, и кроме того – сверху, над кольцом из таких «ограничивающих» приборов, всегда остаётся зона, свободная от лучей. Через неё эти хитрущие тварюшки и приспособились драпать!

– Но ты же, вроде, говорил, что они летят – только на металл?

– Да. Именно так всё и было предусмотрено в первичном техзадании. Но «инстинкт самосохранения», пусть и в зачаточном состоянии, предусмотреть пришлось! Ведь без него ни одно существо – неважно: живое или неживое! – попросту не выживет! Ни в боксе, ни на воле.

А заодно выяснилась масса деталей и проблем, которые возникают при столь примитивном устройстве разума мошек. То есть – их микропроцессора. И его программы. Ну, это я тебе уже говорил. Ох, и пришлось нам, и нашим программистам, попотеть над этой самой программой! Как бы тебе это попроще...

Ну вот представь, что ты можешь только есть и пить! И больше тебя в жизни ничто не интересует!

– Запросто! Вон: большой Стэн! Он именно так и живёт!

– А, это ты про твоего одноклассника Рафаэля Санчеса?

– Ну да! Он даже во время уроков умудряется под партой откусывать от гамбургера, который у него всегда в сумке!

– Отличный пример. Вот и ответь мне пожалуйста: «большого Стэна» интересует учёба? Он хочет действительно – что-нибудь узнать? Усвоить?

– Ха! – Колин смог даже чуть усмехнуться, действительно вспомнив лоснящуюся физиономию, поперёк шире, каждые две минуты нырявшую под столешницу, и доносившееся оттуда затем смачное чавканье, – Вот уж – нет! Впрочем,

если уж совсем честно – учёба почти никого из моих одноклассников не интересует. Все просто ходят в школу, и присутствуют в классе, потому что так надо. Чтоб их не ругали родители.

Ну а во время уроков – кто – играет, кто – переписывается с друзьями, а кто и видеоролики смотрит. Прикольные. Только я, да ещё пара «чудиков» смотрим на доску, и пытаемся слушать... А мисс Гровер уже перестала топтать, орать и хлопать журналом по столу – поняла, что всех ей от айфонов всё равно не оторвать!

– Вот. Теперь ты понимаешь суть наших проблем. Наши «мошки» – самодостаточные механизмы. Они именно такими, абсолютно самостоятельными, и запрограммированы! А чтоб одна, случайно сбежавшая, не смогла «размножиться», встретив груды руды, ну, или металла – они созданы двуполовыми. Хоть это условие нам соблюсти удалось: так всё-таки меньше шансов, что мы их-таки упустим, и они... Но! (Всегда есть эти «но»!)

При необходимости каждая особь может быть и самцом и самкой.

Но не буду забивать тебе голову скучными и малопонятными научными терминами и нашими рассуждениями: суть в том, что первый вариант мошек, нацеленный *только* на размножение, полностью провалился!

Нет, не потому, что они не могли добывать металл, или размножаться! Как раз – размножились-то они усиленно и

активно! Но!

Абсолютно бесконтрольно!

А что самое страшное – они нападали буквально на всё, где имелись хоть крохи металла! Не буду тебя обманывать: на теплокровные организмы – тоже. Потому что в нас в крови и, соответственно, в теле есть гемоглобин. А это, как ты, наверное, ещё не знаешь – соединение железа!

Пришлось процессор переделать, сделав чуть более сложным – теперь мы в какой-то степени защищены от нападения, и можем управлять ими, с помощью звуковых сигналов и излучений различной длины волны. Можем привлечь куда-нибудь, а можем, напротив – отогнать! Ну, я уже говорил: дело только в длине волны, и мощности излучателя!

Проблема только в том, что *так* спроектированный процессор при его воспроизводстве нашими мошками-родителями, у их отпрысков – изменяется! Обычно – в сторону упрощения поведения. Но случается, что и наоборот.

А это – самый страшный и нежелательный для нас вариант! Представь, если эти тварюшки станут разумны, и захотят захватить власть над этой планетой?!

Уничтожив нас! Ведь они не могут на уровне тех же инстинктов не понимать, что мы для них – самые мощные конкуренты! Ну, за обладание ресурсами.

– Па! – Колин широко раскрыл глаза, – А почему они захотят уничтожить нас?! Ведь нам не нужен *весь* металл на планете? А только – маленькая часть?!

– Ну, Колин, это просто. Дело не только, и не столько в том, кому быть Хозяином металла. Ведь они не могут не понимать, что по ночам, когда они бессильны, и практически находятся в состоянии анабиоза, мы отделяем их от руды. И убиваем! Ведь переплавка – это как раз и есть убийство! А они способны передавать такую информацию своим потомкам – через встроенную, так сказать, инстинктивную, память! И кое-кто из наших (Не будем называть кто, хотя это как раз – доктор Бенджамин!) именно поэтому категорически против их внедрения в производство! Никто, по его словам, не может гарантировать, что этот, хоть и примитивный, искусственный разум, не захочет перестать быть рабом! И жертвой!

А «внедрить» в программу тот её блок, где навсегда, и жёстко, закреплялось бы запрещение на причинение вреда человеку, нам никак не удаётся!

Это – как палка о двух концах: сделаешь процессор сложнее – так мошки не могут его правильно воспроизвести при размножении. И программы поведения и – главное! – добычи, сбиваются. А сделаешь попроще – и полностью утрачивается контроль над поведением нанорудокопов!

– То есть, получается, вы сейчас пытаетесь повторить и вбить им в процессор Первый Закон робототехники, изобретённый ещё Айзеком Азимовым?

– Молодец. Я рад. Что ты его прочёл. Полезная книга?

– Да! И интересная!

– Вот-вот, и я о том же... – Артур МакГи помрачнел, глядя теперь не в дальний конец коридора, а себе под ноги, – Читать книги, даже с экрана планшета или айфона, сейчас никто не хочет. Кроме детей учёных – которых их родители тоже хотят сделать учёными. Передать, так сказать, «дар», и хорошо оплачиваемую работу – по наследству... Но мы отвлеклись от темы.

Ты прав: нам нужно попытаться внедрить в «сознание» наших мошек инстинкт «непричинения» вреда – именно человеку. А это – трудно. Сложно. Хотя бы потому, что объём дополнительной информации, который мы можем затолкать на кристаллы памяти микропроцессора, сравнительно невелик, а понятие «человек» – весьма расплывчато! И точного определения, кто – может считаться человеком, а кто – нет – не существует.

– Как это? – Колин действительно был удивлён. Ведь это так просто! Он, и па, и ма, и остальные люди – люди! А собаки – они собаки! Так же, как и воробьи – воробьи!..

– Вот скажи, например: безногого и безрукого человека можно считать человеком? Ведь он не может двигаться! И конечностей у него нет! А человекообразного робота, абсолютно похожего внешне на нас – ну, ты видел таких роботов в музее истории! – но управляемого программой – можно? А бездомного, который ни дня не работал, а живёт, как пиявка, присосавшись к телу Государства, на пособия? А сумасшедшего? А маньяка-убийцу?

О, Колин, я бы мог привести ещё массу примеров людей – «нелюдей», утративших и человеческий облик, и человеческую душу...

Но как нам все эти тонкости и сложности – впихнуть на считанные англострёмы флэш-памяти? К тому же ещё неизбежно изменяемой при «размножении»?!

Вот поэтому в том числе и дядя Эрик – тоже против любого варианта выведения наших крошек – на поверхность. Из стен лабораторий. Он считает, что через несколько десятков поколений исходные программные установки в любом случае изменятся. Собьются. Непредсказуемо. И тогда «приоритеты» наших рудокопов сместятся. И человечество может быть просто – уничтожено!

Колина передёрнуло. Представить себя, облепленного со всех сторон микроскопическими «блохами», могущими выпускать наружу струи плазмы, и искры электросварки, в попытках добыть гемоглобин из его крови – это нечто обалденно страшное! Как кошмар! Сбывшийся...

– Но почему тогда вы просто не?!..

– Прекратим эти работы? – отец снова поправил сползшие очки, – это просто. Продолжения работ требует заказчик. Который и платит нам зарплату. На которую мы все живём. И ведь не плохо?

– Неплохо... Правда, сейчас-то мы живём – как раз – плохо! – Колин обвёл руками коридор.

– Согласен. Здесь не столь просторно и комфортно, как

там, на поверхности. Зато воздух – кондиционированный. Без микробов и пыли. И пища – отличная. И комнаты вполне... Уютные: ну, сейчас увидишь. Да и радуется сознание того, что мы защищены, – отец кивнул наверх, – Над нашими головами – крупнейший горный хребет Скалистых гор! Так что расслабься, и постарайся устроиться с комфортом. Тем более, что ма с Сарой уже должны быть здесь. А вот, кстати, и наш коридор!

Запомни сразу номер: Эйч-18. Комната номер двадцать пять.

Номер был крупно и довольно небрежно, от руки, написан прямо на двери – красной краской.

Па постучал и повернул ручку.

Ма с Сарочкой на руках словно ждали их, стоя посередине большой первой комнаты-зала выделенной их семье «квартиры».

Колин не выдержал: несмотря на настороженное и заплаканное лицо матери, бросился к ней, прижавшись лицом к тёплому животу. Хоть что-то привычное!:

– Ма!..

Ма только вздохнула, опустив на пол дочь, и погладив Колина по голове.

Сарочка тут же захныкала:

– Ма!.. Здесь страшно! Всё чужое! Я хочу домой!

Элизабет прижала к ноге и дочь, похлопывая мягкой ла-

донью по спинке:

– Ничего-ничего! Не плачь, маленькая! Скоро мы все снова поедим домой! Вот только папочка закончит свою чёртову «работу»!..

Колин не видел лица матери, но по тону догадался, что сейчас оно вовсе не пылает смирением, и радостью от того, что все они теперь – фактически в заточении!

– Лиз! Мы уже обсуждали это. И незачем иронизировать и злиться!

– Да, конечно «незачем»! А то, что мы сейчас ничем не отличаемся от заключённых тюрьмы – это «нормально»!..

– Ну... Согласен. Кое-какие неудобства это создаёт!

– «Кое-какие»?! Дорогой, ты определённо утратил или мозг, или чувство реальности! Посмотри на себя! Посмотри на нас! Где это видано, чтоб ведущих учёных запирали в подземельи, словно крыс!

– Ну, во-первых, не запирали. Мы все пришли, или нас привезли сюда добровольно. Потому что в Контракте, который я подписал, и который ты тоже, кстати, читала, есть пункт как раз об этом! И я тебе его *специально* показывал!

– Да, конечно! «Если руководство Корпорации решит, что на последних стадиях работы может произойти утечка важной информации, то оно имеет право на некоторый срок ограничить контакты членов семей с!..» На какой-такой «некоторый» срок нас тут закрыли?! Я даже не успела ничего сообщить матери! И мобильники здесь не работают!

– Дорогая. Тебе, да и всем остальным жёнам, детям, и нам, учёным, разумеется, предоставят возможность общаться с родными, оставшимся там, – Артур кивнул на потолок, – Наверху! Просто делать это какое-то время придётся только эс-эмэсками! Которые будут поступать на центральный Пульт. А уже оттуда – к абоненту.

Ничего. Проживём и без режима звонков, или, тем более – видеозвонков!

Ну, ещё писать друзьям можно и через почту!

– Вот-вот! И я об этом! То есть – контроль контактов, и цензура в её худшем виде! Ничего «крамольного» отсюда не пропустят! И следить будут за каждым чихом! – ма ткнула пальцем в угол, в видеокамеру, – А про подглядывание за личной жизнью я и не говорю! Какой уж тут секс!..

– Лиз. Придётся потерпеть какое-то время.

– «Какое-то время!» И какое же?!

– Думаю, не более пары месяцев. Уж столько-то мы, думаю, сможем потерпеть. И после этого мы сразу сможем выплатить *всю* закладную, и кредит на дом. *Наш* дом.

Как ни странно, это простое заявление сразу если не успокоило, то утихомирило ма. Во-всяком случае она пусть и сердито фыркнула, и дёрнула плечом, но ничего больше не сказала. Отсюда Колин сделал мог бы сделать вывод, что его мать вышла замуж за своего мужа, его отца, по расчету.

Если б только он не понял этого по её поведению и раньше...

Да, ему многие говорили, что в его возрасте всё *это* видится и чувствуется гораздо, гораздо отчётливей. Ложь. Притворство. Лицемерие. Подлость и мелочность. Зависть, лень. И так далее – по всему списку человеческих пороков, которые от подростка с его чувствительными «инстинктами» не скроешь под маской внешних «приличий» и добропорядочности.

Отец же сказал:

– Могло бы быть и хуже. Сейчас в ваше полное распоряжение предоставлена огромная территория бывшего командного бункера. Рассчитанного на комфортное проживание командного состава Армии, членов Правительства, и их семей. В количестве пяти тысяч человек. А вас здесь – не более пятисот женщин и детей. Плюс двести нас, учёных. Разместимся с комфортом. Тебе обеспечено развлечение – телевидение здесь есть. Библиотека, пусть и из старинных, бумажных, книг, тоже имеется. Сарочке предоставят ясли, а Колину – школу. Где будут лучшие учителя.

– Да, помню я... «Высочайший уровень обучения»! Чтоб из него получился второй ты! Вот уж была охота – учиться восемнадцать лет, окончить два университета, чтоб получать, как заместитель председателя Правления средненькой фирмы!

– Однако ты почему-то не выбрала Джека!

– Да, не выбрала!

Колин знал, что дальше пойдёт по накатанной: «Потому, что ты у него была бы не первой и не последней»! «А зато

мы уж точно жили бы не в глухой медвежьей дыре, а в городе!» «А зато ты бы точно сейчас была в разводе, и пыталась бы отсудить алименты!» «А ты никогда бы не женился на королеве выпускного Бала, а взял бы какую-нибудь тихую и серую овцу! Тупую и покорную! Которая тебе и родить-то не смогла бы!..»

Однако Артур сдержал явно рвущиеся на язык слова, вместо этого сказав:

– Я просто... Очень вас всех люблю. И хотел бы, чтоб у вас было *всё!*..

Дорогая, я прошу тебя просто – потерпеть. Ну, и постарайся помочь детям освоиться. Ведь ты лучше меня знаешь, как им будет не хватать свободы... И природы!

Ну а мне... нужно идти работать!

Как ни странно, но ма только кивнула. Буркнув:

– Постараюсь. Приходи уж побыстрей.

Квартира, если честно, оказалась даже шикарней, чем дом!

Огромный, в полстены, телевизор действительно показывал все те триста двадцать каналов, что были у них и дома: мультиков сестре Колин нашёл двадцать шесть каналов! Плюс автомобильные гонки. И прочий спорт. Плюс «живая природа».

Но больше всего его поразила ванная комната: там, вмонтированный в пол, имелся настоящий небольшой бассейн!

Ну, как небольшой: три на семь ярдов! Похоже, чтоб обитатели апартаментов могли поддерживать себя в «форме», плавая...

Имелась тут и спальня для родителей с огромной кроватью, и спальня для Колина – с полками и письменным столом для уроков – он убирался в стену. А вот постель стояла стационарно, и была сделана явно под взрослого... Имелась и спальня для Сарочки, и даже кабинет для работы отца.

Когда он насладился осмотром, ма, кинув взгляд на часы, расположенные над выходной дверью, сказала:

– Пора обедать. Идёмте в столовую.

Только когда они закрыли дверь за собой, Колин обратил внимание на закрашенную наспех белой краской, но всё равно проступавшую табличку: «Генерал Карл Брюер».

Ого! Да они, оказывается – в «элитном» жилье!..

3. Обустройство

От квартиры до столовой оказалось всего шагов сто.

Пока шли, смотреть, кроме как на двери других квартир, с нарисованными на них явно в спешке и кое-как, разноцветными (Наверняка, чтоб скрасить хоть как-то «казёнщину» унылых коридоров, и тягостное осознание замкнутого пространства!) номерами, было не на что.

Большая и светлая комната, настоящий зал, выкрашенная, как и коридоры, белой масляной краской, в которой стояло три десятка столиков, и обедало сейчас не более десятка человек, соседствовала непосредственно с кухней: через широкий проём на уровне пояса Колину были видны все эти огромные застеклённые шкафы, оцинкованные разделочные столы, многоконфорочные плиты с оцинкованными конусами вытяжки над ними, и с парящими кастрюлями и шкворчащими сковородами на них. Запах же...

Оказался отличным! Тут ощущалось и *натуральное* жаренное мясо, и картошечка-фри, и экзотический борщ, и ваниль – пироги точно будут!

Похоже, чем-чем, а невкусной подгоревшей бурдой вместо каши, или покупными залежалыми гамбургерами, как в школьной столовой, их кормить не будут! К счастью.

Ма, ведущая Сарочку за руку, подошла прямо к проёму:
– Здравствуйте!

К проёму с той стороны тут же подошла раскрасневшаяся улыбчивая девушка:

– Здравствуйте! Вы – новенькие?

– Да. Я – жена Артура МакГи, Элизабет МакГи. – ма ткнула пальчиком в бейджик на груди, – А это – наши дети. Извините, мне сказали что наши официальные документы на паёк и всё прочее будут готовы только завтра.

– Э-э, не страшно! Всё равно *сюда* посторонние не попадают! – девушка улыбалась широко и улыбка её выглядела действительно приветливой, а не «дежурной», – Я – Линда. И – добро пожаловать, миссис МакГи! И вам привет, малыши! Вот ты – кто?

– Я – Колин МакГи. – стараясь выглядеть взрослее и серьёзней, Колин всё же улыбнулся.

– Очень приятно, Колин! А как зовут твою сестрёнку? – сестрёнка как раз спряталась за мамину ногу, и сунула палец в рот, настороженно рассматривая новую тётю.

– Её зовут Сара. И она очень стеснительная.

– А сколько тебе лет, Сарочка? – тётя Линда чуть склонила голову в светло-русых кудрях чуть на сторону, отчего стал заметен отличный загар на её шее, и вид у девушки при этом стал совсем уж «домашний».

Сарочка отодвинулась ещё дальше за мамину ногу, и насупилась. Линда поспешила переключить внимание на маму:

– Я так понимаю, миссис МакГи, Сарочка у нас только-только пошла в ясли? И будет кушать хлопья с молоком?

И котлету из молотого мяса? А вы?

– Мы? Ну, мы с Колином, наверное, не будем оригинальны. Будем есть «стандартный» обед. Что у вас на первое и второе? И какие есть салаты?

– Ага. Минутку. Значит, так... – оглянувшись за спину, и нахмутив бровки, Линда принялась перечислять.

Перечисление много времени не заняло: первых имелось четыре варианта, вторых – три. Зато гарниров – шесть. И салатов – шесть.

– А на десерт у нас сегодня – штрудель.

– А что из напитков?

– Имеется как всегда – кофе, чай, компот из сухофруктов, и соки. Пяти видов.

– Отлично. Мне – компот. На первое – пусть будет борщ. А на второе – шницель с картофельным пюре. Из салатов – «американский». Колин?

Колин, моргнув, перечислил: тоже – борщ, компот, и котлету. С макаронами.

– Ну а Сарочке – действительно давайте хлопья с молоком. А на второе – котлету с пюре. Ну, и апельсиновый сок.

– Отлично. Минуту. Сейчас я всё приготовлю!

Действительно, не прошло и минуты, как Линда наложила в тарелки (Настоящие керамические, что до глубины души поразило Колина, привыкшего к одноразовым пластиковым! Поскольку ма не любила заморачиваться мытьём посуды, а посудомоечную машину они ещё не купили: потому, что ещё

не «заплатили по закладной!..») всего заказанного. И принесла и поставила на широкий бордюру, отделявший кухню от столовой, два подноса.

Колин, сопя, взял один из них, и осторожно – тяжёлый! – понёс, молча балансируя, чтоб не пролить борщ, на облюбованный столик – в углу большого помещения. Ма, поблагодарив Линду, взяла второй. Но идти пока не смогла: Сарочка вцепилась в её ногу, как клещ! Попытки «вразумления» и сердитые оклики нисколько не помогли. Колину пришлось вернуться, и перенести на «их» столик и второй поднос. После чего он принялся подносы разгружать, выставляя тарелки и чашки на стол, а ма же пришлось нести захныкавшую и наморщившую личико Сарочку к столу на руках.

Приём пищи прошёл нервно. Сарочка кривилась, и не хотела есть «чужую» еду. Колин, наблюдая за страданиями матери, кушал тем не менее с аппетитом – еда оказалась и правда – вкусная! Ма так готовить не умеет. Впрочем, он был уже научен горьким опытом – попробуй он только об этом заикнись!.. Ха! «Тёмный Чулан» на два часа обеспечен!

Вот, кстати, интересно: а где ма будет закрывать его для наказания – здесь? «Тёмных Чуланов», или хотя бы – пустых углов, в квартире генерала Брюера – нет!

Впрочем, не это сейчас главное. Да и за ма он не волновался: уж она-то что-нибудь придумает! Времени для раздумий у неё сколько угодно: звонить теперь некому! А так – она и не работает, и не стирает: машинка для этого – есть и

здесь! И обед не готовит, предпочитая просто разогревать в микроволновке полуфабрикаты. И рукоделием, как, скажем, тётя Розмари, не увлекается...

Доев, Колин протянул руки. Ма с большим удовольствием и видимым облегчением пересаживала Сарочку со своих коленок – к нему. Колин занялся малышкой. Принялся «ворковать», как ма это называла, и уговаривать. И, как ни странно, сидя у него на коленях, очевидно, успокоенная и отчасти убаюканная его привычным баритончиком, Сарочка наконец смилостивилась: перестала отворачиваться, и согласилась покушать.

Колин за буквально пять минут скормил сестрёнке все хлопья, после чего разделил остывшую котлету вилкой на маленькие кусочки, и тоже – скормил. Сок, конечно, на платице Сарочки пролился. Ну, ничего – это было «рабочее», домашнее платье. Ма с таким расчётом его на дочь и одевала.

Пустые подносы и тарелки Колин отнёс к приёмному окну: видел, как это делают остальные посетители, те, кто закончил трапезу. А новые «клиенты» входили в столовую примерно по два-три человека каждые пять минут. И были среди них и мужчины, и женщины, и, как и у них – дети... Колин вспомнил слова па: пятьсот «членов семей». И двести учёных. Но учёные так далеко наверняка не ходят – у них, где-то на их уровнях, есть и своя столовая. Впрочем, па сказал, что кроме этой, ближайшей в их секторе Убежища, есть ещё три.

Передавая подносы с пустыми тарелками пожилому усатому мужчине с загорелым лицом, и в кожаном коричневом фартуке, Колин сказал:

– Спасибо! Всё было очень вкусно!

Погружённый в свои, явно невесёлые, мысли, мужчина вдруг словно очнулся:

– Рады, что вам понравилось! Главный Шеф у нас всегда отменно готовит! – улыбка получилась застенчивая, но открытая, и явно – от души.

– Ага! А когда у вас – ужин?

– А когда проголодаетесь! У нас нет жёсткого графика, и каждый приходит, когда ему удобно. Как он привык! И кушать можно – хоть пять раз в сутки!

– Понятно. Спасибо ещё раз! – Колин вежливо поклонился, и двинулся к ма. Та уже направлялась к двери, внезапно прямо у проёма почти столкнувшись с тётёй Мэриэнн, тоже ведущей за ручку дочку: пятилетнюю Памеллу:

– О, Мэри, милочка! Вы уже тоже здесь?!

– О, Элизабет! Как я рада вас с Колином и Сарочкой видеть!

Последовавший за этим дежурный диалог Колин почти не слушал, поскольку он мало чем отличался от «стандартного», которым его ма всегда обменивалась с подругами и соседками: «как дела, как здоровье, как дома, как муж, как тётя Эмм и дядя Альберт?..»

Сарочку передали ему, и Колин молча, подхватив посоло-

вешую малышку на руки, побрёл по коридору к их комнате. Он помнил: Эйч-18, номер 25...

Впрочем, долго Сарочка на его попечении не была: ма появилась буквально через минуту после того, как он, открыв дверь простым стальным ключом, внёс сестрёнку в квартиру. Сестру сразу отправили «на горшок», после чего ма занялась её переодеванием в пижаму и укладыванием. Колин же ещё раз обошёл квартиру.

Камеры видеонаблюдения в одном из углов в каждой комнате, ему о многом сказали. Особенно те, что имелись в ванной и туалете.

Что все они, что учёные, что теперь и их семьи – действительно, по факту – заложники. И пленники. И неповиновения, или ещё какой крамолы их Хозяева не допустят.

Ма вышла из комнаты малышки уже через пять минут:

– Молодец, Колин. Плотно накормил. (Как тебе удалось?!)

Она просто «сварилась».

– Ага. Но это не только от еды. Она сильно расстроена тем, что мы – здесь.

– Да, Колин. Я и сама, если честно, очень этим расстроена. Мягко говоря. И тоже вся, как на иголках! Но... Но па сказал, что эти трудности – временные. И к тому же – хорошо оплачиваемые. И он в какой-то степени рад, что показал тебе, как тут всё устроено, и чем они все там занимаются. Учёные из нашего «закрытого» посёлка. А, кстати – чем?

Колин, понимая, что ма любопытна, словно кошка, а отец никогда не делился с ней (Во избежание!) подробностями своей работы, решил рассказать. Хотя бы – в общих чертах. Хотя и понимал, что матери все эти технические проблемы и тонкости вряд ли нужны. И вызовут только скуку.

Так и вышло. Не успел он дойти до «Первого Закона», как она кивнула:

– Понятно. Действительно, это очень интересно... – она поджала губы, как всегда делала, когда отец пытался что-то ей объяснить, – Ну, ладно. А теперь давай-ка тоже – иди к себе, и попробуй поспать перед ужином. Ну, или хотя бы подремать. Ты сегодня с шести утра на ногах!

Действительно, столь ранний подъём вместе с сытным обедом действовали... Усыпляюще! Хотя Колин понимал, что теперь ему придётся привыкать к новым местам, и распорядку жизни: тут и еда будет происходить вне «дома», и школа наверняка работает не с десяти, как там, наверху... В оставшемся где-то, словно далёкое и нереальное воспоминание, «закрытом» поселении. Где, действительно, жили только учёные, «обслуживающий» Комплекс персонал, штатные военные, охрана... И их семьи.

В своей комнате Колин сел на постель. Снял туфли. Вернее – удобные мягкие мокасины, которые предпочитал носить, так как нога росла быстро, а мокасины легко растягивались хоть ещё на два размера.

Лёг на аккуратно застеленную постель. Руки засунул под

подушку.

Пока не заснул, подумать нашлось о чём.

Хотя бы о том, зачем на самом деле па показал ему планировку и устройство «Убежища». И рассказал о том, чем занимается.

Колин понимал, что не всё так просто с этим «секретным» проектом. Оно и понятно: раз его заказал Пентагон, дело, скорее всего, идёт не только и не столько о «добыче из руды металла», сколько – об оружии. И оружию действительно – страшном.

Ведь против миллиметровых крошек бомбами, гранатами и пулями не повоюешь!

Как и не передавишь руками, пусть и с плоскогубцами, все эти прочные тельца!

А излучений, или ядов, или даже боевых вирусов или бактерий они уж точно не боятся! Ну и как бы противник мог воспротивиться уничтожению всего своего «военного потенциала»?! Как там сказал дядя Эрик? «Тринадцать дней»?..

Очень похоже. И пусть куча руды, за переработкой которой Колин с па наблюдали, и шевелилась и оплывала прямо на глазах, всё равно... Поверить трудно!

Непривычно наблюдать за *таким!*

Тогда, замерев у бронестекла, он понимал только, что видит почти волшебное преобразование – тварюшки, неживые и примитивно мыслящие, строят себе подобных из «бедной», почти чисто – каменной, породы. Сверкают ис-

крами разрядов электросварки, и двигают клешнями-манипуляторами (Па показал ему укрупнённую фотку мошки!) настолько быстро, что их мельтешения и не видно: всё расплывается!

Ну а сейчас, лёжа на удобной и мягкой кровати, и глядя в белый потолок, Колин поёживался: до него только сейчас дошло, что не будь стекло – бронебойным, и не имей оно в составе ни грамма железа – точно повыбрались бы наружу крошечные монстры! И тогда всему тому миру, что он знает, к которому привык – конец!

Нет, правда: конец!

Но поскольку кубический бокс, как объяснил ему отец, облицован таким стеклом со всех шести сторон, бояться, вроде, нечего. Особенно после того, как внутри выключают свет, и «мошки» замирают, лишённые энергии.

Вот: кстати! А почему они – ну, мошки! – не догадались до сих пор «оснаститься» аккумуляторами?! Ведь тогда они могли бы коварно затаиться, и!..

С этой тревожной мыслью он и заснул...

Проснулся от звуков голосов.

Всё правильно: это вернулся с работы отец, и они с ма что-то опять обсуждали. Активно. Что, впрочем, скорее было традицией... Но хоть не ругались! Визга при этом было бы куда больше!

Колин влез в мокасины, и вышел из комнаты: отца надо

защищать!

Впрочем, оказалось, что тот не нуждается в защите: ма как раз пила что-то странное из мензурки. Некую тёмно-фиолетовую густую жидкость. Наверное, отец как раз и пытался её уговорить выпить её.

Артур МакГи посмотрел на вошедшего сына обеспокоенно:

– Колин. Иди-ка сюда. Сейчас я и тебе налью.

Отец протянул руку, и мать вернула ему опустевшую мензурку.

Из небольшой плоской фляжки, сделанной, насколько Колин видел, из чёрного стекла, па, нахмуренно следя за уровнем и рисками на боку тары, налил в мензурку сто двадцать пять миллилитров тягучей и не слишком похожей на воду, жидкости:

– По пять миллилитров на каждый килограмм веса! Пей! До конца!

Колин понюхал, прежде, чем выпить. Не пахло ничем.

Он выпил, пытаясь определить вкус. Никакой.

Жидкость просто была чуть более тягучей, и «медленной», чем обычная вода.

– Па, а что это?

– Это – компенсатор. Он разработан лабораторией доктора Аденауэра. Ну, ты уже наверняка догадался: чтоб скрыть от наших мошек запах гемоглобина. Некоторое время разить от тебя при потении будет, как от козла. Но, думаю, мы это

переживём.

– Думаю, да. – Колин пожал плечами, – А эта штука работает?

– Да. Во-всяком случае, на мышах, крысах и свиньях – работала.

– Погоди-ка, «дорогой» – лицо у ма вытянулось, а потом лоб покрыли складки, – Ты хочешь сказать, что мы теперь – не только как крысы, но и как *свиньи*?!

– Вовсе нет, милая. – па посмотрел на супругу с долей иронии, – Это крысы и свиньи – как мы.

– Что ты хочешь этим сказать?!

– Только то, что у свиней, как бы странно это не звучало, организм почти полностью тождествен человеческому. Как и эндокринная система. Как и температура тела. Как и устройство всех органов. Ну, и всё прочее. Так что испытывать все новые, что лекарства, что яды, что биологическое оружие, наши бравые вояки предпочитают теперь на них! А не на заключённых-смертниках, как было до этого. Ну, или на «низших» расах. То есть – жителях тех стран, где у нас есть биологические лаборатории.

На это замечание ма только фыркнула, не удостоив отца ответом.

Он же сказал:

– Буди, пожалуйста, Сарочку. Пусть и она выпьет натошак.

А потом нужно бы нам сходить на ужин.

Да и укладываться.

День сегодня был хлопотный.

Ужин им подала другая девушка – Анна. Она тоже улыбалась, и доктора МакГи даже узнала, но её улыбка показалась Колину несколько вымученной.

Еда уже не казалась Колину столь вкусной. Или так получилось от того, что в тот раз он сильно проголодался, а сейчас – ещё не успел?..

Зато Сарочка кушала, уже почти не капризничая.

Людей в столовой было всё так же немного – человек пятнадцать. Похоже, некоторые учёные, судя по белым халатам, предпочитали ужинать не на рабочем месте, а в столовой поближе к дому.

Подносы к окну снова отнёс Колин – усатый был на месте, и даже приветливо отозвался на благодарственную реплику Колина:

– На здоровье! Спокойной ночи!

Дома началось.

Собственно, Колин и так понимал, что мать молчать не будет. И то, что она не спускает пока всех собак – значит, что готовит «тяжёлую артиллерию»: хлёсткие фразочки и нелюбимые сравнения.

Так и вышло. Их с Сарочкой отправили к Колину в комнату, после чего «выяснение отношений» разгулялось по-пол-

ной.

Колин слышал только отдельные реплики, но и по ним прекрасно понимал, о чём идёт речь:

«...никогда не думала, что твоя чёртова работа как-то связана с оружием!»

«А она и не связана!»

«Ты эту лапшу можешь вешать Колину – он ещё не понимает! Ну а я-то – вполне понимаю теперь, о чём речь! О мировой войне! И Апокалипсисе!»

«Что за чушь! Никто и никогда не выпустит эту, как ты говоришь, чуму, пока мы не будем полностью уверены в безопасности её для нас!»

«Ага! Ты именно поэтому дал нам выпить этой гадости! А все остальные четыреста миллионов наших, американских, граждан, вы тоже ей напоите?!»

«Надо будет, и напоим!..»

«Ты меня за совсем уж идиотку не считай! Насильно, что ли, будете всем вливать? Потому что добровольно никто не!..»

Сарочку Колин старался развлечь, показывая картинки из какой-то захваченной матерью из дома (Похоже, произошло это чисто случайно, автоматически!) книжки. Зато вот собрать практически все модные и дорожные платья, юбки, блузки, и прочие наряды, которые па ей купил, и затолкать в три огромных сумки и чемодан, она не забыла!

Сарочка не слишком внимательно слушала текст, который

Колин ей читал. Вместо этого она вслушивалась в выкрики и возгласы, доносившиеся из-за закрытой двери.

Колин тоже невольно вздрагивал каждый раз, когда ма переходила на крик – её обычный «довод и аргумент» в спорах и скандалах с мужем – знала, что тот не выносит, когда она визжит. Да и то сказать – голос у неё в такие моменты напоминает визг циркулярной пилы на лесопилке: рядом с их посёлком имелся лесозаготовительный пункт от какой-то маленькой фирмы. Работавшей, впрочем, тоже на Корпорацию.

К сожалению, сегодня всё это длилось даже дольше обычного: часа два.

Но когда выкрики и ругань наконец прекратились, Колин понял, что скандал завершился вовсе не из-за того, что ма исчерпала «аргументы» – па просто ушёл, хлопнув дверью! После этого из-за двери доносились только рыдания и отдельные нецензурные слова, значение большинства которых Колин уже знал.

Наконец через пять минут ма, внешне успокоившаяся, с лицом, вытертым от косметики, но весьма всклокоченная, вошла в его комнату. Забрала на руки притихшую на его кровати малышку:

– Пойдём, милая. Будем укладываться! Колин, ты тоже ложись. Завтра к восьми тебе в школу!

Колин только кивнул:

– Ага.

После чего последовал традиционный ритуал с чисткой зубов и умыванием.

Новые носки Колин нашёл в шкафу, имевшемся в его комнате, на нижней полке. На верхних лежали приготовленные какими-то заботливыми «пчёлками» чистые армейские майки его размера – защитного цвета. И такие же трусы, и спортивное трико. Была в шкафу и пижама. И даже домашние тапочки.

Странно. При осмотре квартиры и своей комнаты в первый раз Колин ничего этого не видел – полки шкафа были пусты! Наверное, пока они были в столовой, кто-нибудь...

Позаботился.

Ну и спасибо им за это – ма почти не взяла с собой при сборах детского нижнего белья, а только верхнюю одежду! Свою. Ну и кое-что из их...

Колин отправился в ванную комнату: он видел там сушилку. На неё прекрасно можно повесить его трусы и носки, которые он сейчас постирает. Поскольку новые оказались вполне... Удобными, и его размера.

Постирать брошенное небрежно в угол ванны платице Сарочки он тоже не забыл.

Заснуть не мог долго. Но и потом, во сне, его мучили странные обрывочные сны – не сказать, что кошмары... Но близко. Он всё бежал куда-то, чувствуя за спиной какую-то опасность, Сарочка на руках визжала – почти как ма... А ноги... Словно были ватными!

Но когда проснулся и передел сухую майку вместо пропотевшей, оставшуюся часть ночи спал, вроде, спокойно.

«Утро» началось с того, что ма как обычно включила свет в его комнате:

– Колин! Подъём! Быстренько одевайся, и идём в столовую. Мы с Сарочкой уже готовы. Только-только успеем поесть, и ты – в школу, а малышка – в ясли!

Колин собрался было спросить: «А ты?»

Но вовремя вспомнил.

Что матери нельзя лишний раз напоминать, что она «официальная бездельница». Впрочем, как и большая часть домохозяек в их бывшем поселении.

Иначе, по прибытии из мест обучения ему точно найдут «Тёмный Угол».

4. Школа

С утра в столовой было довольно людно.

Ну правильно: очень многие дети должны идти: кто в ясли, кто – в школу.

Колин внимательно присматривался к десятку мальчиков и девочек своего возраста: многих из них он просто знал – по школе там, наверху. С такими они обменивались приветствиями: «Привет, Майкл!» «Привет, Колин!» «Привет, Дилан!» «Привет!»

Некоторых, конечно, он видел впервые – особенно это относилось к тем, что постарше: подростками и почти настоящим девушкам. Но этих было немного – человек шесть. Малышни, типа Сарочки, и вообще было всего трое, включая её.

Еда много времени не заняла – завтрак у детей оказался стандартным: как там, дома. Но Колина несколько напрягло, что все дети закончили еду, когда они с ма и Сарочкой только сели завтракать.

Ма на этот раз выбрала себе огромный чизбургер, и порцию картошечки-фри, и, похоже, решила наплевать на «диету». Из её знакомых тут, кроме тёти Мэриэнн, нашлись «тётя» Джулия, и «тётя» Хелен. Ну, и «тётя» Лорна. Но с ней ма успела перегрызться из-за «громкой» газонокосилки, и теперь демонстративно не здоровалась и не разговаривала.

Ну, и доктор ВанДайк – он решил сегодня позавтракать с семьёй.

Па на завтрак не появился. Значит, решил кушать там, у себя.

Колин, в очередной раз относя подносы, столкнулся даже типа – с очередью: он оказался третьим. Деловитый и быстро работавший усач сегодня сдал смену тоже хваткой и весьма полной и потной пожилой женщине. Однако так быстро разбираться с посудой, как сменщик, она не могла. Но всё равно, за минуту Колин освободился.

Ма отвела его и Сарочку в коридор Эйч-22. Там, в комнате № 9 имелись ясли. Сарочку от материнских коленок пришлось отрывать силой: а уж голосила она! Колину буквально резало ножом по сердцу. Но ма у них – оказалась вполне «жестокосердной»: помогла «тёте» Сандре затащить малышку в большую и светлую комнату, где уже имелось с десяток таких же несмышлёнышей, и в одном из углов высилась настоящая пирамида из разноцветных ярких игрушек: «Если будет капризничать – скажите! Я накажу её!»

На уверения тёти Сандры, что «всё у них будет в порядке», Сарочка только пошмыгала носиком, с обидой глядя на мамочку: знала, что та не шутит!

Но вот дверь за малышкой закрылась, и мать сказала:
– Надеюсь, до комнаты 24 дойдёшь сам. А мне пора заняться... Делами.

Колин кивнул:

– Да, дойду. А сколько примерно будут идти занятия?

– А вот этого я не узнавала. Но, думаю, так же, как Навер-ху. В час освободишься.

– Ага. Обедать идти самому, или зайти за тобой?

– Обедай сам. Сарочку я заберу вечером. Их кормят прямо в яслях. И спать укладывают до пяти там же.

Колин кивнул снова. После чего повернулся и пошёл по коридору. Он не оглядывался, но по быстрым шагам понял, что ма и правда – отправилась «по делам».

Интересно, какие у неё *здесь* – «дела»? Ведь вряд ли в Убежище имеется солярий, спа-салон, и парикмахерская. И супермаркет. И клуб «женских рукоделий»...

И ведь не спросишь. «Тёмный Угол».

Постучав в дверь с номером 24, он повернул ручку и вошёл.

Ещё одна большая и отлично освещённая комната. За столиками, спинами к нему, сидят с десятков подростков. У доски, где, правда, ничего не написано, или нарисовано, стоит мужчина, лет пятидесяти. Мужчина повернулся к Колину:

– Ты – новенький?

– Да. Я – Колин МакГи. Мы... Переехали только вчера.

– Сколько тебе лет, Колин?

– Восемь. Почти девять.

– Всё равно мало, и ты попал не в свой класс. Здесь учатся те, кто старше одиннадцати. Тебе нужно к мисс Глон. Это –

дальше по коридору. Комната 25.

– С-спасибо.

Колин, неловко поклонившись под взорами всех обернувшихся к нему подростков, поспешил закрыть дверь с той стороны.

Ну ма! Это ж надо. Даже не потрудились узнать, что младшая группа – в другой комнате!..

В комнате мисс Глон Колин увидел сверстников. Были здесь и те, с кем он уже был знаком – Майкл, Пьер, Дилан, Фаррел... Девочки вот только все были незнакомые. И здесь все тоже смотрели на него с недоумением: дескать, почему опоздал?

Колин поспешил извиниться:

– Прошу прощения, мисс Глон. Мы отводили в ясли Сарочку. Я опоздал. Я – Колин МакГи. Новенький.

Мисс Глон, похожая, если честно, на сухарь в очках, худая, абсолютно безгрудая, и узкобёдрая, одетая в старинную длинную юбку и белую кофточку с рюшечками и кружевами, смотрела весьма хмуро:

– Проходи, Колин, садись вон за тот, пустой, стол. Сегодня я тебя прощаю, но! Только – на первый раз. Как новенького. В следующий раз у твоего отца из жалования (Она так и сказала – «жалования»!) вычтут штраф. Поэтому старайся не опаздывать.

– Я... Я понял. Извините ещё раз.

Под ироничными и откровенно весёлыми взглядами од-

ноклассников Колин прошёл к свободному столику, и сел, стараясь не шуметь выдвигаемым стулом.

Мисс Глон, с видом оскорблённой в лучших чувствах английской королевы, продолжила с того места, где явно оставилась:

– И назывался этот бунт – Французская революция. Именно она вызвала во Франции экономическую и политическую катастрофу, последствия которой сказывались на состоянии этой страны вплоть до прихода к власти Наполеона Первого. А произошло это...

Колин практически мгновенно, как это и случалось там, наверху, отключился. Но когда попробовал повернуться и переговорить с сидящим слева Майклом, тот цыкнул на него весьма свирепо. Прошипел:

– Лучше – слушай! Поймает, что не слушал – штраф с отца!

И точно:

– Новенький! Как тебя... Колин. Повтори, что я сейчас сказала!

– Ну... вы сказали, что экономика Франции была полностью разрушена революцией, и что только Наполеон Первый частично поправил её, потому что... Э-э... Вёл захватнические и грабительские войны!

– Хм-м... Не совсем, конечно так, как говорила я, – она выделила последнее слово, ясно давая понять, что он должен запоминать именно её формулировки, – Но в-принципе,

верно. Не отвлекайся.

– Да, мисс Глон. – он поспешил принять деловой и невозмутимый вид.

Ещё тридцать минут, вплоть до конца урока зарубежной истории, пришлось сидеть с каменным выражением на лице, действительно слушать, и только моргать.

Ведь Колин вовсе не хотел, чтоб его отец столкнулся со «штрафами»! А ещё меньше он хотел показать, что «невнимателен и расхлябан». Ведь он – сын своего отца!

На перемене мисс Глон ушла из классной комнаты.

Майкл тут же подошёл к Колину, подавая руку:

– Ну, ты попал, чувак! Опоздать на урок мисс Глон – это, я тебе скажу – нечто!

– А что? Такая прям свирепая? – Колин с удовольствием пожал тёплую ладонь.

– Как овчарка! Хуже неё только мистер Ходжес. Он вообще – зануда редкостный. Ладно. Пьера и Фаррела ты и так знаешь. С Диланом и Эндрю ты хотя бы виделся, – Колин пожимал руки ухмылявшихся мальчиков, явно дававших понять, кто здесь – старожилы, – Майкл кивнул не без ухмылочки на потолок, – В школе! Наши классы объединили.

А теперь пойдём знакомиться с остальными.

Остальных, их оказалось двенадцать, Колин запомнил быстро. Почти все они были его погодки: только Рональду и

Кайли было девять. Кэтрин, Полина и Анна держались весь-ма заносчиво: ещё бы! Дочери «ведущих»! Да и симпатичные, конечно.

Не «выделывалась» и помалкивала только Джанет. Но она и лицом, если честно, походила на овцу. К тому же была пухленькой и низенькой. Несмотря на полные восемь.

Колина поспешили ввести в курс дела: никаких учебников, тетрадей, и уж тем более – планшетов и айфонов.

В *этой* школе требуют, чтоб ученики запоминали всё – с первого раза!

И экзамены будут – как в старые времена, в прошлом веке! А кто не сдаст – будет виноват в очередном вычете из зарплаты отца.

Правда, долго наслаждаться разговорами да сетованиями, как плохо быть детьми учёных, не получилось. Вошёл мистер Донахью, и началась математика. Мистер Донахью писал на доске округлым, почти детским, почерком, но у него хотя бы цифры были чёткими и понятными – не то что там, наверху. Колин смотрел и слушал: объяснял мистер Донахью чётко и понятно. Сложные места повторял.

Колину удалось запомнить достаточно, чтоб разбираться в основных принципах сложения и вычитания простых, а затем и – двузначных чисел.

На третьем уроке пришлось попотеть: за них взялся мистер Ходжес. Биолог.

Поскольку па показал Колину то, что они создали, и описал примерно, чего они добиваются, и с какими трудностями столкнулись, общий смысл того, что рассказывал мистер Ходжес про «биотопы», «ареалы», и «пищевые цепочки», улавливался в мозг легко.

Однако то, что он слушает вполуха, мистер Ходжес просёк сходу:

– Новенький! Ну-ка, повтори, что я только что сказал!

Колин заставил себя выглядеть сдержанным и спокойным:

– Вы сказали, мистер Ходжес, что соотношение на каждой ступени пищевых цепочек – примерно один к десяти. То есть, чтобы прокормить одного льва – нужно десять антилоп. А для тех – соответственно в десять раз больше их по весу – травы!

– Хм-м... В-принципе, правильно. – Колин обратил внимание, что мистер Ходжес оценивает его практически теми же словами, что и старуха Глон, – Но если ещё раз замечу, что смотришь не на доску, а... э-э... в другое место – посажу на первый стол!

Колин заценил, как «тонко» мистер Ходжес замолчал тот факт, что засёк, как Колин пялится на тоненькие, но пикантные ляжки Анны, которая явно выросла из своего платья, но и угрозу тоже заценил:

– Простите, мистер Ходжес. Больше не повторится!

После биологии была и химия, и грамматика.

Однако поупражняться в письме им не пришлось. Зато пришлось ходить к доске, и выводить свои каракули на ней, под пристальным взглядом мисс Мюллер. Колин с написанием слова «гамбургер» справился с первой попытки. Благо, «образец» имелся вверху доски – начертанный рукой мисс Мюллер, пышнотелой дамы бальзаковского возраста.

Похоже, занятия в такой школе, с явно отличающимися от «стандартных» требованиями к «усвоению» материала, сильно вымотали не только его – особенно ворчали на то, что даже невозможно потрепаться, девочки. Привыкшие к этому ещё там, в посёлке. Да и вообще, им мысль «учиться качественно» явно пришлась не по вкусу. Как и отъём айфонов.

Поэтому сразу после окончания занятий, после пятого урока, все дружно отправились в столовую. Но и здесь особо поговорить не пришлось: всё время подходившие взрослые занимали свободные места, а когда их не хватало, без стеснения подсаживались за столики детей: к Колину, Майклу и Фаррелу подсел неулыбчивый техник, которого Колин видел внизу, в Машинном Зале Убежища.

Так что пришлось побыстрее закончить трапезу, да разойтись по домам: Майкл жил в комнате № 31, в том же коридоре, что и Колин, а Фаррел – в тринадцатой, в коридоре Эйч-19. И вообще: из того, как неуверенно его приглашали «в гости», Колин понял, что ходить здесь друг к другу не слишком-то удобно. И не приветствуется.

Ну правильно: теснота, замкнутое пространство. Матери

друзей и там-то, наверху, в своих домах-коттеджах смотрели на приходящих в гости не слишком приветливо... А отцы имеют право на «высококачественный отдых».

Без шумных и подвижных малолетних «гостей».

Матери дома не было.

Колин, открыв своим ключом, и убедившись, что постели заправлены, и разбросанные вчера, в порыве «страсти», вещи прибраны в шкафы, несколько воспрял духом. Не совсем, стало быть, ма в ажиотаже. И можно попытаться сделать то, о чём он с самого начала мечтал!

Вода в бассейне оказалась очень даже тёплой! Термометр показывал целых двадцать четыре. Прямо как в море! Ну, или океане.

Плавал и нырял, отфыркиваясь, словно дельфин, Колин минут десять.

Потом ему наскучило. Когда никто ежеминутно не окрикает, ворча, что сейчас его схватит судорога, или он простудится, и находиться в воде-то – неинтересно...

Но чем же здесь ещё заниматься?!

Айфон у него отобрали ещё на входе, в пропускном пункте. И возвращать, как обещали, явно не собираются. И вообще – средств мобильной связи он здесь не видел ни у кого. Секретность, будь она неладна!..

Телевизор, что ли, посмотреть?

Очень быстро выяснилось, что ни новостных, ни «социальных» каналов тут нет. А есть только спорт, и документальные – про ту же науку, историю, животных, природу. А приглядевшись внимательней, Колин понял, что и спортивные каналы передают не прямые трансляции, а – записи. Причём некоторые – чуть не полугодичной давности!

Вот тебе и здрастье. Это – не «прямой эфир». А кабельное ТиВи. В записях.

Отрезаны они, значит, от мира, оставшегося наверху...

Он выключил телевизор. С другой стороны, оставаться здесь ещё два часа и бездельничать, слоняясь по генеральским апартаментам в ожидании матери с Сарочкой – тоже скучновато.

А пойдёт-ка он в библиотеку!

Заведующая библиотекой, мисс Потс, понравилась Колину.

Худенькая, улыбающаяся какой-то мягкой, словно застенчивой, улыбкой, она казалась совсем девочкой: вероятно, ей и было лет двадцать. Но у неё, в отличие от мисс Глон, хотя бы имелось то, чему положено иметься у любого существа женского пола: приятной формы грудь, вполне милая округлая попа, и тонкая талия.

Когда Колин сказал, что хотел бы почитать какие-нибудь детские книги с картинками, про историю, и про оружие, девушка сказала просто и конкретно:

– Иди по этому проходу, на первом перекрёстке сверни налево – и до конца. Ряд – первый. Номер на нём есть. Там будет стеллаж «История». Дойди до раздела «Детские», и смело ищи, что понравится. Оружие – стеллаж «Оружие». Он – в восьмом ряду. И тоже – «детские».

То, что выберешь – неси сюда. И читай. – мисс Потс показала рукой на десять длинных столов, имевшихся в зале, где она сидела за столом у входа, и где сейчас читало трое подростков из старшей группы, мужчина в сером халате техника, и одна пожилая женщина в комбинезоне, – А вот выносить книги из библиотеки домой, к сожалению, нельзя. Так что, если дочитаешь – возвращай её на то место, откуда взял. А если не закончишь – вон в тот стеллаж, у входа! Продолжишь завтра.

– Понял. Спасибо, мисс Потс.

– Всегда пожалуйста, Колин МакГи.

До стеллажа «история» Колин добрался легко.

Пока шёл мимо, с интересом изучал подзаголовки: «Древний мир». «Современная американа». «Современная Азия». «Европа». «Африка».

В самом конце нашлись и «детские».

Достав книгу «История Французской революции», Колин открыл её.

Всё верно: картинки, со взятием Бастилии, и Маратами-Робеспьерами-Дантонами, и батальными сценами, име-

лись. Вздохнув, он направился в читальный зал.

На изучение книги, представлявшей собой весьма сжатый и примитивный конспект нормального учебника, ушёл примерно час. После чего Колин решил не искушать судьбу: вернул книгу на место. Распрощался с мисс Потс. И отправился домой – а попробуй он не приди к приходу матери с Сарочкой!

Па сегодня пришёл только после ужина.

Поэтому ужинать пришлось снова втроём, и недовольный вид матери засёк не только он, но и «заклятые» подруги: «Лиз! Ты сегодня что-то не в форме! зуб болит?..».

Что они ели, Колин не особо разобрал – он был поглощён очередным кормлением малышки, и сам и не ощущал, что засовывает к себе в рот. Ма налегала на две котлеты.

Колин снова поблагодарил загорелого пожилого усача, и они вернулись домой.

Ма включила себе телевизор, Колин с Сарочкой решили поиграть в её комнате – как они её теперь называли, детской. Но когда дверь открылась, и раздался звук голоса МакГи старшего, выбежали из неё, словно за ними черти гнались:

– Па!

Па приветствовал врезавшихся ему в ноги детей с явной радостью:

– Ну, привет, привет, мои хорошие! Рад видеть! Как они тут? Вели себя хорошо?

На обращённые к ней слова ма отреагировала... Нормально:

– Вполне. В том смысле, что Колин ещё девиц не приводил, а Сарочка на столе в столовой румбу не танцевала!

Артур улыбнулся:

– Странно. И так на них не похоже!

Ма соизволила сдержанно похихикать. Отец сказал:

– Ладно, я переоденусь в домашнее, и мы во что-нибудь с ними поиграем!

Ма дёрнула плечом:

– Да ради Бога! Хоть всю ночь!..

Пока они играли на полу в комнате Сарочки наборами Lego в какую-то немислимую смесь из «Звёздных войн» и «Отделения полиции», отец как-то незаметно увёл их в дальний угол комнаты. Где сел на пол так, чтобы его не было видно в камеру – за постелью. Сделал знак Колину наклониться. Еле слышным шёпотом произнёс:

– Колин! Вот два... э-э... дыхательных прибора! Это тебе и Сарочке! – из-за пазухи отец достал две странного вида трубки диаметром с огурец, и длиной дюймов в восемь. С обеих торцов каждой имелась тоненькая стальная сеточка, а в центре находился как бы – загубник. Как у дыхательного прибора акваланга – Колин такие загубники уже видел, – Спрячь за пазуху!

Колин молча кивнул, и поспешил так и сделать. Отец продолжил:

– Пока смог достать только два. Нам с ма достану позже. А эти – спрячь у себя под матрасом, в головах. И помни: наши камеры слежения отлично видят и в полной темноте: они с тепловизорами! А теперь – главное! Если вдруг почувствуешь, что стало трудно дышать... Ну, или в воздухе появился какой-то странный запах – немедленно доставай и дыши! И с другим – бегом в детскую! Чтоб и Сарочка – дышала через эту штуку!

Колин снова кивнул. Отец добавил:

– Только имей в виду: платиновых катализаторов хватит не больше, чем на двое суток. За это время вы должны будете любыми способами покинуть... Убежище!

5. Газовая атака

У Колина похолодело внизу живота, и в горле застрял липкий комок.

Поэтому он смог только еле заметно кивнуть, и успеть подхватить падавшую с кровати пластмассовую полицейскую машинку. А затем и Сарочку, пытавшуюся в пылу азарта за ней последовать. Отец вздохнул.

После чего они игру продолжили – но, как понял Колин, только для невидимых наблюдателей, наверняка не спускавших глаз с одного из ведущих специалистов. Колин имел массу времени, чтоб обдумать ситуацию, на автомате взявсь с малышкой и сюсюкаясь: «Сарочка! А давай теперь её сюда – в гараж! Не влезает? А мы его расширим! Вот так! Ну вот: влезла!»

Ситуация представлялась вполне чётко и однозначно.

Есть заказчики. Отцовские. Которые хотят получить самое страшное и «крутое» оружие за всю историю чёртовых вооружений. Оружие, которое сможет лишить противника не то, что металла, а и просто – может сожрать его солдат! И мирных гражданских! Полностью уничтожить всю «живую силу» противника! То есть – не только бойцов... А и женщин, и детей, и стариков! Население. И тогда территория врага окажется попросту...

Не населена!

Приходи, кто хошь, живи, кто хошь... Если, конечно, защищён компенсатором-протектором!

Если только он правильно понял мысль отца. Ну, или его недомолвки: вероятней всего, работы ведутся не в том смысле, чтоб чёртовы мошки не ели людей вообще, а только – американцев. А вот остальные расы и нации – вовсе не являются «неприкосновенными»! И подлежат, стало быть, «зачистке»!

Именно для этого и создан Протектор. То есть – Компенсатор. Несущий в себе сигнал: «Я – свой!» Система проверенная: точно так же оборудованы все боевые самолёты системой распознавания: «Свой-чужой». Свой – лети себе дальше. Чужой – получи в борт ракету «Воздух-воздух»!..

Ну а тут то же самое: американец – живи. Нет – адиос, амиго! Аста ла виста, бэби...

И, что самое страшное, похоже, проект и правда вступил в завершающую стадию.

А что нужно сделать с разработчиками, когда оружие создано и проверено?

Вот именно: уничтожить. Чтоб не осталось следов! И свидетелей!

И отравляющий газ тут вполне подойдёт: чтоб уж понадёжней! Не бегать же группе зачистки – действительно по уровням-этажам, и не стрелять из автоматов с глушителями в каждого встречного?! Да и всё равно – кто-то может и спрятаться...

Он чувствовал, как хмурит лоб, и старался складки на нём разгладить. Ни фига они не разглаживались – тут же ловил себя на том, что снова хмурится. Однако молчать слишком долго тоже подозрительно, особенно для такого любопытно-го (Сам себя так показал!) мальчишки. Нужно что-нибудь спросить. И – желательно, касающееся мошек. (Поскольку никто не поверит, что этот вопрос перестал Колина интересоваться: вот: кстати! Поковыряет-ка он в носу: словно ему уже по барабану, но из вежливости он продолжает интересоваться тем, чем отец занимается последние четыре года):

– Па! А вот давно хотел спросить: почему вы сделали их двуполыми? В-смысле – почему для создания ребёнка мошки нужно именно – два «родителя»?

– Ну, я же уже...

– Да, я помню. Но это – для совсем уж лохов. Я же у тебя – «подкованный»!

– Ладно, подкованный ты мой. Думаю, особого вреда уже не будет, если скажу.

Мы просто слепо копировали природу. Амёбу, или гидру знаешь? Ну вот. Они размножаются делением или почкованием. При этом набор, так сказать, генов просто дублируется и переходит от родителя к родителю в неизменном, так сказать, виде.

Ну вот и остались амёбы – амёбами, а гидры – гидрами! И так продолжается миллиарды лет! И нет у них ни прогресса, ни совершенствования организмов! А любые существа,

которые хотят развития, или улучшения «качества» интеллекта – должны изменяться! Подстраиваться «оптимальным образом» под меняющиеся условия среды!

Так вот: когда встречаются диплоидные существа, каждый передаёт отпрыскам только *половину* родительской генетической информации. И ребёнок рождается с *разными* наследственными чертами. Не всегда, конечно, полезными – такие особи попросту вымирают в силу так называемого «естественного отбора»! Но! Обычно большая часть изменений оказывается полезна! И так получившийся организм имеет гораздо, гораздо больше шансов приспособиться, научиться новым умениям, и выжить в быстро меняющихся внешних условиях!

Вот, скажем, наступил ледниковый период из-за, к примеру... э-э... падения кометы, а у какого-нибудь суслика один из потомков случайно мутировал в зародышевом состоянии, и получил способность выживать при экстремально низких температурах. За счёт особо густой шерсти. Он и выживет. А все остальные – погибнут! И если такой суслик найдёт где-то в другом месте самочку с такими же чертами и способностями – они смогут оставлять отличное, здоровое и приспособленное к холодам, поколение! И снова восстановят популяцию «шерстистых» сусликов! Ну а гидры и амёбы смогут сохраниться только там, где условия не изменились. Например – в тёплых водах у каких-нибудь подводных вулканов... А нам-то нужно – другое! «Глобальность»! И «мобильность».

Поэтому мы и хотели, чтоб наши тварюшки могли... э-э... Приспосабливаться! И к заполярью, и к тропикам. И даже – к высокогорью! Куда они, вообще-то, залететь не могут: крылья маловаты, чтоб поднять их в разреженном воздухе. Но! Могут заползти!

Самим-то им для «дыхания» воздух как таковой – не нужен!

– Понятно... – Колин скривил рот, как всегда делал, когда не всё понял, но продолжил, – А вот ещё что хотел узнать. Если они будут такие... Само... э-э... приспособливающиеся, как же можно их уничтожить? Если будет нужно?

– Как, как... – отец криво ухмыльнулся, сев поудобней, и подставив Сарочке ногу, чтоб та повезла машинку по ней, – Да никак. Мы же, пока мошки наши не выпущены... То есть – не пошли в массовое производство, не сидели сложа руки! А работали!

Эти гады – очень живучи!

А уничтожать их нужно – сразу всех. Потому что сам помнишь: даже если сохранится всего парочка – за считанные дни расплодятся так, что покроют всю землю (Разумеется, без учёта океанов!) слоем в пару дюймов! Это тоже дядя Эрик подсчитал: именно на столько хватит разведанных и даже ещё не разведанных месторождений железа. Ну, и металлических изделий, если они до них!.. А уж они до них...

– Так – что? «Отучить» лопать всё подряд никак не получается?

– Нет, Колин. Ну, я уже рассказал о наших проблемах: сделаешь умнее – теряется портативность и скорость воспроизводства. Сделаешь глупее – теряется управление.

– Да, я помню... Но вот, к примеру, если представить себе такую ситуацию: вдруг они вырываются на свободу из своего бокса – прямо сегодня ночью. Что тогда будет?!

– А будет тогда, Колин, страшное. Лаборатории наши, ты знаешь, находятся выше жилых уровней Убежища. И тварюшки, конечно, полетят вверх – к солнцу! Их поведёт один из основных инстинктов. Ну а закрытые броне-двери, и прочее оборудование – им не помеха. Они смогут просочиться и в вентиляционные шахты, и в технические каналы, и в канализацию... Да и просто – сожрать все эти бронедвери! Мешающие пути наверх.

Так что единственный способ остановить их – полное отключение освещения! Искусственного. (А здесь, в Убежище, другого и нет! Хоть какая-то подстраховочка, хе-хе...) Ну а если и это их не задержит...

Мы окажемся бессильны!

И спасти людей, которые живут там, на поверхности земли, нам не удастся! Потому что протектор-компенсатор получили только работники и обитатели нашего Убежища.

Он, знаешь ли, достаточно сложен и дорог в изготовлении! Лучшие биологи и генетики работали! И, разумеется, его состав строго засекречен!

– Во избежание? – Колин подмигнул.

– Вот именно! – па подмигнул в ответ.

Значит, Колин всё правильно понял: не месторождения, и даже не металл, из которого сделано оружие и механизмы и приборы врага, в первую очередь являлись основной «целью» мошек.

А как раз – «живая сила» противника! Вот для чего им с Сарочкой и матерью дали выпить «компенсатор»! «Свой-чужой»!

– Па.

– Да?

Колин помялся. Но вопрос задал:

– А вот если ваши мошки так быстро плодятся, и при «размножении» приобретают всё новые способности и свойства, через сколько поколений они... Перестанут воспринимать Компенсатор-протектор?

– Ты у меня умён не по годам, – МакГи старший улыбнулся, глядя Колину прямо в глаза, – Даст Бог, достойно продолжишь моё дело. Я в твои годы думал только о том, как бы посмотреть через дырку в стене женской раздевалки, как переодевается наша женская сборная по баскетболу. Ну а насчёт твоего вопроса... *Никогда* протектор не перестанет на них действовать. Уж мы – вернее, генетики! – постарались. Дело в том, что как бы не изменялся организм наших мошек, кое-что базовое, встроенное, там есть. Это – кремниевая основа всех плат электронной начинки. Ну а она делается – из обычного песка!

Но!

Подходит не каждое железо и не каждый песок!

Так вот: протектор указывает на то, что ни железо, ни алюмосиликат, имеющиеся в нашем организме – не подходят нашим мошкам. И могут даже испортить их организмы!

К счастью, принятый один раз в жизни протектор изменяет нашу эндокринную систему и половые органы и системы так, что эти самые свойства – оказываются в нашей системе, отвечающей за размножение. Встраиваются в ДНК наших *половых* клеток. И передадутся *по наследству*! И у женщин, и у мужчин!

И если предположить такую немислимую, – отец выделил тоном это слово, – ситуацию, что мошки вырвались, и оккупировали всю поверхность, те, кто из нас приняли протектор-компенсатор – смогут спокойно с ними сосуществовать. И даже – размножаться! В их геноме уже будут встроены, так сказать, основные, базовые, свойства нашего реагента! Уж что-что, а это – было основной целью лаборатории доктора Аденауэра!

Подстраховочка, так сказать, и даже перестраховочка!..

Колин не придумал ничего лучше, как почесать пятернёй затылок.

Вот оно как.

Всё продумано и предусмотрено. Осталось только напоить протектором всех «избранных», а остальные – балласт! «Расходуемый материал»!

Вот вам и воплощение теории о «золотом миллиарде»!

Впрочем, каком, на фиг, миллиарде! Их, принявших компенсатор-протектор, наверняка будет всего несколько миллионов! А, может, и несколько тысяч: конечно, учёные, создавшие и мошек и протектор, и их руководство, и командование Пентагона, и АНБ, и ЦРУ. Президент и Правительство.

А главное, конечно – те олигархи-миллиардеры, которые навариваются с контрактов на производство вооружений! И наверняка и спонсировали всё это безобразие!!!

А страшно.

Нет, не то, что мошки могут вырваться на свободу, и сожрать всё остальное человечество – поскольку Колин никогда не видел никого, кроме тех, кто жил с ним рядом в их поселении, все эти миллиарды чужих, незнакомых, людей представлялись ему абстрактной и, вот именно – безликой, массой! – а то, что им, похоже, придётся жить в совершенно *другом* мире! Опустошённом, словно эпидемией какой!

Мёртвой Пандемией!

К тому же – никуда не исчезнувшей бы со временем!

А всегда теперь стоящей на страже «интересов общества»!

То есть – не позволяющей создавать те орудия, и механизмы, что помогли бы вновь создать машинную цивилизацию! Из железа!

Вот так перспективка!

Но раз уж он начал эту тему, лучше продолжить: мало ли как сложится! Может, и поговорить-то больше толком не удастся!

– Па! А если они и правда – вырвутся, что будет дальше – с ними? Ну, что они будут делать, когда, вот именно, покроют всю почву двухдюймовым слоем?

– Ну, про двухдюймовый слой, это я, конечно, задвинул! – отец улыбнулся, теперь уже вполне весело, – Но такого, неконтролируемого, размножения, чтоб н егде было, как говорится, даже присесть, кроме как на другой мошке, конечно, не произойдёт.

Дело в том, что когда в их, тварюшек, механизированном обществе станет слишком тесно – тут вступают в действие законы социальные! Поведенческие! И они начнут...

Бороться за пространство и ресурсы! То есть – воевать друг с другом!

Чтоб выжили, как и в животном мире – сильнейшие!

(Такие примеры очень хорошо известны – их нам представили этологи, специалисты по поведению. Даже если колонию крыс поселить в идеальные условия, и снабдить неограниченными запасами пищи – они будут бесконтрольно плодиться лишь до определённого момента, если их *пространство* ограничено. А потом начнутся, вот именно – войны, и жёсткое деление на кланы сильнейших, и рабов! Рабы плодиться права не имеют, и мрут от голода и стресса. А «верхушка» со временем «жирует», бездельничает, дерёт-

ся. И вырождается, и... попросту – ленится заниматься продолжением рода! Такие особи учёные окрестили «красавчиками». И «элита» тоже – вымирает!.. Извини за примитивное и несколько путанное объяснение.)

И именно вот эту, самую интересную, стадию, мы сейчас и наблюдаем в лаборатории дяди Бенджамина. У него там плотность популяции превысила критические значения. Он, конечно, ничего не рассказывает – секретно! – но уж ходит с такими выпученными глазами!.. Видать, те ещё там происходят «гладиаторские бои»! А арсенал средств уничтожения у мошек вполне... на уровне!

Но вот что плохо: самыми сильными и опасными, как я понял из намёков, оказываются те особи, что получились при воспроизводстве крупнее остальных. Они и сильней, и прожорливей, и «свирепей». Однако этот сценарий нас совсем не устраивает! Ведь если они будут крупнее – их станет легче обнаруживать, и уничтожать!

– Погоди-ка, па. Кто же сможет их «обнаруживать», и «уничтожать», если они за две недели уничтожат *всех* людей?!

– Возможно, уничтожат их те, кто сейчас живёт на орбитальной станции, в тысяче миль над поверхностью Земли.

– ?!

– А ты думал – наше «мудрое» Правительство просто так запустило их туда?! Нет. Это – наш самый-самый запасной вариант! На самый уж тяжёлый случай... Ведь человечество

может погибнуть от тысячи причин: болезни, пусть и вызванные искусственно разработанными боевыми вирусами, землетрясения, взрыв Йеллоустоунского вулкана, падение астероида, ядерной войны!..

Наши мошки – просто ещё один из сценариев Апокалипсиса! Возможного.

Но что-то мы заболтались: смотри: Сарочка уже почти сварилась!

Пойду-ка я, послушаю, что наша мама придумала новенького, чтоб пристебаться ко мне, а ты – попробуй малышку уложить!

Ма действительно придумала что-то новенькое: во-всяком случае её визжащий голос Колин, пытающийся действительно уложить переодетую им в пижамку, и «сходившую на горшок» сестрёнку, слышал довольно долго. Отец несомненно отвечал, потому что речь матери прерывалась паузами с неразборчивым бубнением, но в-основном сюжет скандала вела ма.

Конца перепалки Колин не дождался: едва прилёт рядом с засопевшей Сарочкой на её постель, веки потяжелели, и глаза сами-собой закрылись. Звук голоса матери стал как бы отдаляться, и последнее, что он видел в свете слабого ночника – умиротворённое личико сестрёнки, сосущей (Никак не отучить!) указательный палец...

Проснулся от ощущения, что что-то не в порядке.

А, ну точно: Сарочка ёрзает во сне, и слабо хнычет!

Он потрогал пижамку: ну точно! Сырая и холодная!

Хорошо, что догадался заранее достать сменную рубашечку-распашёнку, и штанишки, и положить на стул в изголовье.

Колин переодел сестру быстро: практика имелась. Ведь это именно ему приходилось дежурить у постели малышки, когда ма заявляла, что устала, и «ещё одной бессонной ночи не выдержит!» Промокшую рубашку пижамки Колин положил на водяной радиатор.

Но едва вернулся в постель, и снова прилёг, погас свет.

И почти сразу в ноздри ударил странный, едкий, запах!

Вот хорошо, что остался с сестрой, и «дыхательные приборы» спрятал к ней под подушку!

Но мешкать некогда!

6. Долгий путь наверх

Ему почти невыносимо хотелось орать, выть, рыдать, и кричать: «Папа, помоги!!!» Однако, сжав губы зубами, он усилием воли сдерживал паникёрские порывы: сейчас на его совести жизнь сестры, и он должен не голосить, словно истеричка, а действовать!

Колин выхватил из-под подушки оба дыхательных устройства, и загубник своего «огурца» сразу сунул в рот! Вдохнул поглубже. Теперь – нащупать лицо сестры. Разбудить. Но! Не пугая!

Хотя – какой там, на фиг, «не пугая»!

Если сейчас не удастся заставить её не выпускать загубник, и дышать только ртом – погибнет его сестра!!! Значит – он должен быть убедителен! И спокоен! И говорить уверенно!

Сарочка, понятное дело, принялась брыкаться, упираться, и орать!

Колину пришлось глубоко вдохнуть (Израсходовал весь воздух впопыхах!), и, вынув прибор, начать уговаривать:

– Сарочка! Это я, Колин! Не бойся! Засунь эту штуку в рот! Да засунь же! Нет, засунь, говорю! Не плачь, малышка – я с тобой! Резинку – держи во рту! Вот так, вот так!.. – малышка наконец проснулась окончательно, и звуки привычного с детства голоса, который Колин старался сделать по-

нежней (Ага сделалось оно – два раза!), подействовали вразумляюще: головой крутить и брыкаться малышка прекратила, и загубник прибора наконец перестала выплёвывать и выталкивать языком с рёвом и визгом. Колин поспешил снова вдохнуть из своего, и развить успех, понимая, что в крошечной тьме, стоящей в комнате, ему из всех средств убеждения осталась только речь:

– Дыши ртом! Через вот эту штуку! Только ртом! А нос зажми! – для большей наглядности он очень нежно сжал пальчиками обе крошечные ноздри, не переставая повторять, – Ртом! Ртом дыши! Как будто у тебя – насморк!

Через полминуты, показавшиеся ему вечностью, малышка наконец поняла, чего от неё хотят. И задышала через прибор. Нормально задышала. И больше не плакала, а только подшмыгивала, уже ничего не пытаясь сказать.

Ф-фу...

Колин за это время успел пропотеть так, словно разгрузил вагон двадцатикилограммовых мешков с цементом. Отвратительный запах газа так и лез в ноздри, и голова сильно кружилась: надышался-таки! Но раз до сих пор не отключился, недостаточна, стало быть, концентрация газа в воздухе комнаты. И в его организме. Помогают «огурцы»!

Да и слава Богу!

Так. Ну вот, можно теперь и подумать, что делать дальше – спросонья он всё-таки не слишком хорошо соображал. В голове была – только жизнь сестры.

Хорошенько вдохнув несколько раз, он снова вынул за-
губник:

– Сарочка! Нам нужен свет. А фонарик остался в моём
рюкзаке. В моей комнате. – ему пришлось опять отдышаться,
прежде, чем смог продолжить, – Ты сможешь полежать
тут одна, пока я схожу?

Начался новый виток воплей и неразборчивых слов, (За-
глушённых!) и верчения-вырывания. Из рук. Но Колин уже
сообразил: малышке просто очень страшно в темноте, да ещё
со странной штуковиной во рту! Он подышал ещё, одной ру-
кой продолжая удерживать носик Сарочки. Сказал как мож-
но мягче и спокойней (Хотя вот чего ему самому как раз не
хватало – так этого самого спокойствия!):

– Хорошо-хорошо. Пойдём вместе. Но! Ни в коем случае
не дыши носом! И не разговаривай! Сейчас тут, в комнате,
очень... э-э... душный воздух! Плохой! Им дышать нельзя!
А то... э-э... будет ва-ва! *Очень* сильная ва-ва! Будет болеть
животик, и головка! Ты поняла? Если поняла, перестань кру-
титься, и кивни!

Через несколько секунд девочка, теперь рыдавшая, дей-
ствительно кивнула: Колин осторожно отпустил её ноздри,
напомнив:

– Сара! Пожалуйста, не дыши носом! А то – ва-ва!

Наконец она перестала рыдать сквозь загубник, и что-то
сказала. Колин мог только догадываться:

– Прости, идти придётся на ощупь. Света нет, поэтому и

темно. Но мы сейчас встанем, и пойдём в мою комнату. Там я достану фонарик!

Путь до соседней комнаты занял минуты две – не меньше. Потому что в большой комнате, куда выходили двери обеих детских, на полу в совершенно неподобающем месте обнаружился и перевернутый стул, и разбросанная одежда. Колин, осторожно, боком идущий впереди, отодвигал все препятствия в сторону, чтоб малышка, которую он вёл за руку, не спотыкалась и не падала. Нести её, как обычно, на руках, он не рискнул – спотыкнёшься – точно грохнёшься! Ребёнок испугается, или – ещё хуже! – ударится! А им сейчас нельзя получать никаких травм! Как и выпускать из губ загубники! Потому что – Колин это понял кристально ясно! – никакие врачи им уже не помогут.

Потому что нет, скорее всего, в живых этих самых врачей. В его комнате Колин уже куда уверенней двинулся к стенному шкафу. Вот. Именно на эту полку, за этой дверцей, он и положил свой рюкзачок...

Не думая тогда, что ему понадобится хоть что-то из его содержимого: ведь им дали и полотенца, и мыло, и даже зубные щётки. Вот разве что кроссовки. Но это – позже.

Пока же он открыл клапан, держащийся на липучках, и сунул руку внутрь – второй рукой всё ещё держал Сарочку за предплечье. К счастью, девочка теперь вела себя смирно, и только шмыгала носом: или поняла, что ситуация у них

«внештатная», или просто – испугалась до состояния ступора... Да и ладно. Он и сам напуган до такой степени, что зубы стучат, и тело покрылось липким холодным потом.

– Сарочка! Прошу тебя! Не шмыгай! А то вдохнёшь, чего не надо – и будет ва-ва.

Она действительно перестала шмыгать, и, хоть Колин и не видел этого, похоже, свободной рукой зажала свои ноздри.

Фонарик нащупался, понятное дело – на самом дне! Закон подлости. Но главное – нащупался! Колин поспешил включить его прямо в рюкзаке!

Какое счастье!!!

Свет, идущий словно из волшебной шкатулки, сразу вызвал у Колина вздох облегчения. Он вынул руку с фонарём из недр рюкзака. Направил столб голубоватого светодиодного света в потолок. Сарочка что-то пробурчала, дёрнув его за руку.

Колин поспешил снова вдохнуть, и вынуть дыхательное устройство:

– Сарочка! Ни в коем случае не вынимай изо рта загубник! И дыши только ртом – через прибор! Иначе – отра... э-э... Будет очень сильная ва-ва! Ты же мне веришь?!

Сарочка, теперь отлично видимая в неярких, но казавшихся ослепляющими после кромешной тьмы, лучах, чуть заметно кивнула. Свет отражался от двух мокрых блестящих дорожек на её лице, начинавшихся у глаз. Сами глаза блестяли так, что было непонятно, видит ли заплаканная сестра

хоть что-нибудь.

Колина снова резануло по сердцу. Но он подышал ещё, и сказал:

– Я попробую посмотреть, что там делают мама с папой, а ты... Лучше пока посиди здесь. Я даже оставлю тебе фонарь! – он положил его на постель.

Сарочка опять захныкала, дёрнулась было за ним, и попыталась вынуть загубник. Но Колин проявил твёрдость:

– Нет! Быстро вставь обратно!!! Не разговаривай! Сиди здесь! А то я скажу маме, что ты меня не слушаешься! Мама накажет!

Как ни странно, но это сработало – как, впрочем, и во всех прочих случаях упоминания, что ма накажет непослушную девочку. Вот уж сумела их родительница внушить к себе «уважение»! Ну, или страх. Даже трёхлетний ребёнок соображает!

Что любимую мамочку лучше не злить.

Колин вышел в зал. На пороге оглянулся на сестру. Для придания солидности своим напутствиям показал ей поднятый кверху указательный палец:

– Никуда не ходи! Сиди на постели! Прибор изо рта не вынимай! Не бойся: ты же будешь меня слышать, как я хожу! А я буду здесь, в соседней комнате! – после чего всунул уже порядком обслюнявленный загубник снова в рот. Голова жутко кружилась, и во рту появился отвратительный медный привкус, но Колин знал, что нужно всё равно посмотреть:

вдруг па успел принести приборы и им с ма.

Но для того, чтоб заняться этим, ему тоже нужен свет!

Свечи и спички нашлись где и всегда: па приучил их, что в шкафчике у входной двери хранятся всякие нужные на случай чрезвычайных ситуаций вещи: нож, спички, свечи, плоскогубцы, отвёртки, верёвка. Йод, бинты. И вообще – вся аптечка.

Колин отделил одну свечу от упаковки в шесть штук: она от долгого лежания слиплась с соседними довольно крепко. Зажечь удалось только со второй попытки. Со свечой в руке Колин ещё раз заглянул через открытую дверь к себе в комнату:

– Сиди! Не вынимай! Дыши ртом! Видишь: я нашёл свечи. Всё будет хорошо!

Сам Колин был уверен, что как раз «хорошо» оно не будет: уж Артур-то МакГи не оставил бы своих детей в беде! И в такой ситуации точно – поспешил бы на помощь!

Если бы мог...

Когда Колин попытался открыть дверь спальни родителей, выяснилось, что та заперта на ключ изнутри. Да и вещи, разбросанные по залу, принадлежали ей.

Вот оно как.

Элизабет МакГи пыталась, стало быть, воздействовать на мужа единственно понятным и доступным ей, «традицион-

ным», способом: через постель!

Колин не был ханжой, но методы матери просёк ещё три года назад. И не то, чтоб не одобрял – должно же у отца быть хоть что-то приятное в семейной жизни! – но и не особо приветствовал. Считая, что ма просто продала себя. Нелюбимому мужчине. Типа, как заключив сделку. Предоставляя мужу если не домашний уют, то хотя бы – регулярный секс. За материальные блага в виде большой зарплаты, шмоток, и удобного дома...

Пришлось вернуться в свою комнату, и «проинформировать» Сарочку:

– Придётся подождать ещё. Они заперлись на ключ изнутри!

Ключи в связке, от всех дверей квартиры, имелись в кармане его «школьных» штанов. Колин нёс её к двери спальни родителей со смешанными чувствами: он был уже почти уверен, что те – мертвы.

Но надежда умирает последней!

На подбор ушло с десятков секунд.

Открыв дверь, он замер на пороге.

Всё верно: он опоздал!

Артур МакГи лежал почти у двери, явно пытаясь из последних сил добраться до детей, чтоб хоть чем-то им помочь. Лежал он лицом вниз. У его рта растеклась омерзительная зеленоватая жижа: похоже, перед смертью па стошнило. Колин стиснул кулачки: бедный па!..

Мать лежала на постели, абсолютно нагая. Лицом кверху. Руки оказались раскинуты в стороны, у рта имелись такие же зелёные потёки, как у отца, и пена. А в широко распахнутых остекленевших глазах застыло такое выражение, что Колин предпочёл сразу отвести взгляд...

Молча он сделал шаг назад. Закрыв дверь. И запер её: не годится Сарочке *такое* видеть! Да и он не должен был на умерших столь страшной, и наверняка мучительной смертью, родителей, смотреть. Это – не для нервов восьмилетнего мальчишки!

Глядя в белую крашенную поверхность двери перед своим носом, Колин моргал.

Слёзы невольно наворачивались на глаза, и снова почти невыносимо хотелось бросить всё к чертям, выплюнуть проклятый прибор, и вдохнуть полной грудью отравы – чтоб уж – к родителям! И – никаких больше забот и хлопот!..

Но что-то внутри его, какой-то тонкий, но гибкий и прочный стержень, говорил, что это – трусливый выход!

А на нём теперь – ответственность за жизнь сестры! И ему придётся отставить эмоции и дурацкие истерические «закидоны», и быть спокойным. Расчётливым. И мудрым.

Иначе они с Сарочкой просто не выживут. А ведь отец хотел, чтоб они выжили. Выжили, назло всем тем мерзавцам, что запустили сюда, к беззащитным и неподготовленным к такому обороту дел, людям, боевой отравляющий газ!

А для этого надо просто выбраться на поверхность. Где

газа наверняка нет. И уж потом придумать, как отомстить тем, кто убил его родителей!

Да и наверняка – тысячу других обитателей Убежища.

А что ему нужно для этого?

Во-первых – удобная обувь. Для него и для сестры. Одежда. И сменная одежда. Сменное бельё. Вода. Продукты. Какое-нибудь оружие. Что ещё?

Он вспомнит. Соберёт. И выведет их отсюда.

В его распоряжении целых двое суток! Но вначале...

– Сарочка! – войдя в свою комнату, он понял, что ему придётся нагло лгать, – Папа и мама сказали, что нам придётся идти наверх без них. Они больны. И поднимутся к нам позже. А пока мама сказала, чтоб ты слушалась меня!

Так что сиди спокойно, дыши ртом, и смотри, как я буду собираться!

Сарочка попыталась, понятное дело, что-то сказать, и слезть с постели: наверняка не поверила, что родители «больны»! (Да и кто бы поверил!) И хотела поговорить с родителями. Но Колину удалось серьёзным тоном и где-то даже грозными окриками, со ссылками на ту же мамочку, заставить девочку сидеть, где она сидела! И слушаться его.

Первым предметом, который Колин загрузил в рюкзак, был рулон туалетной бумаги. Благо, он оказался почти целым – на держателе в туалете еле помещался.

Ещё Колин сразу переобул обувь: туфли, конечно, пре-

стижны, и больше подходят для школы, но! Разум говорил ему, что школа ему сегодня не светит. Однако туфли он тоже сложил, запихнул в полиэтиленовый пакет, и уложил на дно рюкзака. Туда же отправилась и обувь Сарочки: Колин уложил её босоножки, кроссовки надев на ноги сестры:

– Сарочка! Нам предстоит много и долго идти! Ногам должно быть удобно!

За её кроссовки он не волновался: ма только неделю назад их купила, и сразу с прицелом на вырост: обувь была минимум на размер больше, чем нужно.

Сарочка, так и сидевшая, словно застыв, на его постели, кивнула. А вообще она смотрела на то, как он выходит то в одну комнату, то в другие, собирая рюкзак, молча.

Может, попробовала-таки вдохнуть носом?..

И убедилась, что он правильно сказал насчёт «вавы».

Много не мудря, Колин загрузил в рюкзачок всё, что нашлось в ящике у входной двери: пять свечей, два коробка спичек, аптечку, отвёртки, плоскогубцы, тряпку.

После чего занялся укладыванием вещей, взятых в шкаф комнаты сестры: Сарочкины платяица, носки, трусики, и майки. Спортивный костюмчик. Загрузил всё, что нашёл. К счастью, ма покупала малышке куда больше вещей, чем в своё время ему. Теперь у него будет во что переодеть сестру, если та вспотеет, или на улице окажется холодно.

После укладки свитеров, курточки, тёплых колготок и штанишек, и тёплых сапожек, выяснилось, что в рюкзак

больше ничего не влезет.

Колин вынужден был снова отпереть дверь в спальню родителей. И, стараясь не глядеть на них, достать из их стенового шкафа большую сумку. В которой па перевозил, когда было надо, свои вещи.

Вещи отца Колин выложил на полку шкафа: как ни цинично звучит, но Артуру МакГи они больше не понадобятся. А сумка им нужна. Очень!

Теперь у Колина было куда загрузить и свои вещи: майки, трусы, носки, штаны, куртку, свитер, и всё прочее из шкафа в его комнате. Так. С этим более-менее ясно.

Но им ещё нужны продукты!

И не те, которые открыты, и наверняка тоже уже отравлены, а – консервы!

Кухню посетить так и так придётся. А вот пить и есть, здесь, в подzemельи, заполненном отравой – нельзя ни при каких обстоятельствах!

Значит, ему нужно найти бутылки с водой, минеральной, или любой другой – только бы не вскрытые. Ну, и консервы... О! И обязательно – нож к ним!

По дороге к столовой с прилегающей к ней кухней, Колин заставлял себя не думать о том, что они фактически предали родителей. Оставили непогребёнными их тела.

Это – не по христиански, конечно. Да и вообще – неправильно!

Но что он может сделать с этим сейчас, когда до поверхности – неизвестно сколько?! А тащить сразу два тела, про которые он сказал, что они больны, да ещё на виду у малышки-сестры – нереально. И глупо. Это ещё ему повезло, что Сарочка не спрашивает, почему родители не могут сейчас идти с ними. Или хотя бы попрощаться.

Но вскоре его мысли оказались направлены в другое русло: в столовой лежали на полу несколько тел – и мужчин и женщин.

И Сарочка при виде их, конечно, испугалась. И принялась кричать и вырываться.

Колину пришлось взять на руки сестру, оставив у порога сумку и рюкзак, и отнести её подальше от двери в столовую. После чего он принялся убеждать её в том, что ей нужно подождать, сидя прямо на полу, и никуда не уходить. И не входить, пока он будет собирать продукты на дорогу!

Ушло на эти уговоры минут пять: и, похоже, малышка всё равно поняла, что там, в столовой, на полу – мёртвые люди. Но Колину сейчас было не до тонкостей правдоподобия – нужно было побыстрее набрать продуктов и воды, да начать подниматься по наверняка где-то имеющимся лестницам! Ведь не может такого быть, что каких-нибудь «пожарных», или запасных средств подъёма не существовало! Лифты ведь могут и испортиться, и вот как сейчас – может не быть света. А запасной, хотя бы на случай пожара, путь из недр катакомб должен иметься!

Но в любом случае – этот путь нужно ещё найти!

Ну а перед этим нужно набрать продуктов. И воды...

А он знает только одно место, где всё это должно быть:
кухня!

Ну, и склад, наверняка имеющийся при ней!

7. Лестница

Склад Колина не разочаровал.

Действительно, когда перелез через бордюр, отделявший обеденный зал от кухни, и прошёл до упора налево, до его двери, там нашлось очень много полок с консервными банками. И Колина пришлось довольно долго разбираться, подсвечивая свечой, где – что.

От невкусной и малокалорийной ерунды в виде тушёных бобов, или морской капусты, или кукурузы в своём соку он сразу отказался. Как и от «энергетических» напитков и соков. Как и от пятикилограммовых упаковок с вермишелью, макаронами и крупами.

Не скоро они смогут эти самые крупы, «пасты» и рожки – варить.

К счастью, всё нужное нашлось на полках, расположенных почти у самого входа в склад: тушёнка, бекон, сгущенное молоко, шоколад: в батончиках и плитках. И галетные печенья в герметичных прозрачных упаковках. Колин вспомнил, что как-то отец спорил с ма о её очередной диете, и сказал, что сто лет назад экспедиция на южный полюс, которая его и открыла, как раз и питалась – шоколадом, молоком, и галетными хлебцами. Плюс мясо. Плюс овощи.

Но консервированные овощи, и даже фрукты в виде всяких там ананасов и манго, Колин брат не стал, рассчитывая,

что всего этого полным-полно и в магазинах там, в посёлке. На поверхности. Лишняя тяжесть! А им нужно продержаться на этих консервах только до той поры, пока не выберутся из Убежища и не переждут, спрятавшись там, на поверхности: чтоб их не нашли мерзкие уроды, пустившие газ – на детей и женщин...

Все консервы, которые он отобрал, весили килограмма три, и поместились в один небольшой полиэтиленовый пакет, который Колин позаимствовал там же, на складе: рыба в масле, бекон, говядина с жиром. Плюс консервный нож из ящика в столе, на кухне. Плюс большая миска и две ложки. Подумав, он присоединил туда и большой разделочный нож с одного из столов. А вот вилок брать не стал: смысл?

Трупов мужчин и женщин, лежавших на полу в кухне, Колин старался не замечать, отворачиваясь: уж больно страшно! И такую щемящую тоску наводит мысль о том, что он – ничуть не лучше, получается, мародёра какого!

Впрочем, нет: мародёры, они –обирают трупы в целях личной наживы.

А он – чтоб он и сестра могли выжить!

Сарочка сидела там, где и оставил: на полу, в двадцати шагах от двери в столовую. Фонарь стоял рядом, направляя луч света в потолок. Взгляд сестры поверх тубуса прибора для дыхания был странным: устремлён в одну точку на стене. И – словно сестра всё равно ничего вокруг не видела. Колин

подумал, что малышка сильно изменилась: раньше никогда нельзя было удержать её на одном месте дольше пары минут: всё бы ей бегать, да играть! Да лопотать. Да спрашивать. Ну а сейчас...

Неужели «переосмысляет»?! Вырабатывает «новую жизненную позицию»?..

С этим он попробует разобраться позже. Ну а пока...

Пока ему даже где-то на руку, что она стала серьёзней. И послушней.

С другой стороны, он не мог не понимать, что её психика подверглась страшному удару. Стрессу. И его задача – сделать в том числе и так, чтоб её маленький детский мозг не сдвинулся на этой почве.

Однако он помнил и другое высказывание отца: что детская психика – самая устойчивая. И гибкая. Иначе человечество давно вымерло бы!

Он поспешил сказать:

– Сара! Я нашёл нам продуктов на ближайшие несколько дней. Сейчас я их, – он показал пакет, который держал в правой руке, – упакую, и можем идти. Искать лестницу. Так что вставай, и давай руку.

Сарочка молча смотрела, как он запихивает продукты в сумку. Затем поднялась с пола. Отряхнула платяице, которое он надел ей прямо поверх пижамы. Потом что-то сказала, указывая на низ животика. Колин въехал сразу:

– Пи-пи? Конечно! Можешь сделать – прямо здесь! На

пол! Коридора. Потому что горшка у нас теперь долго не будет!

Некоторое время стеснявшаяся непривычности обстановки сестра не могла сделать ничего – ма вбила накрепко, что на пол этого делать нельзя! А только на горшок! Но постепенно уговоры Колина и безвыходность ситуации помогли: ручеек зажурчал!

Колин аккуратно одел штанишки пижамки на место, и opravил одежду малышки. Подумал, подумал, и сам справил малую нужду – прямо на стену!

А не носить же с собой!..

До того места, где располагалась шахта лифта, на котором отец привёз его, они дотопали за пятнадцать минут. Так медленно получилось потому, что Колина теперь пришлось приноравливаться к ходу маленьких ножек: ему совсем ни к чему, чтоб сестра бегала, потела, и выбивалась из сил! Или задохнулась от усилий.

По дороге, к его великому сожалению, им попалось ещё три трупа. Выглядели они... Страшно. Похоже, судя по скрюченным, словно судорогой, телам, и почерневшим искажённым гримасами лицам, мучились перед смертью – ужасно!

Эти люди, наверное, пытались спастись, выскочив из своих комнат-квартир. Ошибочно считая, что в коридоре воздух не отравлен. Колин просто крепче сжимал каждый раз

руку сестры, и говорил, чтоб она была спокойной. Не смотрела на лежащих. И – главное! – дышала через рот!

Но вот они и перед дверьми лифта.

И проблема обрисовалась сразу: он, понятное дело, не работал. И его дверь была накрепко захлопнута.

Колин начал пробовать открывать все расположенные рядом с лифтом двери.

И сразу столкнулся с тем, что они оказались заперты!

Однако когда попробовал ткнуть в скважину ближайшей к шахте двери тем ключом, про который отец сказал, что он – «универсальный», и повернуть, замок отщёлкнулся. Колин, боявшийся поверить своему счастью, выдохнул: он сильно боялся, что придётся двери взламывать. А у него – ни лома, ни кувалды! Хе-хе. Шутка. Да, он пробовал шутить, больше для поднятия собственного духа – пусть и мысленно, чтоб не пугать проблемами сестрёнку.

Он повернул ручку. Дверь распахнулась, ничего не произошло – а то Колин боялся какой-нибудь сигнализации, трупов позади двери, или ещё какого подвоха!

Ничего и никого.

Ура!!!

Потому что – вот она – лестница!

Хотя и несколько странная. Идущая вверх и вниз по квадратной спирали вокруг мощного стального короба, внутри которого и находится сама кабина лифта. С наружной стороны лестницы – бетонная узкая шахта, в стены которой

вмурованы мощные швеллера, поддерживающие этот короб... Видны даже следы опалубки: ну правильно! Кто же будет заморачиваться оштукатуриванием стен служебной, или пожарной, лестницы, для которой главное – функциональность, а не «красота».

А лестница узкая. Ступеньки – высокие. Из рифленого железа. Не под детскую ногу. Да и не под обычный шаг взрослого: в высоту каждая – не менее фута! Точно – служебная. Предназначенная для контроля и обслуживания: и тросов лифта, и пакетников-коробок, одна из которых торчит на стене прямо у входной двери. И кабелей, расположенных в шахте: вон они, эти самые кабели. Отлично видны сквозь решётку, имеющуюся в передней стороне короба на уровне чуть выше глаз: пришлось встать на цыпочки.

Но внутри (Да и снаружи!) шахты Колину уж точно «обслуживать» ничего не надо. А надо не мудрить много, и стараться сделать, как всегда учил отец: то есть – при решении любой задачи обходиться подручными средствами! И всё делать – «рационально»!

Поэтому они не будут искать «нормальную» лестницу, со стандартными пролётами и ступенями, а попытаются подняться прямо здесь! Благо, ключ больше не понадобится: на внутренней стороне двери имеется простая ручка, опирающая замок.

Колин вынул загубник чуть не в сотый раз:

– Сарочка! Лестница узкая, и ступени высокие. Но подни-

маться на поверхность будем здесь. Я пойду впереди, понесу рюкзак и сумку, и буду вести тебя за руку!

Сарочка промолчала. Колин мог бы сделать далеко идущие выводы, но... побоялся.

Пока достаточно того, что она его слушается!

Подниматься по высоченным гулким ступеням с рюкзаком за плечами, сумкой, повешенной на укороченным Колином ремешке через плечо, и Сарочкой, «буксируемой» левой рукой, оказалось очень утомительно. И хотя девочка помогала ему и себе, хватаясь свободной рукой за узкие стальные перила, имевшиеся по бокам лестницы, двигаться вверх было тяжело.

Не прошли они и десяти пролётов, как рубашку Колина можно было хоть выжимать. А увидев, что малышка начинает выбиваться из сил, и хныкать, он решил, что так не пойдёт. И сильно сбавил темп. Ничего: времени у них достаточно. Вроде.

Теперь они проходили один полный спиральный оборот вокруг короба за примерно две минуты. На каждом таком «этаже» имелась и дверь – в очередные Уровни Убежища. Над каждой такой дверью имелся пластиковый рифлённый колпак с надписью «Exit». Но проверять, что там, за дверями, у Колина почему-то не было ни малейшего желания!

Он отлично осознавал, что они – всего лишь маленькие безоружные дети!

И встретить их кто-нибудь из спецназовцев в противогазах, посланных теми, кто пустил к ним в Убежище газ – им не поможет даже разделочный нож...

Эх, добыть бы где-нибудь пистолет!..

Когда они прошли мимо двадцатой двери, пришлось сделать привал.

Колин, на время подъёма погасивший свечку, с сожалением вынужден был снова её зажечь, укрепив на нескольких каплях стеарина прямо на полу, и выключить уже фонарик: луч стал совсем уж тощеньким, и крохотных батареек явно надолго не хватит! А фонарик им понадобится. Его-то точно – никто не «задует»!

– Сарочка! Мы с тобой посидим, немного отдохнём. А то пот прямо заливает глаза. И дышать через рот – непривычно и трудно. Ты, если чего-то хочешь – скажи!

Она, даже не повернувшись к нему, молча покачала головой. Колин прикусил губу. Но тоже ничего больше не спросил.

Так они и сидели с сестрой, глядя на колеблющееся пламя, и пытаясь отдышаться. Сердце Колина от непривычной нагрузки стучавшее ему в уши, постепенно успокаивалось, а что испытывала так и молчавшая Сарочка, он не знал. Да и не станешь ведь слишком уж настаивать – пусть лучше не вынимает лишний раз спасительный загубник! А то голова у Колина болит и кружится до сих пор, а во рту – словно грыз медные провода!..

Отдохнуть им Колин позволил не больше двадцати минут. Теперь он очень жалел, что не захватил с собой отцовские часы. Но надеялся, что уж за двое суток они как-нибудь долезут до поверхности... Проблема лишь в том, чтоб отсюда, из шахты – выйти.

Ведь наверняка наверху разные запоры и кодовые замки!
«Секретный» же Объект, мать его!..

Однако вот и успокоились и сердце и дыхание у его сестры – он сам пощупал биение крохотного сердечка под платяшником и пижамкой – ладонью. Сестра снова ничего не сказала: похоже, или всё ещё в ступоре, или поняла, что он делает.

– Это я проверил, отдохнула ли ты хоть чуть-чуть, малышка. Ну а теперь нам пора!

Он не стал говорить глупости, вроде того, что нельзя слишком долго сидеть на холодном стальном полу, или что наверху они смогут нормально дышать.

Потому что сидели они – Сарочка на его рюкзаке, а он сам – на отцовской сумке.

А можно ли будет «нормально» дышать на поверхности, он и сам не знал.

Да и как ещё их встретят те сволочи, что подло запустили газ в Убежище!

Ведь они-то рассчитывали убить *всех*! И не обрадуются парочке свидетелей!

Вот этой немудрёной мыслью он в том числе и руководствовался, выбрав именно этот путь. Тут меньше шансов

оказаться обнаруженными: нигде нет ни единой камеры видеонаблюдения! А только голые унылые бетонные стены, да стальной некрашенный короб, уходящий вверх и вниз, кажется, в бесконечность...

Из-за странного интерьерера он ощущал дикую нереальность происходящего: словно они с сестрой – во сне! В кошмаре. Ну, или – в каком-то фантастическом фильме.

Двое выживших.

Последние люди Земли...

ТЬфу!

Прочь такие мысли!

До следующего привала они поднимались не меньше часа. И прошли за это время не больше пятнадцати уровней-этажей. После двадцать пятого начиная снизу, дверей на площадках уровней уже не было. Из чего Колин сделал вывод, что они уже довольно близко к поверхности – ну, или проходят мимо уровней лабораторий. На которые отсюда, со служебной лестницы для технического персонала, вроде техников, электриков, и рабочих, разумеется, вход категорически воспрещён: не тот «уровень допуска»!..

Посидев на сумке ещё минут двадцать, и утерев остатки пота, Колин нашёл нужным предупредить сестру:

– Сарочка! Если наверху дяди охранники попытаются нас убить, и будут стрелять – беги вниз! Спасайся и прячься! Двери открыть ты сможешь! Не жди меня! Я крикну тебе!

Сарочка наконец среагировала: повернула личико к нему. Испуга в широко распахнувшихся глазах не скрывал даже тубус прибора. Малышка зашмыгала, заныла. Зарыдала.

Колину пришлось очень долго утешать её, и постараться исправиться:

– Нет-нет! Не бойся! Никто, конечно, нас убить не хочет! Просто... Дяди военные могут испугаться нас – ведь они отсюда, из подземелья, никого не ждут!.. А тут представь – вылезает мы: словно две подземные крысы! Ха-ха.

Это объяснение ему и самому показалось ещё более корявым. Но малышку успокоить удалось минут за пять.

После чего они, преодолевая дрожь в ногах, и их нежелание гнуться и двигаться, продолжили подъём.

После ещё пятнадцати уровней пришлось сделать совсем уж большой перерыв: и Сарочка, и он сам сильно устали, и задыхались: похоже, приборы всё-таки не рассчитаны на столь интенсивное дыхание, и каталитические решётки, про которые говорил отец, не выдерживают длительного интенсивного использования. А ещё у Колина жутко болели икры, и тряслись ноги: мало тренирован он, стало быть, на «горновосхождения»! А что испытывала Сарочка, он боялся и спрашивать: пусть лучше так и лезет молча!

Лезет же!..

Но медленней дышать никак не получится! И на зудящие дрожящие и болящие ноги придётся наплевать!

И вынуть приборы изо ртов тоже нельзя! Мерзкий запах Колин тут, на лестнице, прекрасно чуял!

За тот почти час, что они в этот раз сидели, прислонясь спинами к холодной и равнодушной стальной стене, Колин чего только не передумал: вспоминал и счастливые две недели у бабушки в деревне, три года назад, ещё до рождения Сарочки, которой как раз была беременна его мать – Колина и отослали, наверное, чтоб не путался под ногами, и не мешал рожать. Вспоминал и велосипед, оставленный там, в доме. А как он любил поехать на нём по полям и холмам! Когда ма отпускала, взяв заботы о Сарочке на себя. Особенно ему нравились просёлочные дороги – те, что без асфальта... Вспоминал и как они с отцом однажды ездили рыбу ловить – в заповедник. Год назад. Ловил, правда, отец, а Колин просто сидел на берегу, и «молчал». Чтоб не сбивать клёв.

Помнил он и ослепительно-волшебный блеск чешуи на солнце, когда отец подсекал, и очередная бьющаяся фунтовая форель оказывалась на траве – прямо возле него!..

О чем во время затянувшегося привала думала Сарочка, Колин не знал. Впрочем, приглядевшись внимательней и прислушавшись, он понял по тихому сопению, что она просто спит. Не выпуская, впрочем, загубник изо рта.

Жаль сестрёнку, но будить придётся.

Ему не унести рюкзак, сумку, и её...

Ещё через восемь уровней-этажей они вышли к выходу.

Вернее, это Колин понял, что выход близко.

На одной из очередных площадок им попался труп. И первой его увидела сестра. Потому что задыхавшийся Колин теперь куда больше внимания уделял её аккуратному подъёму-подтягиванию на очередную высоченную ступеньку, и вперёд почти не глядел.

Сарочка завизжала. Сквозь загубник это выглядело по-настоящему устрашающе!

Однако сработал то ли инстинкт, то ли его увещевания: загубника малышка изо рта не выпустила.

Колин, быстро метнувший взгляд вперёд и вверх, и обнаружив, что непосредственно им ничто не угрожает, приказал замолчать, и держать загубник прочно!

После чего велел отойти на несколько ступеней ниже, зайти за поворот, и стоять на месте, отвернуться, и не двигаться. Сам с фонариком двинулся наверх. Чтоб осмотреть валившийся головой вниз сразу на четырёх ступеньках труп.

Срань Господня!!!

Почему-то на человеке совершенно не было одежды! Как и кожи!!!

Вся поверхность кожи казалась с тела попросту... Исчезнувшей!

И теперь были видны красные тяги мышц, и белые – сухожилий. А в некоторых местах было похоже, как будто тело полили кислотой: съедены, вытравлены до ям и рытвин были куски и фрагменты мышц! Почти до костей! А вот крови на

трупe не осталось...

Правда, кровавые потёки на ступеньках указывали на то, что кровь всё же вытекала... И от как раз этого – потери крови! – и погиб бедолага. А лежавшие рядом с мужчиной на ступенях крохотные чёрные точки, начавшие вяло шевелиться в свете даже дохленького лучика Колиновского фонарика, однозначно указывали на виновников произошедшего! Мошки!

У Колина зашевелились волосы на голове, и рот чуть было не открылся в ужасном вопле! Но невероятным усилием он удержался. И приказал себе – дышать, как и раньше, через загубник. И помалкивать. А вот свет фонарика он поспешил направить в сторону: не хватало им ещё столкнуться с нападением проклятых «метало-» и гемоглобинолюбивых убийц!

Впрочем, почти тут же он вспомнил, что они защищены. Протектором. Компенсатором. И бояться, вроде, нечего.

Кроме того, что если тварюшки оживут – они тут же переключатся на куда более «вкусный» металл!

И сожрут все ступеньки! И короб! И держащие его швеллеры!

И тогда уж точно – им никогда не выбраться на поверхность!!!

Значит, повезло им. Что фонарик – сильно «подсел». А проверять, смогут ли мерзкие твари жить в свете свечи, Колин почему-то не собирался. Он спустился вниз:

– Сарочка! Дядя, к сожалению, умер. И нам он ничего не

сделает. Сейчас я попробую его сдвинуть, и мы пройдем наверх. Не смотри сюда, на этого человека!

Попытки отодвинуть мужчину с дороги удались: спустив труп на одну ступеньку, Колин смог и сдвинуть того к бетонной стене. Пройти можно.

Поднимались дальше они всё так же молча.

Но Колин ощущал, как дрожит теперь, и наверняка не только от усталости, похолодевшая почти до состояния ледышки, рука сестры. Он и сам буквально выбивал бы зубами чечётку, если б не мягкий резиновый загубник...

Думал же Колин о том, почему мужчина оказался обнажён. Это казалось странным – ведь па говорил, что мошки едят только те предметы, или руды, где есть следы металла. А в одежде-то его – точно нет! Но потом до Колина дошло: боль!!!

Проникнув под эту самую одежду, тварюшки вызвали такую сильную боль, вгрызаясь в тело, что человек готов был скинуть, сбросить с себя всё, что угодно, только бы попытаться содрать, счесать их со своего тела! Бр-р-р!..

Жутко. И очень мерзко. И если *такое* оружие хотели применить к потенциальному противнику – так и вообще – подло! Какими бы сволочами не были враги – они же – тоже люди! А этот «обескровленный и обескоженный» мужчина наверняка очень сильно мучился! Даже пытался скрыться там, где не было света! Чтоб твари – отключились!

О!

Вот Колин и выяснил. Почему в Комплексе отключили освещение!

Тварюшки вырвались наружу!!! Причём, похоже, сразу – все!

И кто-то в Командном Пункте решился применить крайние меры! И заодно включить подачу газа.

Пока работали механизмы и приводные вентили баллонов с отравляющим...

Чтоб не оставить свидетелей!

Только вот...

Не будет иметь такое «заметание следов» никакого смысла, если мошки отца прорвутся наружу! На поверхность!

Потому что не останется там не то, что тех, кто осудит, а и вообще – ни-ко-го!

Обречены, наверное, даже суслики-зебры-львы и прочие кенгуру. То есть – теплокровные и млекопитающие. И планета естественным образом очистится от жизни!

Нет, ну не вся: какие-нибудь рыбы в океанах, и насекомые, останутся. И растения.

И выбравшись снова на сушу, через очередные миллиарды лет, примитивные пресмыкающиеся вновь попробуют заселить сушу... Если только мошки к тому времени сдохнут и проржавеют!

Колин дёрнул щекой. Но пришлось от абстрактно-отдалённых проблем вернуться к насущным: через полтора оборота спирали они выбрались наконец к последней двери!

Дальше лестницы не имелось.

Разумеется, дверь оказалась захлопнута: ну правильно. Чтоб прекратить доступ освещения оттуда – снаружи! А мощности аварийных колпаков с надписью «Exit» наверняка не хватило бы для обеспечения жизнедеятельности тварюшек!

Значит, нужно подготовиться.

К тем сюрпризам, что могут ожидать их там!

Впрочем, какое-то шестое чувство говорило Колину, что проблемы могут встретиться уже только со стороны мошек.

А вот людей там, скорее всего, не осталось.

Кроме, понятное дело, тех, кто выпил Протектор.

И не нанюхался отравляющего газа.

А остались ли такие?!..

Если остались – от них им с Сарочкой придётся просто...

Прятаться!

Ну, пока не выберутся на поверхность! И не скроются в лесу возле горы!

Да, скорее всего, и после этого расслабляться особо не придётся...

8. На поверхности

Как ни странно, дверь открылась легко.

За ней оказалось, разумеется, темно.

Колин повёл лучиком своего агонизирующего фонарика из стороны в сторону. Коридор. Почти как в Убежище, там, внизу, на полкилометра ниже, чем этот выходной коридор. Но выходной ли он? И куда им теперь? Влево? Вправо?..

Впрочем, ответ нашёлся быстро: в коридоре тоже лежали трупы!

Не все оказались обнажены, но многие были без рубаш или штанов и ботинок. И пол возле трупов тоже был покрыт – как бы чёрным налётом.

Мошки. «Обесточенные».

Картина ясна. Хотя...

Па, вроде, говорил, что количество этих тварей в боксах учёных ограничено! Как же они успели размножиться так быстро, что вырвавшись, стали нападать на людей?!

И – главное! – почему не накинулись на имевшиеся тут, наверху, детали и механизмы из металла?! Ведь по-крайней мере одну броневую дверь Колин при входе в катакомбы видел?..

Туловища всех трупов оказались развёрнуты: головами – вправо.

Логично предположить, что раз все хотели бежать для

спасения именно туда, там и выход! Но, как Колину представлялось, тот мужчина, что попался им только что на лестнице, придерживался совсем иного мнения – в плане куда именно нужно бежать...

Впрочем, не слишком ему это помогло!

Но поскольку живых охранников, пожелавших бы застрелить или отловить Колина с сестрой не видно, можно выдвигаться. К свету!

Хотя к какому, на фиг, свету! По прикидкам Колина сейчас было не больше четырёх утра. Ещё темно. А уж как взойдёт солнце!..

Воскресшие тварюшки примутся за дело!

И не останется тут ни единого трупа. Как и ни грамма металла.

Пора уносить ноги из чёртова Комплекса! Иначе велика вероятность, что рухнут им на голову все эти перекрытия, держащиеся только на арматуре, швеллерах, и железобетоне. Не говоря уж о том, что если доберутся и сожрут трубы, из которых сделаны контуры охлаждения реактора – так и вообще всё взорвётся!

Если только раньше тварюшки не сожрут уран – тоже ведь металл...

Колин вывел Сарочку в коридор, предупредив:

– Не пугайся! Тут тоже есть мёртвые дяди. Но они нам ничего плохого тоже не сделают! Просто не смотри на них!

Сарочка что-то промычала, и слабо кивнула. Взгляд под-

няла к потолку тоннеля. Сам же Колин вынужден-таки был смотреть на мертвецов – хотя бы чтоб не спотыкаться о них. И от зрелища мороз пробирал по коже! И желваки на скулах так и играли... Потому что мало того, что лица попадавшихся трупов были лишены кожи, что придавало им просто чудовищный, адский, вид, они ещё и были искажены предсмертными гримасами! Колину не хотелось даже представлять, что было бы с ними с сестрой, не принеси Артур МакГи – компенсатор!.. И не заставь выпить сразу!

Другая мысль, которая не давала ему покоя – что будет, когда тварюшки попадут на свет. Вернее – когда свет попадёт на тварюшек. Если найдётся какой-нибудь идиот, который приедет сюда проверить, почему Комплекс не отвечает на запросы начальства, и включит чёртово электричество – чтоб «посмотреть»... Ведь очень похоже, что все уверения, что отца, что дяди Эрика, о том, что основной целью монстров является металл, после увиденного казались, мягко говоря, неправдой.

Основной и главной целью тварюшек наверняка был человек!

То есть – «живая сила» противника! И это вполне понятно. Зачем же разрушать «инфраструктуру» вражеской территории, когда можно просто и без особых хлопот поубивать всех людей?!

А затем – заходи на «зачищенные» пространства, и живи в своё удовольствие!

И единственное, что нужно будет сделать – «отключить» мошек.

А вот с этим, похоже, у учёных действительно были проблемы...

Шли они недолго. Через сто шагов и три крутых поворота коридор упёрся в глухую и явно массивную стальную перегородку! И она наверняка должна была защищать не только от света солнца недра Убежища, но и от ударной волны, проникающего излучения, радиации, и всего прочего, возникающего при взрыве. Если б кто не поскупился жажнуть по их лаборатории атомной или даже водородной бомбой.

Но проблема сейчас была в том, что распахнута настежь оказалась бронированная дверь в этой самой перегородке!..

И за ней видна была разгорающаяся заря! Во-всяком случае, небо над кромкой леса было уже не чёрное, а тёмно-серое.

Ну, и у порога тоже лежали трупы: и снаружи, и внутри. Словно люди столкнулись друг с другом, пытаясь побыстрее выскочить из западни!.. Десятки трупов: на ком-то ещё оставались обрывки армейской одежды, а кто-то лежал совершенно обнажённый, скинув даже обувь!

Колин предпочёл больше ничего сестре не объяснять: как можно быстрее они двинулись к распахнутой настежь метровой двери, и, осторожно переступая, чтоб не наступать на руки ноги и тела, вышли наружу. Парочку трупов Колину-таки пришлось отодвинуть в сторону. Ногой. Выпускать из ру-

ки ручку сестры он побоялся.

Колина передёрнуло: а вовремя они!.. Чёртовы чёрные точки возле трупов как раз начали слабо шевелиться в свете слабеньких пока отсветов восходящего солнца!

По пологому бетонному пандусу, идущему наверх мимо отвесных, делающих выход похожим на глубокое ущелье, бетонных же стен, они поднялись за пять минут. Наверху, вне прикрытия стен, поддувал холодный предрассветный ветерок. Приятно холодящий разгорячённое усилиями вспотевшее тело. Колина пробрала дрожь. (Не простудиться бы!)

Он оглянулся. Нет, никто их не преследовал. И очень похоже, что обитатели Убежища погибли все! Даже те, кто сидел в Пульте Управления. Или в главной Диспетчерской. Ну, или на Командном Пункте.

Вот только интересно: успели ли они предупредить своё начальство о том, что здесь произошло?! И, если успели, как скоро здесь будут бомбардировщики с водородной бомбой?! Чтоб сравнять с землёй весь чёртов Комплекс!!! Выжечь до самой мантии чудовищным искусственным солнцем рассадник ставшей неуправляемой заразы! Пока «мошки» не разлетелись!

Эта мысль несколько подстегнула его.

Пора спрятаться! Ну, или вначале хотя бы отдалиться от этого проклятого места как можно дальше! На всякий случай!

А случай, учитывая «крутые» нравы и любовь к «секрет-

ности» любой ценой дядей из Пентагона, может быть, вот именно – всякий!

Он помнил, что вон там, за лесочком, их посёлок. До него не более двух миль.

Но в посёлок идти нельзя! Его ведь тоже наверняка захотят сравнять с землёй, или «зачистить» – чтоб уж с гарантией! От *всех* свидетелей!..

С другой стороны – вон там, за холмом, есть отличный овраг! Они с отцом его видели! И если идти вдоль его берега, по чуть заметной грунтовой тропинке, придёшь к насосной станции. Насколько Колин помнил объяснения отца, именно оттуда в Комплекс подавали чистую, родниковую, воду.

А ещё он отлично помнил, что стены насосной станции – бетонные. Прочные. Словно у бункера! Есть и подвал! Где, собственно, и стояли сами три огромных насоса.

Значит – им туда!

Придётся бежать! Потому что ехать не на чем. (Да скоро и во всём мире станет ездить не на чем: чёртовы мошки за их спинами, как он заметил, снова оглянувшись, уже начали подниматься в воздух, наполняя его как бы – чёрной тучей. Туманом.

Облаком смерти!

Только сейчас вспомнив про свой дыхательный прибор, Колин выдернул его наконец изо рта. Вдохнул. От свежего воздуха реально закружилась голова!

Какое счастье! Отравление им, похоже, больше не гро-

зит! Можно позволить вдохнуть и сестре: после трёх-четырёх быстрых вдохов, он убедился, что нигде не больно. И не воняет:

– Сарочка! Мы в безопасности! Давай сюда твой дыхательный приборчик!

Приборчики Колин сунул в сумку: мало ли!..

Сарочка, едва избавившись от загубника, поступила как всегда в моменты обиды и расстройства: обхватила его за пояс (Колин ведь – не мама, и только на два фута выше её самой!), и принялась плакать навзрыд. Ощущая себя последней сволочью, Колин поторопился присесть, чтоб лицо оказалось на уровне её лица, и попытался вразумить сестрёнку:

– Сарочка! Я неправильно сказал! Мы ещё не в безопасности! Чтоб быть совсем уж в безопасности, нам надо успеть добежать до насосной станции! Поэтому хватайся за руку – и побежали!

То ли его нахмуренные брови, то ли – дрожащий голос, то ли необычность происходящего позволили немного отрезвить малышку: она кивнула. Хоть плакать и не перестала. Но Колину сейчас было не до тонкостей: схватив сестру за руку, и поправив на плече ремни рюкзака и сумки, он со всех ног припустил по тропинке, что вела в лес! Про себя думал, какой молодец его па: словно ...опой чуял, чем всё может закончиться! И под видом «пеших прогулок» ознакомил Колина со всеми окрестностями!

Ну, и местами, где можно в случае чего – пересидеть и

выжить!

Здание насосной станции Сарочке не понравилось:

– Нет! Я туда не пойду! Там – злые бяки!

Колин невольно почесал в затылке освободившейся рукой: сестрёнка с недетской силой свою вырвала, когда он попробовал затащить её на полого спускающийся пандус, ведущий в приземистое здание – ко входным воротам. Колин сказал:

– Ты неправа. Злые бяки сейчас летят сюда на самолётах. Чтоб сбросить огромную бомбу на наше Убежище! Вот они – действительно злые! И бяки! А станция – абсолютно пуста. Папа говорил, что там не нужен даже дежурный техник: всё работает на автоматике! А нам очень нужно попасть внутрь! Там мы точно – будем в безопасности!

Ну, хотя бы на первое время!

Сарочка проявила колебания. Колин продолжил увещевания, не применяя, впрочем, силу: знал, что тогда сестра вообще упрётся, и её не сдвинешь! Характерец – в мамочку!.. Но «увещевать» долго тоже – нельзя! Он нутром чуял опасность!

Потому что могут ведь и не послать бомбардировщики. А сразу ударить – ракетой!

Он, сдерживаясь из последних сил, и иногда оглядываясь на стоявшую в нерешительности сестру, один спустился к массивным стальным воротам: наверняка через них сюда

и завозили всё оборудование. В одной из створок имелась дверь.

И, понятное дело, она оказалась заперта.

Колин, закусивший было от досады губу, и уже прикидывающий, через какое бы окно им залезть, вдруг кое-что вспомнил. И достал из кармана «универсальный».

Ключ, к счастью (Прямо гора с плеч!!!) подошёл. Колин повернул ручку.

Дверь распахнулась.

– Сарочка! Идём! Видишь? Тут никого не было! Дверь же была – заперта!

На уговоры ушло не более полуминуты – быстро, если вспомнить, как долго приходилось её уговаривать поесть. Или лечь спать.

Внутри насосной станции довольно громко гудело: агрегаты работали! Продолжая, судя по всему, гнать воду по толстенным трубам – в Комплекс. Тусклый рассвет проникал внутрь казённого на вид помещения через узкие длинные окна: каждое не шире фута. А вот смотреть в полумраке этого унылого освещения особо было не на что: некрашенные серые бетонные стены, щиты управления энергоподачей у этих самых стен, огромные, лоснящиеся серой краской, цилиндры электродвигателей, и спиральные корпуса насосов внизу – в как бы подвальном помещении. Обнесённого по периметру поверху служебными мостками. Над головой имелась кран-

балка. С лебёдкой. Ну правильно: для монтажа-демонтажа массивных агрегатов...

К насосам подходили трубы. Диаметр с добрый фут. И точно такие же уходили от них – в стены полуподвала. Колин, сейчас куда внимательней осматривающий небольшое помещение, всего-то дюжину шагов в длину, и шести – в ширину, кивнул:

– Порядок! Видишь? Здесь никаких «злых дядей», да и вообще – никого нет! Значит, самое для нас сейчас подходящее место! Думаю, прятаться нам нужно будет не более двух-трёх дней!

Про себя Колин уже успел подумать, что взорви «злые дяди» бомбу, или не взорви, мошек им остановить этим вряд ли уже удастся! За те несколько десятков минут, пока они бежали сюда, наверняка разлетелись по окрестностям чёртовы «мёртвые убийцы»! Которым не страшно умереть – поскольку они и не живые! Но *очень* живучие...

Но они с сестрой – не мошки. И не мертвы.

Вот и не хотелось бы!

Он, снова ведя сестру за руку, спустился с мостков по гулкой лестнице из стальных прутьев. Осмотрелся. Есть!

Вон: или каптёрка, или склад какой, или комната для отдыха оператора. Неважно. А важно, что она – в стороне от насосов, и перекрыта сверху – бетонными плитами!

– Сарочка! Я думаю, нам пока лучше зайти сюда!

Сарочка, уже поддавшись уговорам, и войдя в здание, и

убедившись, что брат сказал правду, решила не сопротивляться и не протестовать.

Внутри каморки действительно имелось подобие лежака: матрац, лежавший на грубо сколоченном каркасе из толстых брусьев и досок! Значит, кто-то тут хотя бы изредка жил! Или ночевал. Или хотя бы – лежал. Ремонтная бригада? Техники? С «девочками»?

Додумать эту мысль Колин не успел.

Пол под ногами буквально вздыбился, и их швырнуло на-земь!

Ярчайшая вспышка проникла сквозь узкие окна-бойницы, и заставила Колина зажмуриться! Он крикнул:

– Сарочка! Закрой глаза!

Но вряд ли сестра его услышала: всё потонуло в чудовищном грохоте!

От него, казалось, лопнут барабанные перепонки, и Колину пришлось открыть рот! Но и в этот миг он не позволил себе поддаться нахлынувшему ужасу, и успел схватить застывшую и зашедшуюся в уже неслышимом крике малышку, и затолкать под лежак!

После чего через выбитые окна станции влетел чудовищный вихрь, пронесшийся по помещению, и заставивший Сарочку снова громко завизжать, а Колина – залезть под лежак, к сестре! Прикрывая её свернувшееся калачиком тело – своим телом!

И вовремя – он почувствовал, как пара осколков оконного стекла

впились ему в ногу, которую не успел втащить под матрац!

Э-э, плевать!

Пусть и больно, но он вытащит их позже!

А сейчас главное – пережить ударную волну и проникающую радиацию!..

9. Апокалипсис

Пол под ними продолжал ходить ходуном ещё с полминуты. Грохот стоял неимоверный, уши буквально выдавливали, и больно было чертовски сильно! Его тело будто трясло на поистине адском аттракционе – словно грешника какого! Или так кидать и швырять могло бы на каком-нибудь виброгрохоте. Размером с небоскрёб. Тельце сестры он обнимал и сильно, и осторожно – стараясь уберечь её от швыряния о стену и пол.

Когда грохот и вой стали потише, Колин как-то некстати, словно абстрагировавшись от страшных обстоятельств и боли в ушах и ноге, подумал, что их наверняка контузят! А ещё он был уверен, что вряд ли хоть кто-нибудь смог бы выжить там, в Убежище. Да и в посёлке – раз бомба взорвалась так близко...

И была поистине – чудовищной мощности!

Похоже, понимали «злые дяди» из Пентагона, что лучше подстраховаться! Бросили сразу – самое большое из того, что имелось...

Ну, или так им приказали их хозяева – *реально* злые дяди, которые сидят в руководстве крупнейших компаний ВПК. И для которых жизни людей – тьфу!

Видать, перепуганы не на шутку. И понимают гигантскую и неумолимую опасность, исходящую от мошек! Даже если

тех спасётся всего две...

Всё правильно. Никто же не хочет раньше времени отправиться к праотцам, и лишиться всех прелестей жизни: «элитного жилья», виллы на Канарах, «Майбахов», слуг и шофёров, охранников и любовниц, деликатесов, ну, и прочих благ цивилизации, которые дают деньги. Уворованные из огромного оборонного бюджета – в свой частный карман!

Колин, злясь на «дядей», и на себя, что не о том он думает в такой момент, понимал, что маловат он ещё, чтоб вообще – думать о таких вещах. Политика – должна быть вне «сферы его интересов». А должны там быть учёба и игрушки...

Но именно на такие темы они говорили с отцом во время прогулок по лесам-полям. Когда отец был уверен, что их никто не слышит. А свой мобильный он как раз с этой целью и оставлял дома... А Колин спрашивал много о чём – ему хотелось знать, почему вот это – так, а вот это – вот эдак, почему солнце так ярко греет, и почему человеку нужно кушать, чтоб расти и жить. И почему он тоже должен быть – учёным. И каким именно образом его отлично образованный и умный отец попал в кабалу.

Пусть и отлично оплачиваемую.

Но вот наконец грохот и вой снаружи, за стенами чудом устоявшего бункера насосной станции, и стал тише. Нет, не исчез окончательно, а просто стал потише. Ослаб и ветер, до этого буквально редевший – словно сбесившийся слон во время брачного сезона. Колин пооткрывал рот: нет, всё в по-

рядке: заложенные уши «отложило», и они хоть что-то слышали: как под ним хрустят осколки, как дребезжит на ветру какой-то кусок кровельного железа, как всхлипывает и подывает Сарочка, прижатая им к стене каморки...

Он позволил себе чуть приоткрыть глаза.

Темно. Можно, вроде, не опасаться ослепнуть.

А если повернуться и посмотреть нормально?

Ах, вот оно в чём дело.

Крышу с насосной сорвало – наверное, самой первой ударной волной. Ну, или порывом урагана, что налетел за ней. И теперь всё полутёмное пространство полуподвала было покрыто различными обломками: и кусками балок крыши, и ветками деревьев, и упавшей кран-балкой, и осколками стекла. Впрочем, насосы и их моторы не пострадали: монументально высились на своих железо-бетонных станинах. Правда, уже не работали.

Но главное не это – а то, что половина подвала, со стороны взрыва, буквально погребена под огромной горой земли, вывернутой словно чудовищным экскаватором!

Почти завален оказался и выход из их каморки. Поэтому, похоже, и было темно.

Убедившись, что грохот всё же утих, и худшее позади, (Вроде!) Колин осторожно выбрался из угла у стены, куда он затолкал Сарочку. Сестру осмотрел: к счастью, ран или крови на ней не заметил. Ну слава Богу!

Малышку он решил пока оставил лежать на месте. Сест-

рѐнка до сих пор содрогалась: рыдала, подскуливая, словно щеночек. Сердце Колина словно сжимала при этом холодная волосатая лапа: он понимал состояние малышки. Ему и самому хотелось рыдать и скулить! А ещё – кричать и просить о помощи!

Но Колин понимал, что сейчас не может позволить себе этого. Да и некого звать: в радиусе десяти миль наверняка не осталось в живых ни единой живой души! Разве что – крысы.

И им с сестрой сейчас не до «утешений»: нужно как можно скорее выдернуть осколки стекла, и обработать раны! Иначе он просто истечёт кровью. Или получит какое-нибудь нагноение и заражение. И умрѐт. В муках и горячке.

А тогда кто будет заботиться о его сестре?!

Колин вылез из-под постели. Нога страшно болела, и он наконец смог рассмотреть засевшие в икре осколки. Вот этот, вроде, небольшой. И сидит неглубоко: воткнулся остриѐм. А вот этот...

При виде полуфутового зазубренного полотна неправильной формы, торчащего из икры, куда оно вонзилось, кажется, до кости, Колин содрогнулся. Жуть!!!

Его замутило, и голова закружилась. И только закушенная до крови губа позволила ему не ускользнуть в спасительную пучину обморока!

Вынуть эту штуку будет трудно. И наверняка – очень больно!

Но главное – нельзя показывать, как он будет делать это

– Сарочке. Впрочем...

Прежде, чем вынимать осколки, нужно найти аптечку. Там и бинты, и мазь от нагноений, и накладки... А то ведь когда вынешь эти чёртовы стёкла – можно запросто истечь кровью! Которую сейчас и удерживают, словно пробки, острые стёкла!

Зажав губы зубами, чтоб не стонать, Колин встал на четвереньки. Затем поднялся на ноги. Вернее – на ногу: стоять на раненной ноге было попросту невозможно: чертовски больно! Так больно ему было только однажды: когда упал с велосипеда и сломал руку. Но тогда всё обошлось: отец свозил его в госпиталь при ближайшем городке, и ему вправили кости на место, вкололи обезболивающее, и наложили гипс.

А сейчас – довольно предаваться воспоминаниям. Нужно работать.

Колин кое-как, придерживаясь за стену, и стараясь на раненную ногу не наступать, проковылял в полузаваленному выходу. Он пролезет поверху, на пузе – отверстие вполне позволяет. А вон и его сумка с рюкзаком: их припорошило, конечно, землёй, но они не пострадали. Вроде.

Он обернулся. Постарался перекричать гул и вой ветра:
– Сарочка! Будет лучше, если ты пока полежишь там, под кроватью! А я пока...

Осмотрюсь.

Комментариев со стороны сестрёнки не последовало. Из чего Колин опять сделал вывод, что она – в шоке. Ну, или

ступоре – не суть. Главное – чтоб не смотрела, как он будет «чинить» ногу. Она очень боится крови... Хлещущей крови.

Впрочем, крови боится и он. Но деваться-то – некуда! Нужно выживать!

Когда выбрался в полуподвал, подивился: темно, оказывается, было не от того, что засыпало половину здания и дверной проём, а от чёрно-серых клубящихся туч на небе. Привычной голубизной неба, или ярким солнышком не пахло...

Аптечку Колин достал не без труда: она, как и когда-то фонарик, оказалась на самом дне. Закон подлости: как с падающим бутербродом. Всегда – маслом вниз!..

Он открыл аптечку. Приготовил бинт, разрезав кое-как тупыми ножницами из комплекта аптечки его неподатливую герметичную упаковку. Так. Теперь – тюбик с мазью от нагноений. Открыть его. Распечатать вату. Пузырёк с перекистью... Порядок. Можно приступать. Только вот...

Глянув снова вниз, он опять едва удержал позывы к рвоте: уж больно страшно и дико выглядели торчащие из икры и покрытые его сочащейся кровью грязные осколки! Ясно одно: оставлять их там ни в коем случае нельзя!

Но помощи-то ждать – неоткуда!

Значит, спасение утопающих – дело рук самих утопающих!

Он встал на колени – так до осколков добраться можно было сравнительно удобно.

Первый осколок он выдернул действительно очень легко.

Кровь, понятное дело, потекла! Но ему сейчас не до неё!

Второй осколок оказался скользким. Непослушные дрожащие пальцы никак не хотели его крепко зафиксировать. Чтоб как следует взяться, ему пришлось достать из кармана чудом (!) сохранившийся носовой платок. И обернуть осколок.

Колин, понимая, что меньше всего ему хотелось бы, чтоб осколок сломался там, в ране, стиснул зубы, и медленно и аккуратно потянул за торчащую наружу часть. А-а-а!!!

Из глаз буквально брызнули искры! Ну, и слёзы.

Он заставил себя сдерживать рвущееся наружу рычание. И аккуратно и медленно довытащил осколок. Тот действительно дошёл до кости – как понял Колин, только она его и остановила! Иначе разрубило бы ему ногу напополам...

Продолжая сдерживать стоны и рычание, он полил на раны перекиси.

Если он думал, что раньше было больно, теперь его мнение изменилось: это были, оказывается, ещё цветочки!..

Пришлось упасть на живот, и повить сквозь стиснутые зубы. И полупить немного кулаком по полу!

Но не сильно: новые раны на руках от валявшихся на полу осколков ему не нужны!..

Но тянуть нельзя: кровь уходит. А с ней – и жизнь!

Он заставил себя снова встать на колени. Проморгался: слёзы, навернувшиеся на глаза, делали картину нерезкой и, следовательно, был риск чего-нибудь сделать не так!

Кровь текла – она уже скопилась под ногой небольшой лужицей.

Вата. Промокнуть икру.

Ещё вата. Снова ватный тампон – щедро смазанный противовоспалительной мазью. Его Колин приложил к большой ране. Придавил. Подвигал, чтоб мазь попала в рану. А-а-а!!! Больно. Но – надо.

Ну вот, вроде, и почти не сочится. Теперь – вторую рану. К счастью, она расположена всего в паре дюймов от первой – наверное, получится замотать их обе одним бинтом. Но вначале – второй тампон с мазью...

Всё равно Колину пришлось поменять первый тампон: буквально за те полминуты, что он распаковывал бинт, и занимался «малой» дырой, тот пропитался насквозь!

А ничего. Мази у него в тубике достаточно. А потом он просто заменит тубик на новый. Взятый в аптеке посёл... Колин оборвал себя на этой мысли. Нету, скорее всего, ни посёлка, ни аптеки! Ударная волна наверняка сравняла все дома их поселения с землёй! И даже пробовать сходить посмотреть – страшно!

Ну, ничего: где-то же сохранились другие посёлки и города? Там наверняка остались и аптеки. Вот только добраться туда...

Сейчас проблематично.

Значит, пока придётся обходиться тем, что есть.

Обматывая ногу бинтом, он как раз об этом и думал: что

ходить ему не нужно хотя бы три-четыре дня. Чтоб раны зарубцевались. Ну, или затянулись. И перестали кровоточить. Да и больно! Впрочем, плевать: главное – они живы!

А вылезать на поверхность всё равно ближайšie двое суток нельзя!

Радиация!

Когда вернулся под кровать, Сарочка уже не рыдала, а только часто и прерывисто дышала: похоже, кончились у неё слёзы... Вот: кстати!

У них нет ни одной бутылки с водой!

А взять её сейчас – точно негде. Значит, придётся найти воду *здесь*.

Колин усмехнулся. Усмешка вышла кривой: почти как у какого-нибудь злодея из вестерна. Вот только снимать его на камеру – некому. И он – не киногоерой. Он простой мальчик. Которому через три месяца исполнится девять. Если, понятное дело, он выживет.

Вот и нужно стараться, и делать всё возможное, чтоб они с сестрой – выжили.

Так. Вода. Он не слишком беспокоился по этому поводу: в любом насосе, там, в полуподвале, этой самой воды – хоть купайся! И она наверняка достаточно чистая: из горных же ручьёв и маленькой речки! А вот подводящий канал наверняка засыпан, и осушен. Следовательно, ему нужно попробовать отыскать краник в каком-нибудь насосе!

– Сарочка! Давай-ка, перебирайся наверх. На матрац. А то простудишься, если будешь долго лежать на голом бетонном полу! А я пойду попробую достать нам попить!

На то, чтоб заставить сестру перебраться наверх, ушло какое-то время. Но в конце-концов на его уговоры и подталкивания она отреагировала. Колин подумал, что сейчас самое лучшее было бы, если б она поспала. Но для этого вначале она (Да и он!) должна попить. И поесть.

Но перед этим...

Он уже перетащил и рюкзак и сумку в их каморку, и сейчас достал свою зимнюю, длинную, куртку. Накрыл сестру:

– Лежи!

А сам он в это время...

Что ж. Вперёд, к насосам!

Как говаривали пираты корабля, получившего пробоину.

Краник на ближайшем же насосе оказался под его «днищем» – явно для полного спуска воды из агрегата. Открылся легко. И выпустил в подставленную Колином чашку струю воды. На вид чистой. Но тут уж не до тонкостей: вряд ли им в ближайшие пятьдесят лет стоит рассчитывать на хлорированную водопроводную воду. Значит, нужно приучиться к обычной. Речной. Озёрной. Да любой!

Колин вернулся с чашкой к сестре:

– Сарочка! Нужно попить! Давай, маленькая!

Сарочка не стала возражать или упираться: похоже, дол-

гий подъём по лестнице утомил и обезводил и её! Хотя когда Колин щупал её пижамку, не заметил, чтоб та была вот прямо – пропотевшей насквозь... Но сейчас, убедившись, что сестра напилась, и он сам тоже больше не страдает от жажды, Колин передел сестру. В сухую майку, и спортивное трико. Передел и носки – на тёплые. Подумав, надел на неё и кроссовки, и шапочку, и лёгкую курточку:

– Сарочка! Тут довольно прохладно. Подвал, всё-таки. А, думаю, будет ещё холодней. А ночью – так и вообще будет холодно! А печки у нас нет. Так что сиди так. Ноги только накрой моей курткой. А я пока открою банку с консервами. Так, где тут его консервный гожд?..

Тушёнку, вылив остатки воды из чашки, он вывалил прямо в чашку. Ложки.

Нет, ложка: сестрёнку всё равно пришлось кормить ему. Ну вот не хотела она брать ложку, и есть холодное мясо. Колин и сам пока не слишком проголодался. Ну, или это шок от пережитого и боль в ноге лишила его аппетита. Но чтоб были силы, и нормально шло выздоровление, есть – нужно!

Так что помучившись с полчаса с кормёжкой, он доел остатки трёхсотграммовой банки. Не слишком вкусно в холодном виде, конечно. Зато – очень питательно! Мясо же!

Ну вот. Порядок. Пустую банку он просто выкинул в дальний конец полуподвала: им не нужно следить за «чистотой» помещения, а тем более – заниматься уборкой! А через три-четыре дня они отсюда свалят к такой-то матери. И поищут

что-нибудь более... Удобное и уютное. И тёплое – его пробирала дрожь. То ли от действительно – холода полуподвала, то ли – от нервов.

А пока полуподвал вполне подойдёт как угол, где можно переждать, пока радиационный фон не вернётся к приемлемым величинам. Да и жить «на матрасе» – вполне можно. Даже мягко. И, само-собой, теплее, чем на бетонном полу!

После того, как они с сестрой поели, и справили в дальнем углу полуподвала нужду, Колин подумал, что первое, что нужно поискать в тех городах или посёлках, куда они дойдут – туалетную бумагу. И только если не найдётся – привывать к чему-нибудь другому. А то изнежены «цивилизацией» их задницы. А им теперь предстоит жизнь – словно у пещерных людей. Машин точно не останется! Как и супермаркетов. Ну, вернее – их зданий. И всего того, что там будет в железной упаковке...

Тварюшки скорее всего успели-таки разлететься на безопасное – для них! – расстояние!

Но это он узнает очень скоро. Потому что насосы – они из металла! Как и электродвигатели. А такие «заметные» для их сверхчувствительных детекторов цели мошки наверняка обнаружат быстро. Вот, кстати!

Нужно провести ревизию: что из *их* оборудования и вещей может быть съедено?

В первую очередь, конечно – консервные банки! Они – из

жести!

Значит, нужно съесть продукты, которые он захватил – побыстрее. Пусть и придётся есть через «не хочу». Потому что до уцелевших посёлков и городов нужно ещё дойти! А для этого нужны – силы! Ну, и зажившая нога. А ещё хорошо бы всё же переждать радиацию... То есть – так и так нужно сидеть здесь, внутри!

Колин убедился, что лежащая на матрасе, свернувшаяся комочком сестрёнка не мёрзнет. Подлез к ней со стороны спины и сам. Накрыл себя сзади своей курткой.

Вой ветра практически стих, и теперь снаружи царила мертвящая тишина.

Но Колин не опасался нападения: ни со стороны диких животных, ни мародёров. Не осталось тут, в окрестностях их «бункера» никого! Значит, можно попытаться поспать!

Ну, или хотя бы расслабиться и отдохнуть. Они и правда – очень устали и перенервничали, пока выбирались...

– Спи, Сарочка, спи. После обеда лучше всего – поспать!

Сарочка вдруг встрепенулась. Быстро развернулась к нему. Огромные испуганные глаза впились в его лицо:

– Колин! А что с мамой и папой?! Когда они за нами придут?!

Колин проглотил волосатый липкий комок, застрявший в горле. Подумал, что самое время «солгать во спасение». Но утешающие слова почему-то не шли. Он сказал:

– Мама и папа не придут. Они умерли. И все остальные

люди там, в Убежище – тоже умерли. И мы теперь – сами по себе. Поэтому мы должны держаться вместе. И ты должна теперь слушаться меня. Так сказал папа!

Как ни странно, Сарочка не стала биться в истерике, и рыдать, как она делала, когда чего-то хотела, или ей было больно. Вместо этого она прижалась к груди Колина сильнее, и всхлипнула:

– Я знаю, что мамочки больше нет. И папы. Я... почувяла. Ещё тогда, когда ты пошёл к ним в комнату. Они ведь ещё тогда умерли?

– Да. Их отравили газом. Который запустили в Убежище злые дяди из Пентагона. И бомбу на Убежище тоже сбросили они. И мы теперь должны выжить, вырасти, и отомстить им! За маму и папу! Да и за всех наших друзей и близких.

– Да. Я согласна отомстить. Но ведь мы – маленькие дети. Нам надо вырасти!

– Да, Сарочка. Нам надо вырасти. – Колин закусил губы. На глаза снова навернулись слёзы. Но он не позволил рыданиям прорваться в голос, – А для этого нам нужно три-четыре дня оставаться здесь. Чтоб нас не убила остаточная радиация!

– А что такое – оста... э-э... чная радиация?

– Не знаю, Сарочка, – он отвечал честно, поскольку и правда – имел очень смутное представление, о том, что это такое, и чем конкретно опасна, – Но только говорят, что от неё умирает куда больше людей, чем от самого взрыва! И

убивает она медленно и мучительно – хуже ядов каких, или болезней! Так что будем сидеть здесь. Пока она не рассосётся. И пока не кончатся наши продукты.

А вода здесь есть! В насосах.

Он не стал говорить, что время их пребывания здесь, скорее всего, ограничено не едой и водой, а – мошками. Которые могут съесть и насосы, и консервные банки. И тогда консервы испортятся. О!

Он же может найти какой-нибудь кусок, скажем, полиэтилена, и подложить под банки! Тогда даже если корпуса съедят, продукты – останутся! И будут хотя бы – чистыми. А не вываливающимися в грязи.

Но это не горит.

Пока что им действительно лучше – поспать.

– Ладно, малышка, как-нибудь прорвёмся. А пока давай отдыхать! А то мы сегодня очень много ходили. И не спали полночи. Отдыхай!

– Да, Колин. Будем «спать после обеда». А что у нас на ужин?

– Мясо. Консервированное. И вода. Сырая.

– Ну, ничего. Как-нибудь «прорвёмся»!

– Да. Должны.

И хотя он и старался говорить спокойно и уверенно, совсем как папа, но вот чего он не ощущал – так это как раз – уверенности...

10. Ожидание

Проснулись уже в сумерках.

А, вернее – в уже почти полной темноте. Колин догадался, что так темно оттого, что ещё не рассеялась гигантская туча над тем местом, где взорвали бомбу. И пыль и испарившаяся вода так и летают в воздухе, закрывая от них даже тусклый свет захода, медленно оседая, и покрывая всё вокруг той самой радиацией...

Нога не то, чтоб сильно досаждала ему, но ныла и словно бы стала горячей – это прощупывалось даже сквозь бинты. Сарочка заворочалась – значит, вот-вот проснётся.

Пришлось заняться насущными проблемами: пошарив в любимом рюкзаке, поставленном в головах матраца, он достал свечки и спички. Пока шарил, сестра, разумеется, проснулась. Глаза Сарочки, в которых колеблющееся и мерцающее пламя отражалось как-то странно, уже были сухими: кончился, стало быть, «слезливый» период.

Колин, думая, не слишком ли сильными оказались переживания последних часов, попробовал заговорить с сестрёнкой:

– Сарочка! Что открыть нам на ужин? Снова говядину? Или свинину? А может, рыбу?

Сарочка, невидящим взглядом смотрящая на пламя, моргнула. Повернула голову к нему:

– Мне всё равно. Открывай, что хочешь.

Плохой признак. Если его всегда резвая и капризная в плане еды сестра ничего не хочет, это говорит о том, что потеряла она и резвость, и интерес к происходящему. А, может, и к жизни. А этого нельзя допускать.

Открывая банку с беконом, Колин думал, чем бы вывести сестру из ступора.

Придётся рассказать её сказку. А какую? Хм-м... Ну, наверное, такую, чтоб вселяла оптимизм. И желание жить! А вот тут – два раза «хм-м»! Он и сам не слишком оптимистично настроен сейчас. Но ради сестры постараться надо!

Отковыривая небольшие кусочки мяса, и привычно кормя сестру с ложки, он решился:

– Знаешь, Сарочка, жил-был в старые-стародавние времена один король. И долго у них с женой не было детей. Но потом вдруг родилась у них дочка! И такая она была хорошенькая, беленькая, и весёлая, что называли они её Белоснежкой! Но после родов королева заболела, и умерла! И остался король один. И чтобы было кому воспитывать его дочь, решил он жениться во второй раз. А новая жена ему попалась красивая. Но очень хитрая и коварная! И очень любящая... Только себя! И вместо того, чтоб воспитывать падчерицу, она только и занималась, что своей внешностью! И постоянно гляделась в своё волшебное зеркальце!

По мере того, как он, стараясь говорить медленно и успокаивающе, рассказывал, отстранённое выражение на личике

механически жующей сестры сменилось. Если не заинтересованностью, то хотя бы – пониманием. И между двумя ложками она даже умудрилась спросить:

– Это – как наша мама, что ли?

– Да нет, Сарочка, что ты! Наша мама вовсе не злая. А вот новая королева была реально – злая! И самовлюблённая! И постоянно говорила своему зеркальцу: «Свет мой зеркальце, скажи! Да всю правду доложи! Я ль на свете всех милее, всех румяней, и белее?»

– Ну точно. Как мама. Она всегда глядела в своё большое трюмо. И вертелась перед ним по часу. Всё что-то мерила. И красила лицо.

– Но наша мама же ничего не говорила при этом!

– А вот и нет. Я сама сколько раз слышала! Она говорила, что самая красивая, и это, как это... Абаятельная. И сиксапильская.

– Во-первых – «обаятельная». А во-вторых – наша мама была очень хорошей мамой. Нашей родной! И нас любила! Вот, послушай, что сделала эта королева, когда зеркальце ей сказало, что молодая принцесса выросла, и стала красивей её!..

Сказку Колин рассказал за примерно полчаса. За это время Сарочка съела почти треть объёма банки. Колин доел остальное, чашку ещё и вытерев насухо куском той же туалетной бумаги – им вовсе не нужно, чтоб остатки пищи загнили, и испортили содержимое последующих банок.

Сарочка заявила, что снова хочет «пи-пи». Колин повёл её в дальний угол, с огромным трудом наступая на болящую ногу. Заодно выкинул пустую банку – к предыдущей. Мусор лучше складывать не как попало, а – в одном определённом месте.

Они снова забрались на матрац. Колин сказал:

– Нам придётся пока пожить здесь. Потому что снаружи – радиация, ну, я тебе уже сказал. А от неё сильно болят. И умирают. – он не стал говорить о своих раскладках, что радиация запросто может залетать к ним и через открытый проём крыши и дверной проём комнаты. Потому что даже если это и происходит, спастись – нереально. Разве что – спать в приборах для дыхания. Поэтому остаётся надеяться, что вся радиация – улетела. Снесённая ураганом, возникшим сразу за взрывом. Но выходить всё равно нельзя!

Бережённого, как говорится, Бог бережёт!

Да и нечего им делать ночью в радиоактивной пустыне, которая сейчас наверняка только и осталась там, наверху! Ведь лес наверняка сметён, и выкорчеван с корнем, и вообще всё – сметено! И нет ни посёлка, ни полей, ни садов, в которых они тоже гуляли...

Вот и нужно – спать. Ну, и лечить ногу!

Вот, кстати: о ноге! Запускать такое дело на «самотёк» нельзя!

– Сарочка! Постарайся уснуть снова! Нам нужно хорошо отдохнуть, и набраться сил! Через два дня мы пойдём на за-

пад. Там есть большие города. И вода, и пища.

– Я не хочу спать. – лежащая снова под его курткой сестрёнка моргала, глядя опять на свечу, которую Колин теперь укрепил на каком-то куске бетона, который затащил к ним в каморку, а тьма снаружи стояла уже буквально – кромешная. Как в ...опе у афроамериканца, – Лучше расскажи ещё сказку. Только давай повеселей. И подбей. А не про то, как злая мачеха убила падчерицу!

Колин почесал в затылке. Сказку – подбей? Но ведь если в сказке не будет зла, так и не покажешь, как в конце добро победило его! Про что бы ей... А, вот!

– Однажды в Канзасе – это такой штат у нас в стране! – жила-была маленькая девочка, по имени Элли. И была у неё маленькая собачка – Тотошка. Родители Элли были фермеры, и поэтому рядом с их полями были только домики других фермеров. И у соседей Элли не было детей. Вот и приходилось ей играть только с Тотошкой. А в Канзасе часто случаются ураганы! И вот однажды...

Сарочка отключилась на встрече с «храбрым» львом – Колин старался увиденный в детстве старый фильм пересказывать спокойно, и голос сделать помонотонней.

Выждав для страховки минут десять, он аккуратно слез с матраца. Где тут его рюкзак с аптечкой...

Замена тампонов с мазью оказалась куда болезненней, чем даже первая «обработка».

Колин предусмотрительно засунул в рот скомканную ста-

рую майку – что дико не орать! Но от рычания сдержаться всё равно не мог – хорошо, что вместе со свечкой и всем барахлом выбрался из каморки в полуподвал!

В свете свечи первая, маленькая, рана, выглядела неплохо. Зато вот вторая... Голова кружилась, и нога дико болела, когда он снова – теперь уже пальцем, натолкал в разверзшуюся дыру с опухшей и покрасневшей по краям плотью – мазь. Старался достать как можно глубже: по всей внутренней поверхности раны. Знал, что если не предотвратит нагноение – ногу придётся ампутировать. А сделать это явно – некому. Значит, придётся делать это – самому!.. Но в их распоряжении нет даже топора! Не говоря уж о пиле...

Бр-р! О-ох...

Кинув в сторону старые бинты, он обмотал ногу свежими: благо, бинта было много. На тампоны нанёс мази побольше: если её «экономить», то смысла в ней может не оказаться – если не справится с нагноением эта самая мазь. И его организм.

Закончив, он лежал на обломках полуподвала минут пять – сил подняться действительно не было! Так его измотала чёртова процедура. Но погоди-ка... Ведь у них в аптечке должны быть!.. И как это он сразу не подумал! Хотя – нет. Он подумал. Но хотел приберечь – на крайний случай. Для сестры. Но похоже, «крайний» случай наступил как раз сейчас! И если нагноение не вылечить, останется он без ноги. А то и просто – умрёт! От гангрены!

Колин достал упаковку антибиотиков. Самые сильные! Спасибо отцу... Но всё равно пришлось доползти до каморки, и взять чашку – без запивания водой огромные капсулы и не проглотить!

Выпил он сразу три – ударную дозу.

Теперь – назад, на матрац. И попытаться заснуть...

Чёрта с два оно засыпалось. В голову чего только не лезло!..

Например, мысли о том, что мошки, если уцелели, наверняка ударной волной и вихрем-ураганом отброшены далеко в пустыню! Ну, там-то они, конечно, никому вреда не нанесут. Но ведь они там, на полигоне Невады, не останутся! И вернуться. В первую очередь, конечно, туда, где есть люди. И металл. То есть – в Лас-Вегас: ближайший крупный город. Ну как – ближайший. До него добрых семьдесят миль. И, вероятно, от взрыва термоядерного заряда он сильно пострадал! И если кто там остался в живых – старается сбежать. Да подальше! Уж про радиацию-то все наслышаны!

С другой стороны, часть мошек, конечно, вернётся. Сюда, к насосной станции. В поисках металла и людей. И если они с сестрой худо-бедно защищены, то ведь насосы – нет. Значит, нужно куда-нибудь запасти и воды. То есть – ему нужно два куса полиэтиленовой плёнки. Одну – для консервов, а вторую – для воды. Шестьдесят миль – это вам не хухры-мухры! А с его ногой, и маленькими ножками Сарочки идти придётся минимум – пять дней... Конечно, если они выживут... И

если нога заживёт!

Нет! Нельзя так думать! Не «если», а – когда!

Он мысленно стал приказывать организму – вылечиться!

Методику самонастроя отец ему объяснил. Ещё и сказав при этом, что человек, в-принципе, может решить любую поставленную себе задачу, если только действительно *сильно* захочет! Ну а он – хочет!

Да ведь и нет у него другого выхода!

За приказами своей ногой и иммунитету он и не заметил, как заснул.

Утром стало чуть светлее, чем было вчера днём.

Колин, повернув голову, обнаружил, что сестрёнка не спит. А молча на него смотрит.

– Сарочка! Ты давно проснулась?

– Нет, где-то с полчаса.

– Ну а что же ты меня не разбудила?!

– У тебя был очень усталый вид. Я хотела, чтоб ты подольше поспал. И лучше отдохнул.

Колин почувствовал, как сердце снова сжимает липкая холодная рука: ну и дела!

Похоже, стремительно взрослеет его прежде беззаботная и легкомысленная сестра! Раз уже поняла, что им нужно заботиться друг о друге...

Но он заставил себя не допускать дрожи в голосе:

– Спасибо. Я... выспался. Ну что? Будем завтракать?

– Будем. А умыться? А зубы почистить?

– Умыться и попить мы сможем. Воды в насосе, вроде, полно. А вот насчёт зубов... Я не догадался захватить ни зубных щёток, ни пасты. Ну, ничего: думаю, какое-то время обойдёмся и так. А потом возьмём пасту и щётки в каком-нибудь магазине!

– Ты думаешь, что магазин уцелел?

Колин поразился опять: а здраво рассуждает его двухсполовинойлетняя сестра!

– Ну, тот, что в посёлке – вряд ли. Скорее всего, его смело ураганом от бомбы. Если не весь, то – большую часть. Но ведь есть и другие посёлки, да и города у нас в стране!

– А ты думаешь, их не разбомбят?

– Зачем бы нашим военным их бомбить?

– А бомбить будут не наши. А Русские. И Китайские!

– Но почему?! – спрашивая, Колин уже понял, почему: если мошки доберутся туда, и русские, и китайцы справедливо посчитают это – «нападением»! И уж прислать адекватный ответ, пока ракеты ещё целы – не забудут! Ай да Сарочка!

А он об этом и не подумал...

– Да ты и сам догадался – по глазам вижу. Это было первое, о чём я подумала, когда увидела, как действуют мошки. Они ведь убьют всех, кто не выпил компенсатора? А до России и Китая – не так уж и далеко!

Точно. И самое большее, на что тут можно рассчитывать – дня на три. Ну, пять.

– Твоя правда, Сарочка. Такая опасность – есть! Поэтому, боюсь, нам придётся сидеть в этом подвале не три дня, а – десять! И нам надо подумать, как запасти воду. И спасти продукты, если появятся мошки. – Колин рассказал о своих мыслях насчёт полиэтиленовой плёнки, – Думаю, через дня два я смогу ходить. И попробую пройти до посёлка. Может, найду там чего подходящего! Хоть – канистру какую, пластиковую.

– Нет. – его поразила жёсткость в тоне сестры, – Ты не сможешь сходить. У тебя – нога!

– Но она как раз к тому времени заживёт!

– Не заживёт. Я слышала. А потом – и видела, как ты вчера перевязывал её. Рана просто – жуткая! Наступить на такую ногу нельзя. Тебе нужен покой, хотя бы на неделю.

Колин почувал, как горячая волна окатила его с макушки до пяток: сестра *видела!* Подглядывала, стало быть. Да, это она умеет. И может подкрадываться абсолютно бесшумно. Но вот насчёт ноги...

– Но если я буду сидеть здесь, в «покое», неделю, мы останемся без еды и без воды! Мошки точно – прилетят раньше!

– Я схожу в посёлок. Заодно посмотрю, что от него осталось.

Колин снова поразился. С другой стороны, если сестра не увидит трупов, опасаться, вроде, нечего: территория абсолютно безжизненна! Все мертвы! Даже дикие звери.

Но как отпустить почти младенца – на такое сложное и

опасное дело без присмотра?! Может, всё же не нужно ей никуда ходить?

– Нужно. – она словно читает его мысли!, – Идти придётся. Но – не сегодня. – а не ждал он от неё такого рационализма! – Завтра. Ближе, наверное, к обеду. Или к вечеру. Когда будет посветлее. И рассосётся твоя «радиация».

Колин нахмурился. Подумал ещё.

Нет, она дело говорит! Другого выхода, получается, нет! Он должен побереечь ногу, а сестра сможет пройти полторы мили. До того места, где... Ну а потом – и обратно!

– Хорошо, Сарочка. Завтра посмотрим. Как будет моя нога. И как позволит погода.

– Да. А теперь давай завтракать! Я проголодалась.

Вместо обеда Колин и Сарочка решили сделать как бы объединённый – обед-ужин. Всё время между трапезами они сидели и лежали на матрасе, Колин старался ногу не беспокоить. И антибиотики пить не забывал. Единственное, что было плохо, что он забыл взять хоть какие-нибудь часы. А мобильники у них отобрали. (Да и толку в них было бы – теперь-то!..) Но наступило ли время приёма пищи, теперь определяли только их желудки.

Они в-основном почти не говорили, если не считать того, что Колин всё ещё рассказывал сказки. Пока их запас у него в памяти не истощился. Тогда пришлось рассказывать то, что выдумывал сам – про драконов, заколдованных принцесс, и

храбрых принцев... Ну, и фильмы. Фэнтези. Сестра лежала с по-настоящему взрослым выражением на лице, но Колина слушала. Ближе к вечеру, когда стало темнеть, сказала:

– Колин. Перевяжи ногу – сейчас. Тогда не нужно будет мучиться со свечкой.

– Ты права. Со свечкой неудобно. Но ты только не пугайся, если я буду орать!

Она криво усмехнулась. Ничего детского в тоне не было:

– Вчера же не испугалась!

– Точно. Ну, ладно. Попробую. Но всё равно – выйду туда, в полуподвал. А то здесь неудобно: места мало.

– Может, мне помочь тебе? Подержать чего?

– Спасибо. Но – не надо. – он вздохнул. Понимал, что её присутствие действительно будет... Смущать его, – Я должен сам справиться. Я уже умею.

– Хорошо. Давай: я подожду.

На обработку раны ушло гораздо меньше времени, чем вчера: Колин приспособился. Рана уже не выглядела столь страшно, и края стали не ярко-красными, а розовыми. Обычными. Жуткая глубина стала затягиваться, словно выпячиваясь наружу.

Помогли, значит, антибиотики. И его старания «самовылечиться».

Сказку на ночь рассказывать он не стал. Просто прижался грудью к тёплой спине сестры, кусая губы и вздыхая. Сарочка вдруг сказала:

– Я почуяла, что нога у тебя получше. Вот и хорошо!

– Точно. Будем ждать, держать её в покое, и продолжать лечиться!

– Ага. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Утром Колин обнаружил, что снаружи что-то не то – шипит, не то – шуршит.

Когда выбрался, помогая себе обеими руками, из каморки, увидел, как внутрь их полуподвала с насосами через дыру сверху льёт дождь. Это капли и шуршали.

Решив, что дождь может смыть из неба всю радиоактивную пыль, Колин упятился назад. Благо, всё необходимое у них имелось и здесь: он вечером набрал воды в чашку!

Но вот с туалетом... Придётся вылезать из каморки так и так: но под навесом из сохранившегося по периметру помоста есть место, куда дождь не попадает.

Сарочка проснулась, когда он уже сделал свои дела.

– Доброе утро, Сарочка!

– Доброе утро, Колин. Что там шипит?

Колин объяснил сестре про дождь. И про то, как и где им теперь приходится справлять туалет. Сарочка так и поступила. А туалетной бумагой уже воспользовалась сама. Колин только проконтролировал. Порядок!

На завтрак они снова съели говядины. Колин прикинул: осталось пять банок свинины и три – говядины. На четыре

дня максимум. Ну, ничего. Он может и попоститься. Пару дней. Главное – чтоб зажила нога!

Время до обеда они провели, просто полёживая на матрасе. Колин рассказал ещё пару сказок. Сарочка вежливо слушала. Но потом сказала:

– В твоих сказках всегда всё кончается хорошо. А почему в жизни – не так? Получается сказки – обманывают? И те, кто их слушает и им верит – остаются в дураках, когда сталкиваются с настоящей жизнью?

Колин невольно почесал в затылке: а быстро она взрослет! Буквально не по дням, а по часам! С другой стороны, какой ещё двухсполовинойлетней малышке выпало пережить и увидеть то, что досталось ей?! Вот именно. Поэтому лгать сейчас нельзя!

– Сказки, Сарочка, это не справочники по домоводству, или учебники по выживанию. Они – сказки! То есть – они предназначены в первую очередь – для развлечения. Ну, и чтобы у человека была мечта. Например, у девочек – стать принцессой, и женой принца! А лучше – короля. А у мальчиков – победить всех злодеев и драконов, и стать принцем. Ну, или Председателем Правления фирмы. Потому что если не будет мечты, цели в жизни, то есть – того, к чему человек должен стремиться, то – хоть ложись и помирай!

– Хм-м... Наверное, ты прав.

Только так было, когда там, – она сделала рукой неопределённый жест, словно указывая и на поверхность, и на мир

в целом, – жили люди. Много людей!

А сейчас, наверное, во всём мире останемся только мы. Ведь больше никто не выпил Протектора. И рано или поздно их всех съедят!

Колина передёрнуло: как легко и просто она об этом говорит! Приняла, как это принято говорить у взрослых, «реалии нашего времени»? Похоже.

Но пока до конца даже он сам их не принял!

– Думаю, кто-нибудь из начальства нашего отца тоже мог... Выпить Протектор. Но...

– Но их накрыло взрывом!

– Да. Если только они не догадались сбежать раньше нас!

– Возможно, ты и прав... Но тогда нам нельзя попадаться им на глаза, пока не вырастем. Ведь мы собираемся их всех – убить!

– Ты права. Нам придётся так и так прятаться от таких спасшихся. Потому что то, что они спаслись, скажет абсолютно точно, что они – выпили протектор, и знают, что тут происходило. И произошло... И отдали приказ. Отравить всех там, в Убежище.

– Да. А сейчас давай немного поспим. Мне вечером идти за канистрой. И плёнкой.

Дождь прекратился ещё после завтрака. Но солнце так и не проглянуло сквозь свинцовую пелену на небе. Зато благодаря довольно свежему ветерку выпавшая с неба прибитая

дождём пыль подсохла.

Колин вывел одетую в тренировочный костюм, кроссовки, и курточку сестру наружу через запасной выход: эту заднюю дверь насосной снесло взрывом, но она хоть не была засыпана землёй, как пандус. Для себя Колин нашёл кусок металлической штанги вместо палки-костыля: с её помощью он кое-как мог не давать нагрузки на ногу.

Никакого леса вокруг уже действительно не было: все деревья выкорчевало, и унесло за добрую милю от насосной. Разрытая и пучащаяся ямами и грудями насыпей земля просохла, и грязи практически не было. Колин напутствовал сестру:

– Наверняка в мокрых местах глина будет липкой. И радиоактивной. Старайся идти по сухому. Чтоб грязь на ноги и обувь не налипала. Времени до заката не больше четырёх часов. Живых, думаю, здесь не осталось. А в посёлке...

Увидишь сама.

Но не пугайся, чего бы не увидела!

Думаю, мёртвые люди тебе всё равно попадутся. Не бойся их.

– Я знаю. Как сказали в каком-то фильме ковбои: «мёртвые не кусаются!»

Колин кивнул:

– Вот именно!

Про себя же подумал, что цинизм – не самое хорошее качество для девочки.

Но если поможет выжить – даёшь цинизм! Ну, и «чёрный юмор»...

11. Мошки «за работой»

Ждать было поистине невыносимо.

Пока он смотрел в спину удалявшейся крохотной фигурке, ещё даже не слишком уверенно ступавшей по взрытой бугристой поверхности, было ещё ничего... Но когда она скрылась из глаз, пришлось всё равно – и кусать губы и вздыхать. И смотреть в небо.

Ну он и свинья! Послал маленькую девочку – на такое сложное и страшное задание! И даже – без оружия! Впрочем, оружие вряд ли тут поможет...

С другой стороны – если она сейчас не принесёт того, что им нужно, они будут голодать. И страдать от жажды. Конечно, туча и дождь сделали воздух попрохладней, да и пыль из него вымыло, но ведь они – в Неваде! А тут ранним летом даже в тени может доходить до плюс сорок! А ближе к августу – и плюс пятьдесят!

Хотя...

Если Сарочка окажется права, и по их стране нанесут ядерный удар, справедливо посчитав первопричиной появления мошек козни Пентагона – наступит так называемая «ядерная зима». Колин смутно помнил, что всё небо тогда на долгие годы затянут плотные тучи. И по самым пессимистичным прогнозам климатологов температура может опуститься градусов на пятьдесят. А то и – ниже. То есть – летом

здесь будет, как зимой. А уж зимой!..

Лучше об этом не думать.

Лучше надеяться, что ракеты не выпустят. Ну, или они не долетят. Ну, или их сожрут мошки. Там, на месте. Или по дороге – ещё в воздухе. Впрочем, сейчас такие ракеты – вряд ли мошки успеют.

А пока...

Он спустился в полуподвал, к насосам. Разруха, царящая там, наводила тоску. Прибраться бы, хотя бы вчерне. Разгрести завалы, убрать обломки... А то, если Сарочка добудет всё, что он ей объяснил, им жить здесь минимум ещё неделю. А жить отец приучал – в удобстве. А не в «бардаке». Колин убирался в своей комнате там, в доме, в посёлке, каждую неделю. Да и в остальном доме тоже приходилось – ма не любила это дело, и занималась чисто номинально... Зато уж распоряжаться!..

Вид их валяющегося как попало барахла её бесил – Колин даже сестру начал приучать. Чтоб на неё не «спускали собак». Но здесь и сейчас с этим «обустройством» придётся подождать. До лучших времён. Да и вряд ли им предстоит тут за базироваться надолго, или – навсегда! В случае нормального заживания ноги они так и так пойдут к побережью – к людям. Ну, или оставшимся после них городам: им нужны продукты.

Колин уже думал над этим вопросом. Даже если мошки съедают весь металл, то всё равно: это не так страшно! Мож-

но действовать палками. Копьями. Ну, или луком со стрелами. И сделать костяные наконечники – может, всех кто живёт на поверхности и сожрут, но остаются ещё рыбы! Можно порыбачить. Острогой. А ещё есть – устрицы.

И, конечно, фрукты-овощи...

Да и после людей много чего полезного найдётся! Хотя бы на первое время!

Так, останутся все пластиковые ёмкости. Картонные коробки – с хлопьями, и крупами. Полиэтиленовые пакеты. Мешки – с мукой, с зерном и теми же крупами... И консервы в стеклянных банках. И много чего ещё – не содержащего в таре металлов. И найти и использовать такую еду не должно быть особенно трудно! Только, разве что, кроме как в тех городах, которые разбомбят – тьфу-тьфу!

Но лучше бы, конечно, не разбомбили...

Поняв, что мысленно прокручивает одно и то же уже в третий раз, он спустился. Так. Если стоять на одной ноге, можно откинуть вот эту железяку... И вот этот камень. Проход теперь удобней. И вот этому куску бетона тут не место.

За «первичной» расчисткой дороги к их берлоге от выходного проёма вынесенной взрывом двери ушло с полчаса. Затем он вылез снова на поверхность. Его чувство времени, конечно, не так хорошо ещё развито, как у отца, но что прошло уже поболее получаса, он ощущал. Вроде, самое время начинать встречать.

Действительно, не прошло и ещё получаса, как в потуск-

невшем свете неба, по которому скрытое серой пеленой солнце явно клонилось к закату, возникла крохотная движущаяся точка: Колин напряг зрение, приставив ладонь козырьком ко лбу. Да, это его сестра. И она что-то тащит в руках! В обеих руках.

При ближайшем рассмотрении через десяток минут выяснилось, что малышка нашла-таки канистру. И в другой руке тоже что-то несёт. Пакет из пластиковой плёнки?

Точно. Пакет оказался большой, и Сарочке приходилось не столько нести его, сколько волочить за собой.

Колин не решился пойти навстречу: от того, что он долго стоял на ногах, кровь прилила к ним, и теперь рану дёргало. Болезненно и неприятно. Но вот сестра и в пределах окрика:

– Сарочка! Ты – как?

Она что-то прокричала в ответ – ветер отнёс слова.

Ну ничего. Он подождёт.

Когда она поднялась к нему на пригорок у фундамента станции, Колин не мог сдержать слёз:

– Слава Богу! Ты цела! На тебя... Никто не нападал?

– Нет. – лицо малышки выглядело бледным и осунувшимся. Но она не плакала, – Там не осталось никого, кто мог бы *нападать*.

– Все... Мертвы?

– Да. – она не стала вдаваться в подробности, но Колин понял, что повидала его сестрёнка – достаточно. Чтоб окон-

чательно покинуть то счастливое и беззаботное состояние, что зовётся детством.

Канистра оказалась ёмкостью в шесть литров – два галлона.

В пакете Колин нашёл кусок – кусище! – толстой пластиковой плёнки, размером метр на метр. Похоже, Сарочка отрезала этот кусок от какого-то рулона: края были неровными. Ну и ладно. Ещё в пакете оказалась бутылка с питьевой водой. Литровая. И кукла. Пластиковая. Упаковка из четырёх зубных щёток – «Четыре по цене трёх!» И три тюбика зубной пасты. Рулон туалетной бумаги. (Молодец! Зрит в корень!) Носовые платки – с десяток. Лично Колину сестра принесла фонарик и нож. Складной, карманный.

Колин, разложивший на их матрасе всё добытое малышкой, похвалил:

– Молодец. Всё нужное. Но я не спросил: как там, в посёлке? Всё... разрушено?

– Да. Всё разрушено. Но у нашего супермаркета снесло стены и крышу, и повалило все полки. Так что найти всё это было нетрудно. Я отрезала плёнку вон тем ножом.

– А... люди?

– Они точно – погибли от взрыва. Многие просто сгорели. От вспышки. От таких остались только головешки. (Колина снова передёрнуло.) Других – швырнуло обо что-то взрывной волной. Все тела переломало. А остальные, кажется, были контужены и убиты чудовищным грохотом! Во-всяком

случае, они лежали в лужах крови, которая натекла из их ушей и ртов.

Колин закусил губу: он сильно пожалел, что спросил об этом. Но похоже, его сестра смирилась с мыслью о смерти людей. И действительно не боится трупов. Он вздохнул:

– Отдыхай, Сарочка. Вот только кроссовкиними, прежде чем залезть на матрац. Я их помою от грязи. Она наверняка радиоактивная. Ну а ты... Вытри руки платком, и я его тоже выкину.

– Да. А когда мы будем ужинать?

– Как только я наберу воды в канистру. И помою твою обувь. Полежи пока, малышка.

– Хорошо, Колин. Только...

– Да?

– Не называй меня больше малышкой. Или – Сарочкой.

Колин прочувствовал важность момента. Помолчал. Кивнул:

– Да, Сара. Да, сестра.

Колин придумал набрать в канистру немного воды, и вынести кроссовки Сары наружу – чтоб смыть с них пыль и налипшую на подошву грязь вне их логова. Пришлось для этого воспользоваться одной из принесённых сестрой зубных щёток. Это оказалось хлопотно и долго. Зато Колин умудрился внутрь обуви воды не налить. (Вот! Нужно при случае запастись запасной обувью – и для неё и для себя! Да и

одеждой!)

Щётку пришлось оставить снаружи – Колин положил её на крупный обломок крыши: мало ли! А вот платок он выкинул без малейшего сожаления: есть ещё девять!

Когда он наконец набрал в канистру воды, в их логове стало почти темно. Но теперь у них был фонарик. Хотя Колин всё равно предпочитал свечку: их можно будет, наверное, найти в разрушенном супермаркете, как и спички, а вот батарейки фонарика, даже если ими не пользоваться, разрядятся через несколько месяцев...

На ужин он открыл им ещё банку свинины.

Сара ела без капризов. Но как-то механически: пережёвывала пищу и глотала, словно машина. Которой нужна заправка. Колин пока не видел, как можно сестру из этого отрёпленно-пессимистического состояния вывести. Но, может, пока и не нужно её выводить ниоткуда: нагрузка на психику и без его «заигрываний» и попыток разговорить её слишком велика. Сегодня, как он подумал, лучше обойтись без сказок. И лишних разговоров. Да и вообще: пора спать! Ему это нужно для лучшего заживления раны, а сестре – чтоб отдохнуть. И утром оставить мерзкие воспоминания – в прошлом!

Перевязку ноги он решил не делать, но про антибиотики не забыл.

Проснулись они в крошечной тьме от шороха.

Кто-то – не то – рылся в куче пустых банок там, в дальнем

углу полуподвала, не то – подкрадывался к ним.

Колин приподнялся с ложа, и осветил в угол.

Крохотные кругленькие красные блёстки, расположенные почти у земли, сразу всё ему объяснили: крысы! Добрались, значит, наконец, и сюда! Странно. Ведь по-идее, поиски пищи там – в разрушенном супермаркете, теперь были куда как легче! Да и еды там – море! Особенно теперь, когда крыс никто не гоняет. И кошек нет.

Колин не придумал ничего лучше, как швырнуть со всей возможной силы каменный осколок – тот ещё кирпич! – прямо в выпялившиеся на свет глаза. Сразу по полу зашуршали лапки и загрохотали сдвигаемые банки: крыса явно была не одна!

Сара, к счастью, даже не проснулась – видать, находилась и насмотрелась...

Колин, повздыхав, снова улёгся. Не прошло и десяти минут, как банки снова загремели. Но он решил не тратить силы зря: крысы такие твари, что его камней всё равно не сильно испугаются. Умные же!

Так что он снова обхватил Сару за спину, и постарался заснуть.

Утро сказало о себе тусклым призрачным светом.

Колин внутренним взором осмотрел себя: нога практически не болела. И повязка на ней стала как бы... Свободней: спала, значит, опухоль. Хорошо.

Значит, через три-четыре дня можно будет отправляться в путь. Если, конечно, не будет новых взрывов!

Он разбудил Сару:

– Подъём, сестра! Пора чистить зубы и завтракать! А мне – и пить таблетки...

Когда стал доставать пакет с консервами из рюкзака, обнаружил неприятный сюрприз: рюкзак погрызли, проделав ту ещё дыру! Пытались, судя по сошкребённым этикеткам, добраться и до содержимого банок. Но – неудачно. Хе-хе.

На чистку зубов и умывание много времени не ушло: они занимались туалетом тут же, в полуподвале. Просто отошли подальше от своей каморки.

Открытую банку говядины Колин выбросил в то же самое место. Пока они ели мясо, он напряжённо прислушивался: ага, есть! Пришли. И банку по полу катают.

Поев, он подумал, что самое время. Оставшиеся банки с едой он сложил в пакет. Пакет, правда, завязывать не стал, а просто разложил по их матрацу: в углубление, так, чтоб содержимое, если металлическую тару съедят, оставалось неразвалившимся. Воды в канистру из насоса долил до верха. Пластиковую литровую бутылку из супермаркета они пока не открывали – Колин сказал, что это их НЗ. То есть – неприкосновенный запас.

Когда сестра, которой сегодня явно было получше, принялась играть с куклой, тоже, кстати, рассказывая той какую-то сказку про «принцев и принцесс», Колин уловил тревожные

признаки.

Со стороны кучи банок донёлся истошный визг и возня!

– Сара! Сиди, пожалуйста, здесь. Похоже, наши любимые мошки добрались до крысок!

– С чего ты это взял? – она не скрывала скепсиса в голосе, ещё и дёрнув плечиком.

– А с того, что крыски дико верещат! Похоже, их поедают – так же, как они поедали остатки из наших банок! Я схожу посмотрю, а тебе, наверное, лучше этого не видеть!

Сестра особо не настаивала, вместо того, чтоб пойти с ним, сев, и накрыв ноги снова его курткой. А Колину действительно пришлось двинуться на разведку. Он должен *знать!* И должен *видеть!*

Лучше бы, конечно, не видел.

Только усилиями воли ему удалось запретить своему желудку извергнуть обратно съеденный завтрак!

Там, над пустыми банками, роились, чёрным облаком, несколько – не то сотен, не то – тысяч, мошек! И роились они неспроста: большая часть уже расположилась на поедаемых! Превратившихся сейчас в почти неразличимые за чёрной копошащейся завесой агонизирующие тушки! От того, что мошки стали, вроде, крупнее, размером с добрую пчелу, и видны были лучше, становилось только страшнее! Эволюция, значит! Тем, кто покрупнее – и достанется больше!

Крыс оказалось пять.

Три из них уже лежали почти неподвижно, прямо на глазах превращаясь в куски мяса, а затем – и в скелет, обгладываемый огромными, уже действительно с пчелу, или, скорее, хищную осу, мошками как-то уж очень быстро!

Две крысы ещё пытались сбежать, или как-то сопротивляться, отмахиваясь лапками, лёжа на спине. Однако Колин не без мурашек, бегущих по спине, обнаружил странную вещь: мошки пожирали из тушек, оказывается, не всё подряд!

Вначале они нападали всем скопом как раз – на лапки!!! Словно прикипая к тем! Искры от разрядов электросварки, или плазменных струй так и летели!

Похоже, тварюшки уже встречались с такого типа жертвами. И выработали подходящую тактику. Ну правильно: если обездвигить любое существо с конечностями – не нужно опасаться, что оно убежит. От поедания! Или сможет как-то защититься!

На глазах Колина две последние из живых крыс превратились вначале в подёргивающиеся безлапые тушки, а затем, когда с них счистили остатки шкуры и мышцы, отвечающие за движения, – и неподвижные куски плоти!.. Поедаемой. Красно-белой: остатки сухожилий и мяса! Визг и писк крыс прекратились: сожрали им, стало быть, горло и связки!

Колин прикрыл рот снова ладонью – не заорать бы! И не вырвать... Еду, даже съеденную, нужно беречь!

Хорошо, что Сара ничего этого не видела!

Впрочем, она и вчера видела достаточно. Только, вероятно, там были только трупы, а здесь...

Крыс всё-таки сожрали *заживо*!

И только когда от грызунов остались лишь скелеты и внутренности, мошки разлетелись по всему полуподвалу.

Колин понял: раз плоти больше нет – примутся за насосы! И остатки металпрокатной крыши. И балки перекрытия. И вообще – всё, чего найдут! Рюкзак!!!

Он быстро достал свой подаренный фонарик, и стиснул его между ляжками: в надежде, что его не заметят за защищённой протектором плоти.

Насосы покрылись буквально шевелящейся кожей – слой расплотившихся и поналетевших мошек оказался достаточно, чтоб покрыть всю их поверхность!

Колина вдруг «осенило». Пришлось фонарик быстро вынуть, обхватив ладонью:

– Сара! Быстро вставай! Одевай обувь! Бери рюкзак! Я возьму сумку и всё остальное! Выбираемся на поверхность!

Сара, надо отдать ей должное, спорить или глупых вопросов задавать не стала. Быстро обулась, и с рюкзаком в охапку выскочила в дверь.

Колин с остальным их барахлишком, включая пакет с банками, поторопился следом за ней. На его «опирательную» палку уже налип толстый слой мошек, и он побоялся брать её. На ногу наступать было больно, но он прикусил губы зубами и терпел.

Но наверху ему пришлось всё равно остановиться, и снова открыть пакет: несколько мошек попытались, и весьма успешно, «прогрызть» его с помощью миниатюрной электросварки!

Колин как можно скорее предоставил им доступ к содержимому, постаравшись, чтоб кусок плёнки неповреждённой серединой лежал в углублении в почве. Пусть корпуса съедят наздоровье, а вот дырочек в дне добытого с таким трудом полотнища допускать нельзя! Фонарик он из ладони не выпускал, и это помогало: мошки не совались!

А вот всё остальное из рюкзака: ложки, металлические заклёпки, пуговицы, и его новый нож – сожрали...

Сарочка, глядящая во все расширившиеся глаза на то, как прямо на глазах исчезают жестяные оболочки банок, вываливая на плёнку своё содержимое, впечатлилась:

– А быстро они работают, гады. А крупные какие стали! Кстати. Что там – с крысами?

– Их съели очень быстро. Вначале отгрызли им лапки – чтоб не могли убежать. А уж затем!..

– Сволочи. Мерзкие твари! – Сару передёрнуло от отвращения и злобы.

– Точно. Но я прошу тебя не ругаться. Девочки не должны употреблять таких слов!

– Ага. Точно. Но я уже не девочка.

– Да-а?! А кто же?

– Я – единственная уцелевшая от смерти женщина на всей

нашей планете. То есть – так и так получается, что я – и принцесса, и королева, и Первая Леди. Ну, и так далее.

– Пожалуй, солнышко моё, ты несколько торопишь события. – Колин, пусть криво, но ухмыльнулся, – Ведь есть ещё девушки и женщины в других странах!

– Это – ненадолго. – Сара пальцем указала на поднимающуюся на горизонте могучую шапку чудовищного взрыва, – Гляди! Началось! Долетели, значит, мошки и туда!

Колин подумал было ринуться обратно в их ненадёжное и открытое, но всё же – убежище. Но потом, глянув вниз, передумал: его опасения оправдались. И теперь на полу полуподвала плескалась огромная лужа с радужными разводами масла, во весь подвал: в сожранных насосах и подводящих трубах воды сохранялось больше чем достаточно! Как минимум – по колено! Пришлось бы им плавать...

С другой стороны – взрыв явно произведён над Лас Вегасом.

А до него – семьдесят миль.

Достаточно, чтоб быть безопасным!

Разве что, ударной волной пригонит ветер...

– Сара! Давай-ка присядем за вот этой кучей. Сейчас налетит ударная волна! – они так и сделали, усевшись на маленьком одеяле, которое Колин вынул из сумки.

– Да. Жаль только зря ты вчера...

– Что?

– Расчистил проход в нашу каморку. Только время зря по-

тратил. Каморка теперь затоплена. Как и матрац.

– Согласен. Но уж больно я нервничал. Пока тебя ждал. И мне надо было хоть чем-то себя занять!

– Спасибо, конечно, что переживал за меня. Но я теперь – взрослая.

– Ой, иди-ка сюда, взрослая моя! – Колин обхватил сестру, лёжа на боку и повернувшись к взрыву спиной, – И – твоя правда. Нам придётся повзрослеть быстро.

Потому что не останется, похоже, и правда – никого кроме нас на этой чёртовой планете!

Кроме, разве что, космонавтов.

Да и то: если мошки до орбиты не доберутся!

12. Цунами

Удара ветра долго ждать не пришлось: Колин поразился, что вал из упругого воздуха докатился до их примитивного укрытия менее чем за минуту.

Но дуло, если честно, не так уж и сильно – огромное расстояние сильно ослабило действие ударной волны. Ну вот и хорошо. Потому что им какое-то время точно – придётся торчать здесь, на поверхности. А укрытий вокруг – фактически не осталось! Впрочем...

Переждав, пока порывы ветра закончатся, он встал. Двинулся снова к их убежищу в подвале. Проклятье! Сволочи! Полный облом...

Понятное дело, что мостки, по периметру шедшие над приямком, и находившиеся раньше в метре от поверхности воды, попросту исчезли – их сожрали! А он было... Ладно: есть ещё запасной вариант. Они могут так и лежать здесь, на старом одеяле, а сверху укрыться куртками. Вряд ли чёртова «ядерная зима» наступит – вот прямо сегодня!

Вот только кое-что сделать всё же придётся.

Колин достал из своего многострадального продырявленного рюкзака водоотталкивающую клеёнку-пелёнку – как он был рад, что всё же захватил её с собой! На всякий, как говорится, пожарный случай. И пусть под продукты её использовать нельзя – она много раз Сарочкой «уделана»! – но под-

стелить под одеяло, чтоб в него не впитывалась влага из почвы – запросто!

Этим они с сестрой и занялись. Нашли примерно в сотне метров от входа в подвал удобный «медвежий угол» – ровное углубление, оставшееся от корней вырванного ветром дерева. Расчистили от мусора и комьев земли. Утоптали – по мере возможности. Подстелили. Расстелили. Колин перетащил их плёнку с кучками оставшегося «очищенным» от жести содержимым – содержимое мошки не тронули. Как и предусмотрительно запасённые пластиковые ложки. Перетащил и остальное барахлишко. Сестра помогала.

– Боюсь, сегодня нам придётся ночевать под открытым небом. – Колин словно извинялся. Сестра пожала плечами:

– Не страшно. Думаю, нам вряд ли попадётся надёжная крыша над головой в ближайшие дней десять! Ведь тебе ещё дня три ходить много нельзя. А и потом, когда двинемся на запад, идти ты быстро не сможешь!

– На запад нам, боюсь, путь заказан, Сара. Хотя бы на ближайшую, минимум, неделю. Потому что разбомбили наверняка там все города на побережья. И теперь я думаю над другим планом. Может, есть смысл двинуться – южнее. Потому что там могли сохраниться всякие мелкие поселения. Да и *теплее* на юге.

– А зачем нам – теплее?

– Ну как же! «Ядерная зима»!

Сара пожала плечами с таким видом, словно не слыш-

ком-то она верит в эту сказочку-страшилку для взрослых. Но возражать не стала.

Колин, убедившись, что ей теперь и удобно и сухо, поднялся на ближайший пригорок. Осмотрелся. Пристальней всего смотрел на запад. А там... Гос-споди, что – *это*?!

Там, вдали, по поверхности равнины, словно тонкая чёрная полоска, по всей ширине горизонта, что-то приближалось! Фронт чего-то – явно враждебного, и опасного! Звука слышно не было, но Колин прикинул, что движущаяся с запада полоска приближается как-то... Слишком быстро! Буквально несколько миль за минуту! И по виду уж больно похожа она... На волну цунами – как её показывали в фильмах-катастрофах!

И, пожалуй, убежать уже поздно! Зато можно, наверное...

– Сара! Вставай! Нам снова придётся бежать!

Сара поняла, что он не шутит – да и кто в их ситуации стал бы шутить такими вещами! Но собирая разложенные по одеялу вещи, всё же уточнила:

– Ну, что там у нас – на этот раз?!

– На этот раз «у нас» – цунами. Правда, думаю, его сила здорово ослаблена! Ведь оно прошло от берега океана – сотни миль! И сейчас вряд ли столь убийственно, как у побережья. Но утонуть, или даже – намокнуть всё равно не хотелось бы. Поэтому.

Давай-ка – двигаем снова к нашей «любимой» горе! От

неё вон там, я вижу, остался приличный холм! И плевать на радиацию! Вода сейчас – опасней!

До холма, образованного выброшенной взрывом, и наверняка радиоактивной почвой, и осколками скалы, добрались за десять минут – быстрее Колин двигаться не мог, а Сара не хотела оставлять его одного, несмотря на все его приказы и уговоры:

– Ну уж – нет! Утонуть – так вместе! Одна я тут оставаться не хочу!

Колин, понимая, что спорить и бесполезно, (*Его* же сестра! Он её «характерец» знает!) и глупо, и силы отнимает, нажимал как мог. Даже сумку Саре отдал – та повесила её через плечо. И сейчас пыхтела, словно вьючная лошадь. Но нога Колина всё равно отказывалась работать так, как положено: ещё бы! Половина мышц икры разрублена!

Но вот наконец они и на склоне. И продвигаются вверх. А вода, грозным чёрным валом преследующая их – уже всего в полумиле! И останавливаться проклятый вал, несущий в себе, как уже отлично видно, и стволы и ветви деревьев, и куски балок, и какие-то тряпки, и пустые пластиковые бутылки, и прочий мусор, не собирается! Глубину Колин, каждые полминуты оглядывавшийся назад, оценил бы метра в два. Немного, конечно.

Но для них, детей, – более чем достаточно!

Забравшись на самый верх, и поднявшись над уровнем пу-

стыни на десяток метров, они убедились, что кратер на месте бывшей горы – будь здоров. Глубина – охо-хо! А уж диаметр – метеориты отдыхают! Добрая миля!

Но Колин смог вздохнуть спокойней: порядок!

Вода растеклась по низинам, затопив, конечно, и насосную, но вокруг того холма, на который они поднялись, растеклась в стороны. Не сумев подняться по склону.

Они спасены! Вроде. Если только не случится ещё каких сюрпризов. (Тьфу-тьфу!)

Сара, с весьма хмурым видом глядящая на медленно, с таким неспешным достоинством, растекающуюся по равнине мутную чёрную жижу, с поверхности полностью укрытую пластиковыми бутылками, остатками каких-то тряпок, пластиковых пакетов, обломков, веток, и обрывков бумаги, буркнула, качая головой:

– Что за хрень! Откуда здесь – здесь! – цунами? Мы же – в сотнях миль от побережья! Пустыня же!

Колин сказал первое, что пришло в голову:

– Посейдон.

– Что – «Посейдон»?

– Секретный проект. Русских. В случае ядерной войны беспилотная подводная лодка, или – лодки, должны были взорвать у обеих наших бережий – чудовищно мощные термоядерные заряды. И тогда всю нашу страну попросту – смыло бы. Вот: как сейчас. Какое счастье, что у меня – нога. Если бы попёрлись, как идиоты, к побережью – точно пото-

нули бы! Как все те, кто жил у берега. Да и в глубине континента!

А ещё они хотели, вроде, взорвать бомбу в жерле вулкана Йеллоустон. Тогда нас покрыло бы пеплом и обломками – слоем толщиной в чуть ли не сто метров.

– Сволочи.

– Точно. Но если оба побережья смыло с лица земли, идти туда бессмысленно. Видишь: я оказался прав. А ещё повезло, что мошки съели насосы и трубы. А то так нас и потопило бы, как крыс, в нашем подвале...

– Вообще-то – это я оказалась права! Я же первая сказала, что они нас разбомбят!

Колин не нашёл возможным возразить.

Обустроиться на рыхлом холме, где комья земли соседствовали с весьма острыми каменными обломками разных размеров, оказалось, конечно, потрудней, чем на матрасе в служебном помещении. Однако Колин снова пристроил на расчищенном от обломков скалы и утоптанном месте пелёнку и одеяло. Затем подошёл к воде, и выудил из неё пару-тройку подходящих веток покрупнее. Идти до воды было недалеко: всего-то полсотни шагов. Плохо было только то, что вот уходить она вроде как – и не собиралась!

Подумав, Колин понял, почему: там, у побережья, да и здесь, в пустыне, имелись холмы. И перевалив через них, волна просто и не могла отступить: ей было некуда откаты-

ваться! Холмы подпирали сзади. А вот это плохо.

Потому что вода – наверняка радиоактивна. И им так и так придётся ждать, пока она впитается. Ну, или уж – испарится.

А до этого дело, похоже, дойдёт нескоро: солнца они за последние дни не видели вообще – его так и скрывала мутная серо-стальная пелена быстро бегущих по небу туч.

– Зачем тебе эти ветки? – сестра подошла сзади так тихо, что он не слышал.

– Ну как же! – он приосанился с умным видом, – Хочу сделать нам хоть какое-то укрытие от ветра! Потому что он и так пробирает до костей, а если ночью похолодает – мы просто околеем! Даже в куртках.

– Ага. Мысль, как кажется, здравая. Давай помогу. Что делать?

Колин с помощью рук и колена здоровой ноги, сидя, отломил от веток более-менее прямые отростки. Послунывил палец. С серьёзным видом поднял его кверху.

– Дует – оттуда!

– Фи! Я это могла бы сказать и без обслюнявленного пальца!

– Отлично. Значит, с вот этой стороны нашего одеяла и втыкаем!

– И – что? Это поможет нам защититься от ветра? – она не скрывала иронии.

– Ветки – нет. А вот если мы накроем их нашими полотенцами, и другими не нужными пока вещами – запросто!

– Хм-м... Идея кажется неплохой. Что ж. Начнём!

Сара втыкала прутья, черенки, и выловленные более-менее ровные палки через каждые полфута. Она вспотела, но не жаловалась.

Колину всё равно приходилось наваливаться на них затем всем уже своим весом – чтоб ушли в разрыхленную почву поглубже, и сидели покрепче. Но всё равно приходилось некоторые переставлять – когда они там, в глубине, упирались в камни.

На строительство импровизированного палисада ушло полчаса. Колин начал разгребать содержимое сумки и рюкзака, думая и прикидывая, что бы можно действительно использовать, как стенку от ветра, такого, что им в ближайшие дни не понадобится.

Отобрал пару полотенец, пару своих штанов, комбез и фуфайку Сарочки. Ну, и маленькое одеяльце. Попробовал развесить всё это на ветках. Сара фыркнула:

– Не думаю, что это поможет! Маленькая поверхность! По бокам будет задувать!

– Твоя правда. Ну, схожу снова к «морю». Поищу каких кусков или обломков.

– А вот эта мысль мне нравится. Идём сразу – вместе.

Приличных обломков или обрывков уже почти не попалось. Колин с сестрой искали и подгребали к себе понравившиеся обломки и куски с помощью всё тех же веток – их по-

чему-то в воде было очень много. Но Колину казалось, что он понимает, почему: не тонут же! Дерево!

– Знаешь, Колин, – Сара после его предупреждения близко к воде старалась не подходить, чтоб не мочить обувь, поэтому её «улов» выглядел не очень, – Кроме тряпок я ничего приличного или подходящего не вижу. Да и те – наверняка радиоактивные.

– Возможно. Ну тогда хватит нам вот этого щита, – Колин как раз выловил несколько сбитых в подобие этого изделия досок, явно крышки какого-то ящика, – И плёнки.

– Плёнка – точно не подойдёт! – Сара с весьма презрительным видом держала эту самую плёнку за кончик, словно перед ней была полуразложившаяся пададь, – Тьфу!

– Почему это она нам не подойдёт?

– А потому, что будет шуршать на ветру, и не даст нормально заснуть!

– Логично, конечно. Тогда оставим её пока здесь. Может, пригодится для чего другого. А чтоб не унесло – придавим вон тем камнем.

Ладно, забираем барахлишко, и – вперёд!

Когда пристроили в свою полукруглую баррикаду крышку от ящика, несколько пустых пластиковых бутылок, и ещё кое-какую ерунду, защита от ветра оказалась вполне. Но даже лёжа за их импровизированной невысокой стеной Колин ощущал, что спасает она – только когда лежишь прямо под

ней. И плоховато помогает, когда ветер задувает с боков. Ну и ладно.

Они приготовились к очередной ночи, вроде, не так уж и плохо!

А до ночи... Ещё часов пять. Почему бы и не пообедать?

Вот только вначале нужно переодеться в сухое бельё и вещи – а то они в бегах и заботах здорово пропотели.

Когда стал разбираться подробней в содержимом банок, теперь перемешавшимся между собой, выяснилась неприятная вещь. Откупоренные, они явно не будут храниться долго – кое-где уже появился странный запахок! Значит – нужно съесть сейчас столько, сколько влезет, и уповать на Господа Бога. Что поможет сохранить хоть что-то.

Он разъяснил свои раскладки сестре. Сара покивала с умным видом:

– Логично звучит. Но больше, чем влезает в живот, – она похлопала по нему, – Я так и так не впихну!

– Я тоже. Но просто съедим побольше – чуть больше обычного. Потому что неизвестно, как наши желудки отреагируют на слегка испортившееся мясо!

– Э-э, не парься. Я же принесла запасной рулон бумаги. А туалет тут – везде! – она сделала рукой широкий жест. Колин криво ухмыльнулся:

– Это уж – точно. Вся наша планета теперь – не более, чем один огромный, загаженный сортир! Только вот ...рать теперь некому.

– А как же – мы?

– Ну вот только мы и остались. Сожрали даже крыс!

– Не верю. Нельзя сожрать *всех* крыс. Они же – живут в норах! А туда эти гады не залезают: темно же!

– Так-то оно так... – Колин, полёживая рядом с лежащей на спине сестрой на боку, почесал пупок. Чёртов пот. Не скоро им теперь можно будет помыться: негде! И нечем! – Да вот только боюсь я.

– Чего это?

– Того, что мошки-то наши... Эволюционируют! Ты же сама видела: они стали крупнее! Те ещё осы! Хищные, злобные... И челюсти и электроды для сварки, или чем они там расчлениют теплокровных – куда мощней! Их прямо видно – невооружённым глазом! Так получилось наверняка в процессе, как его называл отец, «естественного отбора»! Более крупные особи быстрее размножаются! И они сильнее. Значит, могут отбирать материал у тех, кто из их собратьев – слабее. А если они ещё подрастут – так вообще страшно! Представь монстра размером с танк! Бронированного и неуязвимого!

– Колин, ты говоришь чушь. Ведь тогда они не смогут летать!

– Да, согласен. На данной стадии эволюции, – Колин чувствовал некую гордость от того, что он научил его правильно понимать взаимосвязь между явлениями, и грамотно оперировать научными терминами, – полёты нужны им.

Хотя бы – для скорейшего расселения по всей поверхности Земли!

Ну а потом, когда расселятся, и съедят все запасы металла и металлических руд...

– Да?

– А вот тогда начнётся интересное. Я как-то слышал, что говорил дядя Эрик – отцу. Что мошки могут, в-принципе, если металла больше не окажется, и... Убивать друг друга!

То есть – они будут воевать! И заниматься типа как – людоедством! Тьфу ты – мошкоедством! И победят явно те, что будут крупнее, быстрее, и сильнее!

– Но они же всё равно должны будут замирать на ночь?

– Не обязательно. Особенно, если кто-то из них откроет принцип аккумулятора. Вот про это я, собственно, и хотел тебе сказать, когда зашла речь о том, что крысы и кроты смогут спастись в норах. Ни фи́га не смогут! Если укрупнившиеся мошки обзаведутся аккумуляторными батареями! И тогда они пролезут и залезут вообще – везде!

– А почему ты думаешь, что это вообще возможно?! Ведь мошки, они – не инженеры! И не учёные!

– Не обязательно быть учёным, чтоб придумать аккумулятор. Есть ведь ещё такая штука – изменчивость. Она и двигает эволюцию! Па недаром же сказал, что они специально сделали тварюшек – двуполыми! Дети детей детей будут совсем не похожи на родителей!

И если даже чисто случайно у кого-то возникнет такое

приспособление, как накопитель электричества, типа, пусть даже не аккумулятора, а хотя бы – лейденской банки, то есть – конденсатора, для работы без света и фотоэлементов, он передаст эти свойства – потомкам! И они сожрут ночью всех тех, кто не обзавёлся! И не сможет им противостоять!

– Колин! Кончай меня пугать! А что, если у кого-нибудь из этих тварей «выработается» нечувствительность к компенсатору?!

– Это будет самое плохое из всего, что только возможно. Перед этой опасностью, – его передёрнуло, – ерунда на постном масле даже радиоактивное заражение, голод, и холод! Но па говорил, что это у них – намертво впечатано в матричную плату...

– Погоди-ка... – сестра повернула наконец лицо к нему, – Ты же, вроде, говорил, что скоро наступит ядерная зима. И тогда вокруг станет – вообще темно! Как в «Матрице»! Какие же тогда, на фиг, «солнечные батареи», «конденсаторы», и «аккумуляторы»?!

– Думаю, свет будет меркнуть всё же – постепенно. И тваришки могут запросто успеть приспособиться. Например, сделают себе «внутренние» ядерные реакторы!

Некоторое время Сарочка внимательно смотрела ему в глаза. Потом «врубилась»:

– Хе-хе-хе... Спасибо. Повеселил. Классная шутка. Ну а – серьёзно?

– А если серьёзно, Сара, то – не знаю. Эволюция «мёрт-

вой» биоты – весьма тёмная вещь даже для нашего па. И других учёных. Особенно, если мошек на достаточно длительное время предоставить самим себе. И дать им свободу. Именно этого они, учёные, и боялись больше всего – дать им пространство! И неограниченные ресурсы!

Но всё равно пытались там, в Убежище, выяснить, что и как. Но сама понимаешь – при ограниченном пространстве и ресурсах – мошки ни фи́га и не росли! И не усложнялись. Так что никто ничего не знает.

– Но мы скоро узнаем!

– Да. – он подавил тяжкий вздох, – Боюсь, что, вот именно, скоро узнаем!

13. «Снегопад»

Они лежали на своём одеяле довольно удобно: на относительно ровном участке. Колин – спиной к загородке, почти вплотную, Сарочка за ним. Спать ещё было рано, поэтому они переговаривались. Впрочем, весьма вяло. Колин старался снова думать о заживлении своей вновь перевязанной ноги. И внушать ей, что она должна иметь совесть.

Сара спрашивала его о многом: о том, что рассказывали дядя Эрик и отец, и о том, что будет дальше с мошками. Колин, тогда из-за усталости и рассеянности запомнивший до обидного мало, высказывал разные предположения. Но вот в том, что со временем мошки будут укрупняться, и их «оружие» станет страшнее и совершеннее, он не сомневался:

– Думаю, их именно так и запрограммировали! Саморазвиваться. И становиться всё более «круто» вооружённой, и грозной силой. И это логично. Жаль только, что наши так и не успели сделать так, чтоб они нападали только на русских... И китайцев.

– А почему они должны были нападать только на них?

– Ну как же! Самые агрессивные и злобные нации! Русским нужно было, чтоб у них не было конкурентов, чтоб они спокойно продавали свой газ своим вассалам в Европу. А китайцам нужны новые территории. Они так и планировали: поделить мир! Ну, понятное дело, уничтожив вначале нас,

американцев. И наших союзников. То есть – русские получают в распоряжение всю Европу, и Гренландию, и там распоряжаются, как хотят. А Северную Америку, то есть – США и Канаду захватывают китайцы. И начинают выращивать там свой китайский рис.

– А почему это он – китайский? Мы же его тоже ели!

– Да. Ели. Но основное мировое производство риса – именно там. В Китае. А мы его просто закупали.

– А они не могли нас... э-э... отравить этим рисом?

– Нет. К счастью, они не додумались. Ну, или не захотели. Наши ведь тоже – не лыком шиты. Весь рис проверяли! Как, впрочем, думаю, и всё остальное. Что шло оттуда. – Колин неопределённо кивнул головой, поскольку не представлял, с какой стороны от него сейчас Китай.

– Ну, теперь-то проверять нечего. И некому.

– Точно. Никто нам больше ничего не привезёт. Поэтому нам с тобой придётся обходиться тем, что найдём. А, думаю, найдём мы много чего. На первое время хватит.

– Ну а потом?

– В-смысле: что – потом?

– Что мы будем есть, когда съедим всё, что найдём? И что нам оставят насекомые: они же теперь, без птиц и всяких ядов, расплодятся!

– Ага, молодец. Запомнила экскурсию в оранжерею. Всё правильно: если с насекомыми не бороться, они размножаются бесконтрольно. И очень быстро. И могли бы сожрать и

правда: всё съедобное! И конкурентов у них теперь нет. Поскольку крыс, наверное, больше не будет. Но!

Раз уж нашу территорию бомбили, значит, ядерная зима всё же наступит. И все насекомые – помёрзнут! И передохнут. Ну, или впадут в спячку. А потом их, да и всю Землю, накроет слой снега! Насколько помню, довольно толстый. Чуть ли не в метр! Или два.

– Ага. А мы будем выкапывать оттуда этих сверчков-жучков, и жарить. И есть.

– Ха-ха. Теперь ты меня насмешила. – смеялся, правда, Колин формально. И весёлости в тоне не было, – Но в том, что торчать здесь, в северных широтах, смысла нет – это точно. Нам нужно, как только нога более-менее подживёт, двигаться к югу!

– Так там же, вроде – Мексика! А они там живут очень бедно.

– Не живёт уже нигде никто. А магазины и супермаркеты наверняка есть и в Мексике. Да и дальше – в Панаме, и Гватемале... – Колин плохо представлял себе, если честно, какие там, у экватора, есть страны. Да и какое это сейчас имело значение?! Территории свободны, границы – открыты! – Другое дело, что до туда – довольно далеко.

– А сколько?

– Хм-м... – Колин призадумался. Им бы сейчас – хотя бы глобус! А то он запомнил, только, что периметр Земли по экватору – сорок тысяч километров. Впрочем! – Давай-ка рас-

суждать. Если экватор нашего шарика – сорок тысяч кэмэ, значит, и меридиан поперёк, через полюса – такой же. То есть, получается – от полюса до экватора – четверть общей длины. Десять тысяч кэмэ. Так. А мы сейчас – где-то на середине этого отрезка. То есть – до экватора, где будет теплее всего, нам топать – минимум пять тысяч кэмэ!

– Ну и сколько это у нас займёт?

– Пешком – боюсь, много. Сейчас прикинем. Ты, – он хотел сказать, что ноги у сестры пока коротковаты, но подумал, что это нетактично, – ещё маленькая и сравнительно слабая. И сможешь идти со скоростью, скажем, два... ну – три кэмэ в час. Вот по тебе и надо ориентироваться. И в день мы сможем проходить, если идти даже пять-шесть часов... думаю, где-то миль десять. То есть – пятнадцать-восемнадцать километров. Теперь поделим пять тысяч на пятнадцать... Нет, лучше на десять: пятьсот. А теперь оттуда уберём ещё четверть... Четыреста дней. И, наверное, будет и дольше, потому что придётся перебираться через всякие препятствия, и завалы: дороги-то уже – некому расчистить! А реки? Да и будет ли это возможно вообще: мосты-то... Наверняка взорвали!

Ну, или их снесло: потоками воды и ураганом.

– А когда, как ты думаешь, начнёт сильно холодать?

– Ну... Где-то через неделю. Может, две. А снег пойдёт, думаю, дней через двадцать.

– Ага. – сестра пошкребла подбородок, – А тебя не сму-

щает, что цифры немного... не совпадают?

– Смущает – это ещё мягко сказано! Меня это бесит! А особенно меня бесит моя нога. Надо же было ей так подвести меня в такой момент!

– Да нет. Ты на ногу-то бочку не кати! Она помогла тебе спасти – меня!

А я у тебя сейчас – самая большая ценность на планете! Единственная уцелевшая женщина! Я теперь как Ева: будущая праmaterь всех людей!

– Ага. А я – единственный, получается, – праотец! – Колин криво усмехнулся, – Ну, чтоб у нас с тобой дело дошло до «восстановления» рода человеческого после очередного Апокалипсиса, нужно для начала хотя бы выжить! Ну, а потом – и повзрослеть! А пока – хватит трепаться. Лучше скажи, не «созрела» ли ты для очередного приёма пищи? А то ночью она может... Сама знаешь!

Пока они пытались затолкать в себя ещё немного мяса, причём Сара уже работала ложкой сама, ветер почти прекратился. Колин с досады даже сплюнул: получается, зря они «огород городили»!

Впрочем, сюрпризы от погоды на этом не кончились: пошёл снег! Мелкий. Странно. Ведь ещё вовсе не холодно! Колин оценил бы температуру градусов в пятнадцать.

Однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что снег не холодный, и по цвету отличается. Не белый, а – се-

рый!

Сара почесала в затылке:

– Что за хрень! Это ведь – не снег?

– Сара. Пожалуйста не выражайся! – она кивнула, – Это – действительно не снег. – Колин как раз разглядывал «снежинку», которую поймал на ладонь, и которая и не думала таять, – Это пепел.

– От ядерных бомб?

– Вот уж вряд ли. От бомб была бы – пыль. Из земли. А это...

О! Понял! Это – пепел от взорвавшегося Йеллоустона!

– А он нам не опасен?

– Думаю, не особенно. Вряд ли он радиоактивный. «Естественный» же! И разве что будет забиваться в нос и рот. И еду нашу засорит. Ну-ка, давай скорее её какой-нибудь тряпкой накроем!

Когда накрыли оставшееся мясо старой майкой Колина, «снег» пошёл действительно сильно. Теперь он выпадал, как настоящий, огромными хлопьями, и видимость резко упала: ничего не видно было уже буквально в пятидесяти шагах! Колина это сильно напрягало, тем более, что иногда появлялись порывы ветра, и бросали хлопья им в лицо. Пришлось и на лица накинуть повязки из так удачно «приобретённых» Сарой носовых платков: чтоб хотя бы не дышать этой гадостью! Сара проворчала:

– И долго эта фигня будет продолжаться?!

Голос сестры звучал глухо, и его поглощала не только материя. Колин понял, что вокруг стало тихо, как в склепе (тьфу-тьфу!): ни единого звука!

– Думаю, долго. Вулкан был уж больно здоровый. Пепла в воздухе должны быть какие-то жуткие «кубокилометры»! Как минимум – сутки! А, может, и больше...

– Так нас же здесь засыплет! Почище, чем любим снегом!

– Похоже, что так. Но ничего принципиально страшного я в этом не вижу. Еда у нас – с собой. Вода – тоже. Вот плохо только, что костра мы развести не можем. Чтоб хотя бы согреться. Ну ладно. Ползи давай сюда, – Колин распахнул объятия, – И попытаемся согреться. И уснуть.

– Я с этой повязкой на морде не усну! Дышать трудно!

– Но можно. Привыкай. Потому что если пепел попадёт в горло и лёгкие – он там сотрёт всё, как наждаком! Всё воспалится. И будешь болеть. И всё время кашлять. Так что – не снимай!

– Ну... Убедил. Ладно, – она пожала плечами, – попробую.

Ворочались они довольно долго. Разговаривали. Всё о том же: когда можно будет выйти, и в какую сторону отправиться. Колин высказал идею, что если найти подходящую палку, чтоб он смог засунуть её, как костыль, себе под мышку – с сучком, то он вполне смог бы выйти хоть завтра. Сара высказалась в том смысле, что сейчас она ничего искать не бу-

дет. Устала. Колин и сам чувствовал непонятную усталость, хотя они сегодня ничего особо тяжёлого не делали. Только убежали. И плетень городили.

Но вскоре ему пришла в голову ещё одна идея.

Пришлось встать, и пойти-таки на поиски.

Палки и ветки нашли с трудом: пришлось разделиться, и идти по берегу новоявленного озера в разные стороны. Колин не боялся, что сестра, скрывшаяся из глаз буквально в ста шагах, заблудится: ориентиры уж слишком хорошие: берег и холм...

Найденные подходящие ветви и палки разложили так, чтоб они свешивались с их заборчика – вниз, за кромку одеяла. Колин постелил поверх получившейся крыши – несколько полотенец и простыню. Вот теперь он был рад, что не поддался мысли выкинуть её, потому что нескоро им теперь предстоит спать в кроватях, а всё же захватил.

Концы простыни он закрепил скотчем из рюкзака: спасибо предусмотрительности отца. Теперь их навес не должно было унести. Да, собственно, уносить было нечему: ветер, с тех пор, как «снег» пошёл густо, практически прекратился.

К ним в «берлогу» теперь приходилось заползать, зато там хотя бы не падало сверху отвратительной пыли, уже успешней покрыть слоем всё их одеяло. Пришлось вытряхивать его.

Вот теперь они действительно устали. Но платки с лица всё равно решили не снимать: «запасных» лёгких и гортани

у них нет!

Проснулись от того, что часть наспех сделанного навеса обрушилась. В крошечной темноте, царящей вокруг, этого видно не было, но он понял ситуацию, когда ощупал пространство вокруг них. К счастью, никого из них не затронуло, но нападавший пепел клубился настоящей тучей. Колин почесал в затылке: странно! Получается, пепел очень тяжёл, хотя ему на уроках говорили как раз противоположное...

Но так и так пришлось вставать, и в свете спасённого фонарика ремонтировать навес. Сара помогала, тихо ругаясь. И Колин уже не пытался образумить её и призвать выражаться «культурно». Накрылась медным тазом вся их хвалёная «культура»! И никому сейчас не нужна. А им нужно – выжить. И если солёные словечки помогают сестре выплеснуть накопившуюся злость, отчаяние и прочие эмоции – пускай её!

После окончания «восстановительных работ» он предложил Саре поесть. Та отказалась. Впрочем, Колин и сам не чувствовал голода.

Остаток так называемой ночи прошёл спокойно.

Утро таким можно было назвать только с большой натяжкой.

Вокруг царил мутный сумрак – такой бывает очень ранним утром, когда над землёй клубится густой туман.

Туман действительно клубился, но состоял он по-прежнему из частиц пепла. Пепел, не обращая внимания на его прогноз, продолжал сыпаться. Колин разбудил сестру, и предложил ей поменять носовой платок на рту и носу: на старом уже виднелись безобразные разводы и грязные потёки: испарения из выдыхаемого воздуха смешались с пеплом.

Завтрак у них проходил в молчании: Колин предложил много не болтать, чтоб не наглотаться пепла. Кушали они, конечно, под своим навесом, так что приходилось делать это лёжа. Сара, выдохнув с натугой, сказала:

– Знаешь, Колин, если так пойдёт и дальше, не вижу никакого смысла перебираться отсюда – куда-нибудь!

– Почему это?

– В таком тумане, да ещё с землёй, покрытой футовым слоем пепла, мы шишь когда найдём все эти «оставшиеся целыми» поселения!

– Да нет. Очень даже найдём. Ведь не все же дома и постройки снесло ударной волной! Какие-то, подальше от взрывов, должны были устоять! Другое дело, что ни фи́га я не пойму показания нашего компаса. Вчера он показывал север – вон там, – Колин указал рукой, – А сегодня – вот тут! – он действительно недоумевал, почему показания отклонились от ориентиров, которые он запомнил относительно их берлоги, более чем на два румба!

– Не может такого быть.

– Вот: взгляни сама! – он передал ей прибор, который как

ни странно, уцелел от набега мошек. Может, потому, что был пластмассовым, как и его стрелка. С кусочком феррита вместо стали.

– А толку-то? Я же не знаю, куда он показывал – вчера?

– А я знаю. Я стоял – вернее, лежал! – вот здесь. И запомнил. Что стрелка указывает вот на этот наш колышек. А сегодня я лежу так же, а указывает – на этот! – он показал.

– Ну и что теперь?

– А то. Что нам теперь идти можно, получается, почти наугад! Ну, или по солнцу.

– Ага, а где ты его сейчас возьмёшь, солнце?

– Вот именно, что нигде. Впрочем, пока не схлынет чёртова вода, нам идти всё равно некуда!

– Ну и ладно. Будем идти всё равно – по компасу. Но просто сделаем поправку.

– А что! Здравая мысль! Но мне придётся каждый день проверять, не сдвинулся ли север снова!

Этим он и занимался ещё два дня, что они провели под своим навесом, с которого периодически счищали насыпавшийся пепел, и доедая мясо. Мясо уже явственно отдавало душком, и ещё противно скрипело на зубах, потому что вездесущий пепел теперь проникал буквально в каждую щель – и туда, куда даже казалось бы и проникнуть-то нельзя!

Вода, к счастью, отступала, и довольно быстро: по дну обнажившегося берега уже почти можно было ходить. Колин думал, что ещё за день всё подсохнет. Единственной пробле-

мой был пепел: в мокрых местах он превращался в мерзкую пастообразную трясину, в которой вязли ноги, и застревала обувь.

Колин наконец закончил пить антибиотики, и теперь чувствовал, что нога практически зажила. Но ходить всё равно было больно: разрезанные мышцы вряд ли когда срастутся так, как было... Ну и ладно. Лишь бы – работали.

На третий день, с утра, вода спала практически вся. И Колин понял, что ждать больше нечего: лучше не будет.

Они собрали лагерь, сделав из одной из ветвей ему нечто вроде костыля.

14. Заправочная станция

Костыль оказался неудобным: слишком длинным.

Сара не упустила случая поприкалываться:

– Что, сделал «на вырост»? Ну давай теперь – расти быстрее!

Колин не стал отвечать. Вместо этого снова подстелил на рыхлую и теперь капитально укрытую толстым слоем пепла, землю кратера, по которой пока шли, чтоб не лезть раньше времени в серую трясину, и камнём, ударяя по концу костыля, укоротил ветку на дюйм. Проверил.

Нормально.

– Кратер, конечно, огромный. И, думаю, мы уже дошли до того края, откуда можно спускаться вниз. И поворачивать к югу.

На этот раз промолчала Сара. Только кивнула.

К счастью, то, что он разглядел, когда искал ветки, оказалось верным: здесь земля оказалась куда суше: похоже, здесь было что-то типа плато, и соответственно уровень воды был пониже. Да и пепел успел подсушить поверхность почти до нормального состояния. Колин попробовал слой, имевший толщину его ладони. Держит. Значит, вперёд!

Держать, правда, как выяснилось тут же, слой пепла «соглашался» только ноги в кроссовках. А вот палка-костыль протыкала его, на всю глубину слоя. И вязла, и опоры факти-

чески не давала никакой. И только замедляла продвижение.

– Знаешь что? – Колин после двадцати шагов такого продвижения обернулся к идущей в соответствии с его приказом позади сестре, – Выброшу-ка я этот костыль на ...!

– Ну и кто теперь «выражается»?

– Согласен. Извини. Совсем забыл, что я – в обществе Дамы! Будущей Праматери!

Сара фыркнула. Дёрнула плечиком в курточке, правда, не тем, на котором висел Колинский рюкзак:

– Хватит прикалываться! Может, я такая и буду!

Колин нахмурился:

– Ты действительно считаешь, что мы больше никого из людей не найдём?

– А ты будто считаешь по-другому?! Только – честно!

Колину пришлось пожать плечами:

– Если честно – я тоже уже ни фига в это не верю. Даже в то, что нам удастся найти тех сволочей, что пустили вниз – газ. Ну а если всё же найдём – попытаемся или спрятаться, или...

Примкнуть! И – втереться в доверие!

– А-а. Поняла твой «хитрый и коварный» план. Но если эти гады и правда – живы, шишь мы их обманем. Они-то знают – *кто* мог выжить при наших «любимых» мошках!

– Значит – прятаться. Ладно. Постояли, отдохнули, и пошли.

Пока шли, старались не разговаривать. Во-первых, чтоб

пыль не набивалась в рот и нос, прикрытые свежими (Сравнительно!) носовыми платками. А во-вторых, ноги, всё равно вязнувшие в толстом слое пепла, заставляли их маленькие тела трудиться так, что не больно-то поговоришь! Колин подумал, что им ещё повезло: их вес пока невелик. И, значит, сравнительно большая площадь подошв кроссовок позволяет меньше давить на чёртов пепел. Который, конечно, подсушил почву, но и сам для прохождения – не сахар. А, скорее, свежевыпавший снег.

«Снегопад», кстати, хоть и не прекратился совсем, но стал как будто потише: видно окрестности было уже почти в полукилометре. Правда, смотреть было особенно не на что: равнина с холмами... Колин постоянно сверялся с компасом, не забывая делать поправку. Сарочка помалкивала, но иногда вполголоса бубнила себе под нос: ругалась. Колин не делал замечаний. Только оглядывался на сестру, и тяжело вздыхал.

Не больно-то её «вразумляли» его вздохи и укоризненные взгляды.

Нога Колина, отдававшаяся резкой болью в начале похода, теперь болела куда меньше, скорее, просто ныла: привыкла к нагрузке. Да и он старался почти на неё не наступать. Единственное, что было неудобно – так это вытаскивать её каждый шаг из той «воронки», которую она вырывала во влажном или подсохшем пепле. Саре, идущей по его следам, в этом плане было полегче: он поэтому и старался не делать слишком уж большие шаги.

Через час пришлось сделать привал: они уселись на разложенном прямо на немного подсохшем участке пепла одежде, и долго пытались отдышаться. Но поскольку лица были закрыты платками, это было не так-то легко. Через минут двадцать Колин решил, что они отдохнули достаточно:

– Не больно-то мы продвинулись. А зима не за горами!

– За какими, на фиг, горами?! Мы тут идём через холмы, а горы... Нету её больше!

Ещё час изматывающего движения действительно между холмов, по пологим сухим долинам, сейчас полностью запорошенным серой пеленой, он отсчитал снова на глаз: в который раз пожалел, что нет у них никаких часов! Да и откуда им теперь их взять: все механические сожраны мошками, а пластиковые электронные хранятся всё равно где-то в магазинах. А до них им ещё нужно добираться и добираться! Потому что у них нет даже карты! А была бы – компас теперь вряд ли работает так, как надо. Может, это пепел виноват? Хотя... Вряд ли. Но движение измотало их, и у Колина засосало в кишках.

Они пообедали тем, что оставил Колин на последний раз. Чтоб глотать, приходилось себя уговаривать: на вкус мясо было отвратительным! И вот они снова двинулись: если в ближайший день они не набредут на остатки какого-нибудь городка или посёлка, придётся голодать! А голодным по такой поверхности долго не походишь!

Ещё через полчаса пришлось снова остановиться, но по

физиологическим причинам: пропавшие консервы начали сказываться. Колин подумал, что как жаль, что Сара захватила всего один рулон туалетной бумаги... Сара по этому поводу высказалась и сама:

– Бумага скоро кончится. Чёрт бы подрал этот пепел! Липнет везде! Твоя правда, братишка: как будто вытираешься – наждаком!

К счастью, сверху пепел падать почти закончил, и теперь пространство вокруг просматривалось уже на несколько миль. Правда, смотреть было особенно не на что: всё надёжно скрывало из глаз покрывало из чёртового пепла: серость и серость. Монотонная и раздражающая. Они прошли мимо нескольких очередных пологих холмов, и перед ними открылась какая-то долина. Абсолютно ненаселённая.

– Понятно, что здесь нет людских поселений. Полигон же! «Секретный»!

– И сколько нам переть до тех мест, где людям жить было *можно*?

– Не знаю. Но такими темпами – ещё дня два. Не меньше.

«Переть» им пришлось, конечно, не два, а три дня.

Ночевали они прямо в чистом поле, на мягкой «подстилке» из нападавшего пепла, на многострадальном одеяле. Хорошо хоть, навес делать уже было не нужно: пеплопад перестал посыпать их сверху, и можно стало снять обрыдшие платки с лиц. И ещё что радовало Колина: прекратился и ве-

тер.

Холмы закончились, и они теперь оказались на казавшейся бескрайней равнине. Приятно было и то, что целых двое суток как окончательно прекратился чёртов пеплопад, и видно вокруг теперь было неплохо. Разумеется, днём. Ночью же вокруг так и царила кромешная тьма, словно они – не на земле, а опять где-нибудь в подземных катакомбах. К тому же обложенных ватой: не было даже эха, когда Колин хлопал в ладоши...

Колин скормил Саре их последнюю упаковку печенья, запасённую ещё отцом – в том НЗ, что он не глядя загрузил в рюкзак. Сам он теперь испытывал жуткий голод, хотя болеть и сосать в кишках и желудке, как было на второй день вынужденной голодовки, перестало. Правда, и сил почти не осталось. Поэтому когда на третий день они заметили впереди нечто, очень похожее на дорогу и остатки заправочной станции, его радости буквально не было границ: спасены!

Ведь дорога – это всегда отличный ориентир! А заправка – такое место, где есть всё, нужное для обслуживания проезжающих! И там наверняка, как это обычно и бывает, есть супермаркет, с едой, и отдел с картами местности и дорог – для туристов и просто чужаков!

Да, продукты там должны оставаться!

Хотя бы – пакетированные. Типа «Роллтона». Ну, или батончики шоколада. Или тех же печений, или вафель! Колин был уже согласен грызть даже сухие макаронны, только бы они

там нашлись! Сара сказала:

– Никакая это не заправочная станция. Нет заправочных колонок. Это какой-то сарай. Бывший.

– Колонок нет потому, что их съели. Наши друзья. А сарай здесь мог бы построить разве что идиот. Ведь здесь – пустыня. И ничегошеньки не растёт кроме колючек. Да и не может это быть ничем другим, кроме заправки, раз есть дорога! Её-то обслуживать нужно! Мало ли: у кого кончится горючее, или, там, колесо спустит, или в туалет захочется!

– А ты юморист. Если *тут* кому захочется в туалет – вот он! – Сара обвела горизонт рукой, – Пустыня же!

– Согласен. – Колин подумал, что сестра такая злая и нервная от того, что тоже голодна, – Кстати. Что там у нас с бумагой? Теперь моя очередь!

Сара передала ему остаточки рулона, и тактично отвернулась, пока он делал свои дела. Колин подумал, что ничто так не изматывает организм, как диарея. Но идти надо.

Иначе они рискуют так и остаться навсегда в этой «пустыне».

Расстояние оказалось больше, чем показалось на первый взгляд. Да и шли они куда как медленно, несмотря на то, что здесь пепел был практически сухой, и при каждом шаге из-под ног вылетали облачка тонких пылинок. Но к закату добрались.

От заправки, если честно, мало что осталось. Сравнитель-

но хорошо сохранился только как раз – туалет, сколоченный явно из остатков и обрезков брусков, досок, и фанеры: его руины хотя бы можно было узнать по керамическому унитазу... А вот более «продвинутое» здание самой заправки, и супермаркета при нём вообще не уцелело: по периметру прямоугольника десять на двадцать шагов валялись остатки стёкол, и плакаты, которыми те были когда-то оклеены. Плюс – стропила, которые рухнули вниз, когда нападавшие сожрали алюминиевый каркас лёгкого здания. На то, что когда-то здесь имелись и полки с товарами, указывали груды и неровности, укрытые сверху вездесущим пеплом, покрывавшего всё, включая балки крыши.

Колин сказал:

– Профнастил из нержавеющей стали, понятно, сожрали. Придётся заниматься раскопками.

– Ну и ладно. Лишь бы нашлось чего поесть!

– Постарайся не ворошить это дело слишком уж активно. А то снова наглотаемся пепла. А мне лень завязывать снова платки вокруг морды лица.

– Угу. – она уже с деловым видом, аккуратно, разгребала ближайшую кучку. Результат не обнадежил:

– Пластиковые канистры с машинным маслом. Масляные фильтры. Из гофрированной бумаги. Топливные шланги. Пластиковые.

Колин, рывшийся в противоположном углу прямоугольника, сказал:

– Идём-ка лучше сюда. У меня – чипсы. И сухарики. Солёные.

– Не говори мне про сухарики. После того, как вчера допили воду из бутылки НЗ, во рту – словно в Сахаре! И проклятый пепел горло так и дерёт! Какие уж тут «сухарики»!

– А не страшно. Есть мы сможем в самом крайнем случае и их. Потому что вон на той полке – пардон, бывшей полке! – бутылки с минералкой! А, виноват: это – бывший холодильник! И напитки, которые в пластике и картонных упаковках – целёхоньки: вон их какая куча!

– Целёхоньки-то они целёхоньки, – Сара уже откупорила одну из литровых картонных упаковок с апельсиновым, как значилось на этикетке, соком, – Да вот только – протухли! – она скривилась, и выплюнула то, что попыталась набрать в рот, – *Это* пить – абсолютно невозможно!

– А ты не выделывайся с соками. А пей, как я – минералку!

Поскольку жажда воды оказалась сильнее, чем желание «достойно» ответить обидчику, Сара не удостоила его ответом, тоже раскупорив литровую бутылку с минеральной.

– Сразу много не пей. А то будешь потеть!

– Сиди уже, «опытный путешественник»! Если ты смотрел передачи с Беаром Гриллзом, это не делает тебя – профи!

– Не делает. Но выжить помочь – должно. Ну, по-идее. Ведь мы сейчас – и правда, в полной ...опе. И в пустыне. – Колин попивал, сдерживаясь, крохотными глоточками. Но

всё равно чуял, как капельки пота выступают по всему телу. Рубашка сразу прилипла к потной грязной спине. Неприятно.

– Ладно. – прикончив бутыль, несмотря на увещевания Колина, быстрее его, Сара обернулась кругом, – Если там – запчасти и шины, то здесь, стало быть, продукты. Еда.

– Логично. – Колин отставил ополовиненную бутылку прямо на серую поверхность пепла, перебрался к следующей кучке над очередным содержимым бывшей полки, – Ну-ка...

Спустя час они примерно знали, что оказалось в их распоряжении полезного.

К концу «разбора» пришлось достать и зажечь свечи, потому что стемнело быстро. Но Колин не боялся, как и в предыдущие ночи, ни койотов, ни бандитов: нет теперь благодаря мошкам ни тех, ни других. И «на огонёк» к ним никто не заглянет.

Нашли они много чего.

Тут имелась, разумеется, и туалетная бумага, и вода в пластике и соки в баклажках, и пакеты с чипсами, и «роллтон», и баночки с джемами, шоколадной пастой, и даже мёдом. И вообще: с точки зрения как раз – еды, причём такой, которую не нужно готовить, на заправочной всё оказалось в порядке.

Словом, посоветовавшись перед сном, полёживая на своём одеяле, они решили не торопиться, и «посвятить» разбору заправки и завтрашний день.

Мало ли когда им теперь так улыбнётся удача!

Утро началось традиционно: с туалета.

Теперь Колин мог полить из бутылки сестре, пока та умывалась, и чистила зубы, а она – ему. Зубы Колин чистил осторожно: начал качаться передний молочный в нижней челюсти. Но как сказала по этому поводу Сара:

– Теперь уж – точно: сам! И зубной феи ждать смысла нет. Её тоже сожрали!

– Фей не могут сожрать. Они же – не «мясные». А – волшебные! Бестелесные!

– Ага. Но лично мне почему-то казалось, что денежку тебе под подушку клал папа.

– А мне – не казалось. – Колин мрачно фыркнул, – Я просто видел.

На завтрак у них сегодня был настоящий пир: тут тебе и чипсы, и батончики, и арахисовое масло на тостах, и вспененная кукуруза – попкорн вообще не пострадал. Правда, он был и не особо питателен – тащить с собой смысла не было.

Завтрак оказался прерван самым неожиданным образом: с посеревшего неба, из зенита, что-то чёрное со свистом свалилось шагах в двухстах от них, подняв настоящую тучу пепла! А чуть позже до них донёсся и звук удара: словно какой истребитель шмякнулся!

Колин сказал:

– Странно, что звук свиста так отстал. Обычно так бывает, когда скорость совсем уж большая. Прямо тебе – самолёт.

– На самолёт не похоже. Размерчик не тот. Скорее уж – газенокосилка.

– Газенокосилка не летает. Но что бы это могло быть? Беспилотник?

– Ха-ха. Насмешил. Думаю, отгадаю с одного раза. Это – «укрупнившаяся» в соответствии с твоими теориями, мошка. Погибшая.

– Хм... Никакие они не мои, а Дарвина. И дяди Эрика. Но отчего она могла погибнуть?

– А сейчас дойдём, – они действительно, прервав завтрак, сразу двинулись к месту падения, – и увидим!

Когда дошли, особо много им, впрочем, увидеть не удалось.

Хотя зрелище, если честно, потрясало. Жестокостью и дикостью.

От спикировавшей, или упавшей «большой» мошки остался только каркас – вернее, только по контурам можно было догадаться, что это была какая-то уж совсем – «супермошка»! Этакий птеродактиль... А сейчас на её обломках и остатках копошился чёрный комок – всё туловище погибшей густо облепляли небольшие (Сравнительно! Всего – с воробья!) мошки, деловито и быстро разделявавшие и пожирающие свою крупную «сестру». Вспышки от электросварки уже резали глаз – настолько были мощными!

Колин, кое-что вспомнив, крикнул:

– Быстро! Отвернись! – сам поспешил последовать коман-

де.

– А что такое? Почему нельзя смотреть? Я же ничего не...

– Потому что на дугу электросварки без специального защитного стекла смотреть нельзя! Ослепнешь! Она что-то там навсегда сжигает на сетчатке глаз!

Сара, хоть и стояла теперь, как и он, в двадцати шагах от места падения гигантской мошки, и смотрела, как и он, в противоположную сторону, на заправку, не удержалась:

– А как же мы раньше на них смотрели?

– А раньше они были раз в сто мельче! И искры и дуги были маломощны и неопасны! А сейчас – почти как на промышленном заводе, те ещё «роботы-сварщики»!

– Да. Ты прав, – бросив короткий взгляд через плечо, сестра подтвердила, – С мою ладонь длиной! А крылья какие огромные! В две ладони. И «челюсти»...

– О, да. – Колин и сам иногда кидал взор через плечо, – Выглядят страшно. Прямо – фильм ужасов. Бр-р-р! Тварюшки выросли. «Естественный отбор»! И теперь они, скорее – твари! Но, похоже, слишком уж большими им не стать: смотри, как группа мелких, действуя сообща, легко завалила большую!

– Фи! Это только потому, что большая оказалась в одиночестве!

– Ну и правильно. Ей для «работы» конкуренты-гиганты не нужны. А вот мелким пришлось сбиться в стаю! Чтоб бороться! И выживать. Вот они уже – почти как живые организ-

мы: самоорганизуются! В сообщества. Как волки. Или львы.

Похоже, мы много чего пропустили, пока сидели там, на кратере...

– Ну и ладно. Самое-то главное, чтоб наш Протектор продолжал действовать!

– Да уж... – Колин пошкрёб затылок. Желание посмотреть на действия мошек поближе пропало, – Может, ну их на фиг, и вернёмся к завтраку? Всё равно мы ничего нового не увидим. А только как стая тварей собирает другую стаю тварей!

15. Путешествие

Оставаться на заправке, разбирая её содержимое, когда рядом происходят такие дела, Колину, если честно, не хотелось. Но пришлось. Потому что им перед дорогой нужно было собрать и забрать с собой всё, что может пригодиться: ведь без карты и точного знания расположения имевшихся по дороге на юг городов, кто знает, когда они ещё попадут к следующему «оплоту цивилизации» в виде супермаркета, или хотя бы магазинчика?

Поэтому они с сестрой добросовестно рылись и стаскивали, как работающие пчёлки, или мурашки, всё – в одну кучу. На своё одеяло.

Самая лучшая находка случилась ближе к полудню: среди журналов и комиксов Сара нашла карты страны. В виде, правда, дорожного атласа. Без привязки к геолокациям. Но всё равно, пусть и без сетки географических координат, можно было сообразить, как и куда им теперь двигаться!

Колин даже отставил раскопки, усевшись на одеяле, и вертя большую раскладную внутреннюю карту во все стороны:

- А молодцы. Она рассчитана словно на дебилов. Тут всё чётко прописано и обозначено. С пояснениями.

- Думаю, она рассчитана как раз – на нормальных американцев. Чей интеллект не обезображен излишним образованием! Ну, и на детей. Вроде нас. А что – я не в претензиях!

Потому что тоже хочу быть «в курсе»! А то, что я думаю про «усиленную» учёбу детей учёных, я уже сказала!

Да, Колин отлично помнил, что она сказала про учёбу... Собственно, это мужчины хотели, чтоб женщины были «равноправны». И образованы – для уравнивания, вот именно, возможностей. Только вот на фигу домохозяйке, типа их матери, это самое образование?! Вот именно. Выгодно выйти замуж, сесть на шею мужа, и ни ...рена не делать – вот приоритеты современной практичной женщины!.. Впрочем, всё это далеко в прошлом.

Пока Сара продолжала рыться и стаскивать, всё, что по её мнению могло им понадобиться, Колин всё рассчитал. Если разложить карту вот так – в соответствии с компасом, получается им до ближайшего города – девяносто миль. Но город этот не на юге, а на северо-востоке.

Значит, чтоб не лезть напрямую, через пески, придётся податься по дороге – вон в ту сторону. И пусть до расположенного там Галверстауна почти сто пятьдесят миль, зато направление почти совпадает – на юго-юго-запад. И там-то точно можно будет пополнить запасы провизии. Потому что при населении в тринадцать тысяч пятьсот восемнадцать жителей вряд ли этот почтенный провинциальный городишко в сельской глубинке – бомбили.

Нет смысла – поскольку нет и промышленности. Или военных баз.

Ну а пока нужно ещё поработать!

Сара, да и он сам, через ещё пару часов натаскали целую кучу всего.

Колин невольно почесал затылок: будь у них грузовик – другое дело. Или хотя бы – тачка. А так, пешком, на себе, они всё это точно не унесут! Впрочем, где-то он видел...

Огромное полотнище из прорезиненной брезентовой ткани, которым Сарочка пренебрегла, оказалось вполне способно вместить часть из того, что Колин отобрал.

– Ну и как ты предполагаешь всё это унести?!

– Никак. Я предполагаю, что мы вдвоём будем этот брезент волочить. По пеплу. Он – рыхлый, конечно, и шершавый. А полотнище зато – прорезиненное! Так быстро не изотрётся! Да и тащить куда сподручней, чем нести на спинах.

Вскоре, однако, выяснилось, что тащить тоже – не так уж и легко! Веса Колина и Сары не хватало, чтоб преодолеть трение полотнища об абразивные частицы: ноги в кроссовках просто вырывали в рыхлом порошке борозды, а полотнище и не думало сдвигаться!

Пришлось сделать две вещи: нагрузить-таки в рюкзак, и запасной рюкзак, который нашли на станции, часть самых важных вещей: продуктов. Чтоб стать потяжелее самим. И провести третью инвентаризацию того, что осталось на полотнище.

Когда вес оставленного барахлишка стал сильно меньше сорока килограмм, сдвинуть с места и тащить его оказалось вполне им по силам.

– Ну что? Двинем вперед? Или уж переждём ночь тут?

– Давай переждём. Потому что, может, к утру мы вспомним, или найдём что-то настолько важное и полезное, чего до сих пор не раскопали!

– Согласен! Когда-то мы преодолеем сто пятьдесят кэмэ с моей ногой! Думаю, неделя уйдёт. Ну а пока, давай, действительно, пороемся ещё. До заката часа два точно есть!

Нарыть, впрочем, особо много чего не удалось. Разве что пару комиксов, которые Сара и рассматривала, посиживая снова на их одеяле, пока Колин не запретил ей портить глаза в наступившей темноте. А тратить свечки на такую чушь он смысла не видел, хотя свечек они и погрузили на полотнище три упаковки – всё, что нашли.

В наступившей темноте было всё так же непривычно – а, вернее, уже привычно! – тихо: не пели цикады, не дул ветер, не проносились автомобили... Колин полёживал на спине, продолжая сосредотачиваться на ноге. Сара лежала на боку, глядя на него.

Вдруг сестра спросила:

– Колин.

– Да, Сара?

– Я уже спрашивала. Но хочу узнать точно: ты ведь тоже думаешь, что наша ма не любила отца?

Отпираться или отрицать очевидные вещи, особенно сейчас, Колин не стал:

– Да. Она не любила его. И хоть я и сопляк и мало в жизни чего повидал, понять, что она и вышла за него замуж из-за денег и престижа – могу.

– А как ты думаешь, Колин: она отцу... Изменяла?

– Нет. – Колин мог позволить себе быть категоричным, – В этом я тоже уверен.

– А почему ты в этом так уверен?

– А додуматься просто. Отец к моменту своей смерти тоже... Разлюбил мать.

И если б она дала ему хоть малейший повод – мгновенно подал бы на развод!

А в их брачном контракте оговорено, что он платит только алименты. А на делёж и долю от «совместно нажитого» имущества мать не имеет права.

Он, конечно, правильно сделал, когда вписал этот пункт. Понимал, что только его зарплата и может удержать мать от... Дурацких выходов!

Вроде измены, или развода.

– Ну и что? Его по десять часов не бывало дома. А мамочка у нас хитрая и предприимчивая! Запросто могла бы кого-нибудь... принять!

– Не забывай. Ты-то, да и я – почти всегда были дома.

Да и не прошли бы такие визиты незамеченными у соседей! А мамочку нашу они вряд ли любили, – Колин вспомнил про зубодробительные скандалы, длящиеся иногда часами, когда материнский визгливый голос и звуки бьющейся

посуды наверняка мешали заснуть как минимум трём-четырёх соседским семьям, – Отцу сказали бы!

– М-м-м... Пожалуй. – она примолкла. Но Колина так просто было не провести:

– Ладно, колись давай. Ты к чему это спросила?

Сара фыркнула:

– Будто сам не догадался! Если я – в мать, то буду тебя и доставать, и скандалить! Поскольку ты автоматически получаешься мне – и брат, и муж! Только вот налево пойти уже не получится.

Не с кем!

Теперь фыркнул Колин:

– А не рановато ли тебе, двухсполовинойлетняя коза, о таких вещах думать?

– Наверное, нет. Ведь мы прекрасно понимаем, что даже те козлы из Правительства, которые сейчас отсиживаются в бетонных бункерах под землёй, рано или поздно вынуждены будут вылезти наружу. И их – съедят! Как съедят и тех мерзавцев, что пустили нам газ! Если только их уже не съели.

И останемся на всю планету только мы. Новые Адам и Ева...

– Возможно. Но есть проблема: если мы не сможем передать нашим детям по наследству тот Протектор, что у нас сейчас в крови – никто из них не выживет!

– Думаю, мы сможем. Отец ведь сказал тебе, что это средство – встраивается куда-то там в этот, как его...

– Геном?

– Да, точно!

– Я в этом ничего не понимаю. Но если нам попадётся какая-нибудь библиотека, ну, в-смысле – составленная не из электронных, а из бумажных книг, можно порыться.

– Вот уж смысла не вижу! – он даже в темноте почувствовал, как она дёрнула плечиком, – Мы это так и так узнаем! Но – не раньше, чем лет через двенадцать-пятнадцать.

– Точно. – Колина коробило, что сестра так свободно говорит об инцесте – как о непреложном факте, и удивляло, насколько её мировоззрение оказалось прагматичным и быстро приспособилось к новым «реалиям». С другой стороны – всё верно. Женщина же! Но вслух он повторил, – Никак не меньше! Но будем всё же надеяться на лучшее. Ну а вдруг где-то есть ещё кто-то, пусть и не выпивший Протектор, но просто не найденный мошками? Живущий где-то *очень* далеко: например, в тундре, или в горах, на Аляске!

– Не думаю, что даже если кто там и сохранился, и ускользнул от внимания наших «друзей», что он сможет добраться до южных широт, когда наступит зима. Настоящая зима.

– Да, – Колин чуть усмехнулся, – Она наступит. Я уже ощущаю, что сегодня было куда холодней, чем вчера. Нам нужно поторапливаться.

– Я быстро и долго идти не смогу.

– Я тоже. Но стараться надо! А сейчас давай всё-таки

спать. Завтра будет тяжёлый день.

– Логично. Да и обсуждать наши проблемы мы можем по дороге. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи.

И если Сарочка, накрытая вновь спереди его курткой, и прижавшаяся спиной к его тёплому боку, засопела уже через пять минут, Колин ещё добрый час, глядя в черноту неба, так и закрытого тучами, обдумывал и переваривал то, что они только что обсуждали.

Основных проблем он пока видел две.

Первая – как бы добраться до места, где можно расположиться надолго, пользуясь запасами продуктов, нашедшихся бы в магазинах и гипермаркетах. То есть – до города. Достаточно маленького, чтоб не быть мишенью для бомб, и достаточно большого, чтоб этих запасов хватило надолго.

А вторая – что если им удастся выжить, в отдалённой перспективе ему волей-неволей придётся...

Жить с сестрой!

Как это она высказалась?

«Новые Адам и Ева»?

И ведь эта мысль явно не сегодня пришла ей в голову. Но он-то сдуру посчитал, что она – прикалывается...

А оно – вон оно как!

Утром умывание и завтрак прошли штатно.

По дороге они двинулись, выкинув всё же из брезента ещё

пару тяжёлых пластиковых коробок – с арахисовым кремом. Который, как считал Колин, очень питателен. Но Сара сказала, чтоб он сам тогда его ел – её от арахисового крема, пусть и с «добавлением какао и сахара» – тошнит!

Не успели они пройти и пары километров, как Колина напряг странный звук сзади – словно по дороге, догоняя их, движется что-то механическое, вроде танка! Лязг и рёв, во-всяком случае, доносились явственно! Да и туча пыли, поднятая какими-то механизмами, не позволяла усомниться, что их преследуют!

– Быстро! Сходим с дороги!

– Как ты думаешь, что это? – Сара тоже вглядывалась в приближающуюся тучу из поднятого в воздух пепла, стараясь не паниковать.

– Думаю, это «приземлённый» вариант наших любимых мошек! Которые в условиях, когда летать невозможно, приспособились передвигаться по земле!

– На гусеницах?!

– Не знаю. Может, и на гусеницах. Или на колёсах. Или – на механических лапах. Но то, что больше некому – это точно! – они быстро оттащивали своё полотнище в сторону от асфальта дороги, увязая в пепле, слой которого по бокам возвышавшегося над пустыней полотна был куда толще – похоже, смело его туда ветром.

Впрочем, Колин решил, что особо отдаляться тоже смысла нет: Протектор! Значит, нужно просто пропустить мимо

себя странную машину, приближающуюся сейчас к ним, и продолжить путь.

Но когда туча пыли приблизилась, и стала видна, поравнявшись с ними, он разглядел, что это – колонна. Настоящая колонна из странных, похожих на плоские блины, машин! Тут уж его посетила другая мысль.

А именно – что, раз они защищены, почему бы не воспользоваться «попуткой»?!

– Быстро! Бегом к дороге! Волочим изо всех сил наш презент – туда!

– Ты чего задумал?! – но по тону и широко открытым глазам сестры он понял, что она и сама уже обо всём догадалась.

– Догоняем, я подсаживаю, и ты залезаешь наверх! А я подаю тебе наш презент!

И дальше поедет, как белые люди!

– Мысль кажется дикой, ф-ф, – сестра уже пыхтела, как и он, изо всех сил волокая их неудобную волокушу назад к дороге, – Но здоровой! Х! Остаётся уповать на Протектор!

– Точно! Поменьше болтай!

За минуту они бегом протащили свою ношу снова вплотную к дороге.

На первые пять «машин» они опоздали, но удалось добраться до шестой – предпоследней. Колин помог сестре залезть на находившийся в метре от поверхности «блин», и изо всех сил подбросил кверху их полотнище, у которого собрал четыре угла – в узел. Сара схватилась за узел, пытаясь забро-

силь на поверхность:

– Не удержу! – её личико покраснело от натуги.

Колин, задыхаясь, но понимая, что от его действий сейчас зависит всё, снизу, подсев, плечом поддал узел кверху! И тот, наконец, оказался заброшенным на спину странного устройства. Догнать которое задохнувшемуся и невольно приостановившемуся Колину удалось только через добрых полминуты. Но – удалось.

Двигалась странная колонна к счастью, довольно медленно: не быстрее пяти миль в час. Похоже, на большую скорость не хватало мощности тех солнечных батарей, что покрывали сверху всю поверхность «блина». Зато теперь Колин смог подробно рассмотреть, как странные средства наземного передвижения устроены – глядя на двигавшиеся в двадцати шагах спереди и сзади машины.

Собственно, ничего особенного в конструкции вездеходов не было. И устроены все были – как под копирку: явно с одного образца! Плоские крыши-крышки, диаметром в пять метров, и снизу – широченные колёса, с ребристо-решётчатой металлической поверхностью, диаметром как раз – в метр. Колин вспомнил, где копию такого устройства видел: это же практически первый луноход! Только панель с фотоэлементами не откидная, а «встроенная»! Получается, проклятые тварюшки или тоже видели фотки с луноходом...

Или уж – додумались сами!

Правда, у луноходов не было имевшихся спереди «бли-

нов» чудовищно громадных клешней-манипуляторов, и чрева – темнеющего разными странными устройствами. К счастью, на «зубы» не похожими.

– А почему они едут туда же, куда надо и нам?

– Думаю, по тем же причинам. За солнцем. И теплом. Не забывай: при минусовых температурах металл становится хрупким, крошится и ломается. А энергии солнца, даже в такой мгле, им пока хватает. Хоть и не полностью: видишь, как медленно мы тащимся?

– Тащимся?! Да это – в три раза быстрее, чем плелись мы!

Колин не нашёл нужным возразить – он ещё задышался.

Но сестра продолжила:

– Собственно, я не об этом. А о том, что откуда они вообще могут знать, что там – будет теплее? И останется хоть чуть-чуть – света?

– Поговорим об этом, когда наденем платки. – Колин первым подал пример, снова повязав носовой платок в виде маски: пыли и пепла колёса машин взрывали много, и он снова стал опасаться за их лёгкие.

16. «Разбивахи»

Когда он наконец смог отдышаться, пришлось заняться делом: а именно – инвентаризацией.

Ничего в их «узле» к счастью, не повредилось и не разбилось – да и нечему там было биться. И продукты и вещи, которыми им удалось разжиться, остались в целости. Собственно, они как раз с таким прицелом их и брали: упаковки – сплошь пластик, нетяжёлые, небьющиеся, и компактные...

– Знаешь что, Колин. – сестра поправляла свою «причёску» жестами совсем как у матери – Колина резануло по сердцу, – Давай-ка ты собери всё барахлишко обратно в полотно, и завяжем ему горловину верёвкой. Чтоб был в виде узла!

– Понял твою мысль, – Колин и сам заметил, что скорость их «машины» стала меньше, и их почти догнал «луноход», двигавшийся сзади, – чёртовы фотоэлементы должны получать, что им положено!

Связать уже порядком пострадавшее от трения о шершавый пепел полотнище в компактный узел удалось сравнительно легко: Колин держал, подтягивая кверху, Сара завязывала. Впрочем, и завязывать и перезавязывать тоже вскоре пришлось ему: у сестры не хватало сил стянуть верёвку вокруг горловины как следует, и от тряски узел норовил снова развязаться. Но вот, наконец, всё в оказалось порядке.

– Знаешь что, – Колин обнаружил, что на поверхности

«их» блина довольно пыльно: а ещё бы! От колёс впереди едущих летело во все стороны, – Давай-ка мы тут приберёмся. Наведём порядок!

– Чего?!

– Я говорю, если счистим с фотоэлементов слой пепла, света будет поступать больше. Это как-то компенсирует тень от узла, и тяжесть нашего веса!

– А-а, логично. Давай.

Снятыми с себя рубахами они принялись «сдувать» пыль с сиренево отсвечивавших фотоэлементов, сплошным ковром покрывавших спину их машины. Это помогло: скорость снова возросла, и задняя машина снова отделилась от них, перестав нервировать Колина зрелищем мощных на вид передних манипуляторов.

– ф-фу-у-у... – сестра, снова одев рубаху, села на край блина, свесив ноги и пытаясь отдышаться от усилий, – Наконец-то. Действительно: едем, как белые люди. Вот: кстати. Почему мы вообще – едем? Ведь мошки-то – были созданы как летуны? И почему они теперь такие здоровые? Ведь такой «крохотный» колёсный транспортёр не разглядит и не взорвёт к ...ерам собачьим только совсем уж тупой противник?

– Да, это уж точно. Особенно такой медлительный. – Колин присел рядом с сестрой, рукой придерживаясь за узел, – Но ведь па неспроста говорил об эволюции. Видать, (А мы с тобой как раз – видели!) чем крупнее оказывалась мошка,

тем легче ей было бороться с соседями-конкурентами – за металл! Ну, это произошло, конечно, только после того, как они сожрали все доступные запасы металла на поверхности. И руду...

И вообще: за те дни, пока мы лечили мою ногу и прятались от бомбёжек, мошки-то... Не дремали! Похоже, в них заложили куда больше возможностей к изменениям, подстраиванию тела и его конструкции, под условия окружающей среды! Если пространство ограничено лабораторным боксом – они остаются в виде мушек-дрозофилл. А если к их услугам – весь мир, да ещё и неограниченные ресурсы в виде рельсов, станков, машин, разных утюгов-микроволновок-холодильников и прочих изделий из металлов – то, понятное дело, они стремятся подавить соперников-конкурентов наиболее рациональным способом! То есть – укрупняясь, и меняя форму!

– Спасибо за популярную лекцию по стальной эволюции! – иронии и яда в тоне Сары не уловил бы только металлический монстр, на котором они ехали, – А вот скажи мне, умник ты мой, чем всё это может закончиться? Ведь то, что машина с большими размерами и, соответственно, большей поверхностью фотоэлементов, будет куда конкурентоспособней, догадаться нетрудно. И – что? Летучие формы совсем исчезнут, будучи сожраны, и по поверхности планеты будут передвигаться с черепашьей скоростью только монстры размером со стадион?!

– Нет, ну это уж – слишком! – Колин усмехнулся, хотя ухмылочка вышла кривая, – Ведь чем больше поверхность фотопаннелей, тем сложнее их защищать! И содержать в порядке! Да и просто – везти на себе! Это какой же длинны понадобятся манипуляторы, и какой прочности – колёса?! Нет, думаю, тот размер чудищ, на котором мы сейчас едем, оказался оптимальным. С точки зрения и «удобства эксплуатации», и безопасности!

– Вот, кстати о безопасности! Знаешь, что братишка, – Сара глядела вперёд, приставив ладошку козырьком ко лбу, – Похоже, у нас – вернее, как раз у наших друзей-луноходов – с ней скоро начнутся проблемы!

Колин, пощурившись и так и так (Проклятая пыль понабивалась и в глаза, заставляя те слезиться!), согласился:

– Что бы это ни было, выглядит организованным. И – нападающим!

– Как думаешь? Сейчас наши «транспортные средства» попытаются сожрать?!

– Естественно! А чего ещё ждать от «конкурирующей фирмы»?!

– И – что? Будем слезать и бежать?

Колин почесал в затылке – это действие помогало ему, как он всегда надеялся, мыслить лучше:

– Нет. Давай-ка лучше развяжем снова наш узел. Хорошо, что бейсбольных бит мы взяли – две. Ту, что полегче – тебе! Будем защищать наш чёртов «транспорт» до последнего на-

падающего! Потому что лично мне вовек с такой скоростью не продвинуться!

А тут мы – едем с комфортом! Да и барахлишко на себе волочить не надо!

Налетевшие тварюшки оказались, конечно, поменьше «блинов-луноходов».

И внешне больше всего напоминали ту монстру, что «разделали» возле заправки тварюшки ещё меньшего размера. Но понятно было, что размеры примерно в три фута длиной являются почти предельными для туловищ летающих вариантов мошек. Да и то: летели они низко и медленно. Но выглядели – вполне грозно. У них даже имелись спереди выступы наподобии голов: с фасеточными громадными глазами. И чёрными выступающими вперёд челюстями, и манипуляторами. И ногами-конечностями. Снабжёнными острыми – как бы когтями: ясное дело, чтоб разбивать фотоэлементы противников, как основной источник жизненной силы!

Крылья же имели в размахе добрых три метра.

В том, что нападавшие настроены весьма агрессивно, Колин не сомневался. Похоже, не сомневались и несущие их «блины»: во-всяком случае они притормозили, собрались в кучу, и ошестинились во все стороны передними манипуляторами, сбившись как бы в каре, тыльными частями друг к другу: чтоб манипуляторы соседа могли, в случае чего, прийти на помощь! И перекрывали весь горизонт на триста шесть-

десять – с гарантией!

Правда, так дело обстояло только с фронтом. А вот сверху прикрытие оставляло желать лучшего: передние манипуляторы еле-еле доставали до середины туловища блинов! Колина вдруг «осенило» понимание: только поэтому их, «создателей тени», и не смахнули с поверхности «блина»!

Однако Колин прокомментировал:

– Смотри-ка! Уже выработали тактику обороны! Может, уже встречались с *такими* нападающими? Или, скорее, с кем-то наземным! Думаю, разбить фотоэлементы на плоской спине этим летающим гадам будет не так трудно: двадцать квадратных метров четырьмя коротенькими манипуляторами не защитишь!

– Всё, конечно, может быть, – Сара, сжавшая губы в ниточку, и перебиравшая пальцами по бите, выглядела на удивление взросло, – Но ведь не спросишь же!

– Твоя правда. Если процессор у них такой примитивный, как говорил отец, то к речи они вообще могут быть не способны. Однако в том, что определённые способности к какой-то коммуникации у них есть – сомнений нет!

– Может, они изобрели, и общаются через радио?

– А что: здравая мысль. – Колина поразила теперь взрослость и суждений, – Но сейчас не до её обсуждения. Готова?!

– Да!

– Ну, понеслась!

Первую подлетевшую грамотно и подло, сверху и со сто-

роны тыла, где клешней не имелось, к их машине тварь, Колину удалось сбить с первого же удара!

Кувыркаясь, она отлетела на добрых два десятка шагов: ага, лёгкая, значит! И непрочная? Точно! Одно из крыльев сразу отломилось у основания, второе беспомощно повисло, переломившееся посередине. Чуть позже, в перерыве между ударами, Колину удавалось бросить взгляд по сторонам, и он отслеживал, что там происходит со сбитой им первой мошкой – вернее уже – мошицей. А всё логично: своими манипуляторами и электросваркой она чинила перебитое, и пыталась приспособить на место – отломанное крыло! Но на какое-то время оказалась точно – вне игры!

Правда, особо любоваться не приходилось: количество напавших Колин оценил бы в пару сотен, добравшиеся до спин блинов сразу норовили пустить в дело острые «когти», ударяя по фотоэлементам. Блины изо всех сил работали манипуляторами, Колин с Сарой помогали как могли, ударами бит сметая приземлившихся, и ещё летящих – в стороны!

Их «союзнические силы» спасало только то, что летучие не могли нападать все одновременно: шли волнами! Как настоящие пикирующие бомбардировщики времён второй мировой. Как понял Колин, это было нужно, чтоб хрупкие крылья не бились о крылья и тела соседей.

С первыми примерно двадцатью тварями «блины» почти справились и сами: доставали их манипуляторами спереди и с боков легко! «Счистить» пришлось только штук пять осо-

бо настырных. Но ахиллесова пята нашлась и у блинов: вторая волна крылатых полетела напрямиком к Колину и Саре: к тыльным сторонам наземных!

Вот тут уж стало не до «разглядываний»!

От ударов Колина твари разлетались вполне далеко, и удары причиняли им адекватные повреждения: ...рен вот так, сходу, починишь! Но удары Сарочки, конечно, были послабей. И вскоре три летучих «стрекозы-птеродактиля», пусть и с перебитыми крыльями, попытались взобраться на поверхность блина, где стояли люди, и атаковать непрошенных защитников: соображают, значит, мошки!

Колин легко добил пытавшихся приблизиться: без крыльев у тех явно не хватало ни скорости движений, ни опасного оружия! А то оружие, что имелось, не могло поражать людей с большого расстояния – электросварка опасна только вблизи, при «непосредственном контакте»! Но стрёкот и треск от машущих крыльями и мельтешащих тел, бьющихся друг о друга и поверхность блинов, стоял оглушительный. Колин проорал:

– Бей не по головам! А по крыльям! Без фотоэлементов они становятся почти неопасны!

– Да?! А как же тогда вон та твоя, самая первая, тварь, жива до сих пор?! – сестра запыхалась, и в голосе звучали истерические ноты.

– А жива она потому, что полкрыла-то у неё осталось! – Колин продолжал отмахиваться битой из последних сил, ра-

дуясь, что впереди маячит ещё только две волны. Ну а более ста крылатых уже валялись вокруг их кольца обороны, поверженные или ударами людей, или клешнями блинов, – А если у них и есть аккумулятор, он явно дохленький! И его хватает только на текущий ремонт, и подползание!

Впрочем, шесть лапок-конечностей, делавшие крылатых похожими и на ос, и на стрекоз, и без нехватки энергии вряд ли были рассчитаны на быстрый бег: сбитые «раненные» твари – еле ползали! Ну правильно: упор-то – на полёте! И противник явно не ждал такого оружия, как банальные деревянные дубинки! (Хе-хе! Недаром же молоток, самый универсальный инструмент, – это как раз «союз» дерева и стали!)

Оставшихся нападавших лупить не пришлось: увидав (А умные!), чем закончилось дело для их соратников, последние две волны «храбро» ретировались, умчавшись туда, откуда прилетели: на юг!

А вот теперь Колина поразили действия блинов.

Разомкнув кольцо, они весьма проворно двинулись к «недобитым», и «добитым» крылатым. И стали весьма оперативно стаскивать их, прикончив ещё трепыхавшихся электрическими разрядами, и просто – разрывая тела на части клешнями, в большую кучу.

Сара сказала, последовав примеру Колина и тоже почесав в затылке:

– Чтоб мне лопнуть! Сейчас они понаделают ещё блинов! Колин, испытывавший, конечно, по отношению к дей-

ствиям их «носителей» определённое сомнение и опасение, посчитал такое развитие событий вполне... Приемлемым:

– Ну и хорошо. «Наших» будет больше!

– Ха! И вот они уже и – «наши»!

– А что? Раз их и наши цели совпадают – ну, пока! – почему бы нам не порадоваться за временных союзников? И бесплатный транспорт?

– Хм-м... Пожалуй. Союзники? Хм – два раза! Уж не думаешь ли ты, что они поняли, что мы воюем на *их* стороне?!

– Если честно – не знаю. – Колин не считал нужным врать или выдумывать что-то, что могло бы успокоить сестру, – Думаю, нам всё равно нужно относиться к ним настороженно. И быть готовыми в случае непосредственной угрозы – бежать!

– Логично. Хотя, конечно, наши скорости – несопоставимы. Захотят – догонят. Но вот меня лично интересует сейчас другой вопрос.

– Да?

– Как ты думаешь, те твари, что развернулись и позорно бежали с поля боя – нас запомнили?

– Уж не думаешь ли ты, что если запомнили, нам теперь не поможет и Протектор?!

– Именно! А ещё больше я боюсь, что сейчас они вернуться. С подкреплениями! Поэтому нам бы нужно как-то... Изменить внешность, что ли. Или не маячить прямо на крышках наших блинов.

– То есть – спрятаться, что ли?

– Угу.

– А куда?

– Ну, хотя бы под днище наших соратников-союзников. Там, в кормовой части, я видела вполне даже удобную как бы – нишу. Не знаю, для чего она блинам, может, инструменты какие хранить, но мы туда вполне влезем. Правда – только по одиночке!

– Хм-м... – теперь Колин снова чесал многострадальный затылок, – Ну, не знаю. Разделяться не хотелось бы. Давай побережём этот вариант на случай, если нападение крылатых повториться.

– Ха! Если нападение – повториться, нам придётся – не забывай! – отмахиваться! Отрабатывать, так сказать, свой проезд! Ладно, настаивать особенно не буду. Мне и самой не хотелось бы ехать, пусть и лёжа, одной! Ну а пока перестань терзать затылок. Плешь будет!

– Ха! Да она там в любом случае будет! Я же – в отца.

– Точно. А я – в мамочку. И, раз так, вернёмся к нашим насущно-бытовым проблемам.

Как насчёт того, чтоб поесть, пока наши друзья будут заниматься разделкой и строительством новых блинов?

Вскоре Колин понял, для чего у блинов пасть шириной в добрых два метра.

Оттуда неторопливо, по мере того, как как раз в «нишу», обнаруженную Сарой, загружались измельчённые ча-

сти крылатых, выползала рама-платформа, к которой крепились (Позже!) колёса, и верхняя солнечная панель. Изготавливаемые вторым блином. Сара сказала:

– Смотри-ка. Они и правда – работают над созданием каждой новой машины – попарно. Типа – отец и мать. А как они «разделяют» труд?

– Вот уж не знаю. Но в том, что работают, гады, быстро – сомнений нет!

Действительно, не прошло и десяти минут, как три новых блина стояли на полотне дороги, заряжаясь энергией от света ставшего теперь, к полудню, ярче, солнца, и явно ни в чём не уступая родителям.

– Чтоб мне лопнуть! – Колин покачал головой, – А ведь они – крупнее! И манипуляторы – как будто длиннее и мощнее! Смогут, наверное, защитить теперь и тыл!

– Это ты «тонко» намекаешь, что мы скоро станем этим гадам не нужны?

– Нет. Я не намекаю, а в лоб говорю. Новым трём блинам мы точно не нужны. У них «мёртвых зон» не будет. Ну а старым мы – вполне можем пригодиться!

Разговаривая, они продолжали поглощать тосты, джем и шоколадные батончики, сидя снова на кромке «своего» блина, и болтая ногами.

– Жаль, что захватили всего шесть бутылей с минералкой, – Сара отхлебнула большой глоток, передав полуторалитровую ёмкость брату, – если будем всё время ехать, и да-

же если наш путь пройдёт сквозь какой-нибудь городишко, всё равно не успеем слезть, и найти новых!

– Возможно. А, может, и успеем. Если наши друзья придут в город к ночи. Думаю, ночью они всё равно замирают в неподвижности. Без энергии.

– А что? Думаешь, сто пятьдесят миль проехать до темноты успеем?

– Вряд ли. Но! Может, попадётся ещё какая заправочная станция. Или хотя бы – кафе. Ну, или мотель. Э-э, не парься. Девяти литров нам должно хватить дня на четыре!

И я не думаю, что всё это время мы будем оставаться с нашими «новыми друзьями». Вероятнее всего, расстанемся мы гораздо раньше. Мы просто слезем. В каком-нибудь подходящем городе, или посёлке. Как раз – чтоб пополнить запасы.

– Ага. Пополним – и – что? Дальше опять потащимся, как дебилы, пешком?

– Ну почему же. Нам может попасться какая-нибудь пластиковая тачка. Тогда – повезём наше добро!

– Ага. По щиколотку увязая в пепле.

– Хватит прикалываться. Смотрю, тебе понравилось ехать. Но не забывай: очень похоже, что придётся и битой снова махать!

– Ну и что такого?! Я готова и помахать! – она победоносно подняла кверху сжатый кулак, – Грозная истребительница летучих тварей Сара – супергероиня! Куда до меня дуре

в шортиках из «Отряда самоубийц»!

– Ах, вот как. То есть – ты мечтаешь ходить в шортиках и драных колготках? И густо мазать морду косметикой?

– Вот уж нет! – она фыркнула, – Но принцип тебе должен быть понятен. Я не боюсь нового нападения – ни крылатых, ни ещё каких! Вот: кстати!

Как мы их назовём?

– Кого? Крылатых?

– Ну да! Наши – понятно: блины! А чтоб было понятно, о ком речь, надо и тех, осо, или птеродактилеподобных, как-то обозначить!

– Логично, как ты говоришь. Но похожи они на много ко-го. Тогда... Предлагаю назвать их – разбивахи! Сразу ясно будет, о ком речь! И ни на какое другое название не похоже!

– Звучит, конечно, оригинально. А почему – разбивахи?

– Да потому что первое, и главное, что они пытаются сделать – разбить как можно больше фотоэлементов! И если б не мы – им бы это точно удалось! Ведь по мере разбивания источников энергии наши блины – замедлялись бы. И слабели!

– Точно! Точно. Ну, разбивахи – так разбивахи!

Как ни странно, остаток дня прошёл практически спокойно.

Колин несколько раз доставал из их узла найденный на заправке детский игрушечный бинокль, пока просто не по-

весил его себе на шею: пусть он и давал увеличение всего в три с половиной раза, но оптика была неплохой: настоящие стёкла! Пусть и в пластиковых тубусах. Поэтому приборчик и уцелел...

17. Ночлег и путешествие

Правда, кроме тянущейся и тянущейся пустыни, а, вернее – полупустыни, видно не было ничего. Те же бугры, ямы, низкие плоские холмы и чахлые кустики, запорошенные всё той же унылой пылью-пеплом. И только где-то на горизонте, скрытые пыльной дымкой, маячили знаменитые когда-то скалы – туристическая фишка этого края...

Солнце так и не пробилось сквозь пелену свинцово-серых туч, но к полудню явно стало чуть посветлее: они поняли это по чуть ускорившемуся движению их блинов: теперь они делали добрых семь-восемь кмэ в час!

Колин сказал, выплёвывая за борт так и лезущую в рот и прочие места пыль:

– Такими темпами пустыню проедем к вечеру. И начнутся фермы и сады.

– Это в карте так нарисовано?

– Ни фига такого там не нарисовано. А дотумкать можно по названиям посёлков и городков: «Грин гарден», Нью парадайз», или «Эплтаун».

– И когда мы в них приедем?

– А никогда. Они находятся на ответвлениях от центрального шоссе. Кстати, оно называется «Трасса шестьсот восемьдесят восемь». И ведёт, пусть и с поворотами, прямо к побережью. Так что так и так придётся двигать потом вдоль

него – к экватору.

– И когда же примерно мы туда доберёмся? До побережья, в-смысле? Так охота посмотреть на воду. Может, и искупаться удастся!

Колин хмыкнул. Сказал:

– Если не изменится скорость... И если наши друзья-блины смогут двигаться хотя бы по десять часов в день, то дней за шесть. Ну, или семь-восемь. А вот сколько придётся ехать, или уже – идти к экватору по трассе «девяносто» – не знаю. Она очень длинная и извилистая. Видать, строилась в расчёте на туристические красивые виды – вдоль кромки океана. Наверняка люди ездили. Попялиться. Полюбоваться.

Сара тоже сплюнула за борт похрустывавшую на зубах слюну:

– Вот уж спорю на дохлого таракана против тонны конфет, что любоваться там сейчас – нечем!

– Почему это? Океан-то – наверняка ещё сохранился!

– Ага. А на фига он нужен – серый, и некрасивый? Да и все эти «горы», пальмы и шикарные сады запорошены серой дрянью! А без солнышка даже не позагораешь. Блинн... И искупаться будет наверное, всё же – нельзя! Холодно.

– Твоя правда. Раз океан не нагревает солнце, в воде будет холодно. Но нам, собственно, купаться и не надо. Нам достаточно будет протереть тело опять – мокрой тряпкой!

– А вот это, конечно, верно. Но не забывай: волосы я мокрой тряпкой не протру!

– А и не надо. И вообще: я думаю, тебе скоро придётся их обрезать совсем. Или хотя бы – укоротить.

– Это ещё зачем?!

– Чтоб не мешали. И под шапку влезали.

– Какую-такую – шапку?!

– Ушанку. Ну, или любую другую тёплую. Про зиму-то – не забывай!

– Да не забываю я... – Сара хмурилась, – Но пока что-то её не видно!

– И слава Богу! Ведь если наступят холода, и небо потемнеет до того, как доберёмся хотя бы до приличного целого городка с неразграбленными супермаркетами, придётся так и так идти пешком! Машинки-то наши – встанут!

– Хм-м... Ты, конечно, дело говоришь. Ну а если серьёзно – когда начнёт холодать?

– Думаю, оно уже начало. Сегодня ночью точно было прохладней, чем вчера.

– Это потому, что мы ночевали на ветру. На сквозняке. И не строили заборчиков!

– Нет, не поэтому. Температура будет падать медленно, и небо тоже будет затягиваться тучами постепенно. Думаю, где-то по градусу в день. И окончательно свет исчезнет через пару месяцев.

– Откуда ты знаешь?

– Да слушал как-то рассуждения дяди Розенберга. Главного климатолога папиного проекта. А было это в закусоч-

ной, там, в посёлке. Ну, кое-что я запомнил. Правда, он говорил что-то о том, что всё зависит от того, сколько бомб взорвут. И – где. Одно дело – если в воздухе. И другое – если на поверхности. В этом случае пыли и земли, поднятых в воздух, будет «на порядок» больше. А, соответственно, и зима будет... Суровой.

– Ладно, пока всё это – лишь абстрактные рассусоливания. А я так думаю, что нам нужно как можно дольше оставаться верхом на наших конях. И ехать с ними до тех пор, пока не встанут. Ну, или пока наши пути не разойдутся.

– Да, практичная ты моя. Ехать с ними, пока нам по пути – разумно. И сэкономит нам силы. И нога моя... подживёт. Вот, кстати. Займусь-ка я ей. Давно не перевязывал со всей этой беготнёй!

Нога у Колина, как ни странно, выглядела неплохо. Шрам, конечно, смотрелся страшновато, и рубцы-края ещё казались вишнёво-розовыми, но разрез полностью зарубцевался, и гноя нигде не имелось.

– А неплохо. – Сара помогала брату, распечатывая пакет первой помощи, и придерживая бинты, пока Колин накладывал мазь и новую повязку, – Болит сильно?

– Нет. Но когда наступаю – болит. Ноющей такой. Тянет. Ох, похоже, мышцы так, как раньше было, не срастутся больше никогда. И останусь я прихрамывающим.

– А что? Тебе должно пойти. Этакий – умудрённый года-

ми и сражениями ветеран, передающий опыт и знания своим потомкам!

– Свинья ты, Сара. Хоть и моя сестра. Циничная, и с чёрным юмором.

– Ой-ой-ой, кто бы говорил! По части чёрного юмора мне до тебя – как до Луны!

– О! Кстати! Хорошо – напомнила. Интересно, те наши, кто полетел месяц назад, основывать колонию там, на Марсе – живы?

– Наверное, ещё живы. Они же убрались отсюда до того, как началось! А лететь им ещё месяца три. Другое дело, что захоти они вернуться – шишь им! Сожрут!

– А и смысл им – возвращаться? Когда зима полностью развернётся, здесь будет точно так же холодно, как там! Только ещё и темно. Так что пусть уж выживают как смогут! Без посторонней помощи.

– А как же грузовые ракеты? Вроде, на них им собирались высылать еду и оборудование?

– Ну, значит – без ракет. На подножном, так сказать, корму. – Колин раздумчиво посмотрел в небо. И подвёл итог, – И всё равно – им каюк.

– Почему это?

– С ними нет ни одной женщины. Они должны были полететь, только когда пионеры построили бы поселение. Освоились. На всё готовенькое, так сказать...

– Ну, теперь уж не полетят.

– Точно.

Некоторое время они молчали. Потом Сара изъявила желание поспать. Колин не возражал – он и сам вымотался от беготни и махания. Да и размеренный ход и урчание механизма под их ногами убаюкивали.

Но перед тем, как лечь, они всё равно смели слой вновь понасыпавшейся пепловой пыли с поверхности «своего» блина.

Проснулись уже в сумерках: довольно плавная езда явно поспособствовала крепкому и здоровому сну. Да и рокот моторов и шелест и похрустывание пепла под колёсами успокаивали – они привыкли к ним быстро.

Собственно, они спокойно могли бы спать и дальше, но движение стало куда медленнее, и происходило теперь словно рывками. Колин встал. С трудом сохраняя равновесие. Пощурился:

– Чтоб мне лопнуть! Дорогу-то... разрыли! Ну, или разбомбили!

Сара вставать не торопилась: осталась стоять на коленях. Только приложила руку козырьком к глазам:

– Срань Господня! Да тут, похоже, и правда – бомбили! Только вот – кто? И кого?

Действительно, полотно дороги на протяжении добрых ста метров было словно специально разрушено: сплошь покрыто воронками, как от снарядов! Глубина каждой дости-

гала метра, а диаметр – пяти!

Но механизмы сориентировались пусть и не быстро, но грамотно: съехали на обочину, и прямо по целине, сквозь кусты и островки высокой травы, объехали подозрительное место. Сара спросила:

– Думаешь – кто-то дорогу минировал?

– Вряд ли. Тогда мы видели бы остатки взорванных машин. И того, чего они перевозили.

– Вот уж нет, если машины были из металла!

– Тоже верно. Но! Я не думаю, что остался кто-то, кто реально мог бы заминировать дорогу. Смысл? Да и мин уж точно не осталось – они же тоже – из металла. Ну, вернее, их корпуса и взрыватели. Нет: тут бомбили. Причём давно. Ещё когда люди были живы! Наверное, пытались как-то предотвратить проникновение туда, дальше, какой-нибудь очередной механической заразы. Ползучей. Ну, или колёсной.

Потому что против гусеничной точно не помогло бы.

– Если честно, вряд ли когда узнаем. Нет больше ни людей, ни орудий!

– Точно. А раз так, давай ужинать. Пока хоть чуть-чуть светло. Потому что как знать: может, ночью удастся сходить на разведку – вон туда, – Колин показал на очередные руины чего-то, снова похожего на заправочную станцию, примерно в паре километров по дороге, на которую снова въехали, побуксовав немного, их блины.

Ужин прошёл мирно и спокойно. Скорость хода блинов всё замедлялась и замедлялась, и к моменту наступления полной темноты достигала едва ли километра в час. Но проехать на километр дальше «перспективных» руин, которые Сара и Колин провожали вождедлёнными взглядами, они-таки смогли. На ночь колонна из десяти блинов остановилась в таком же порядке, как двигалась, прямо посередине дороги.

Колин матюгнулся:

– Гады. Могли бы и там встать – в посёлке.

– Э-э, не парься. Пошли лучше скорее, пока они точно замерли. А отоспимся днём!

– Логично, как ты говоришь. Предлагаю освободить пока оба наших рюкзака, вывалив содержимое прямо на блин, и взять их с собой. Всё нести удобней!

Они так и сделали. Прошли мимо новых машин, пристроившихся в хвосте колонны. Колин крикнул:

– Чтоб мне лопнуть! У этих и колёса – побольше!

Сара отреагировала как всегда практичней:

– Ну и на... рать на них три раза! На этих нам – точно не ехать!

Пройти по колеям, проложенным ребристо-решётчатыми колёсами оказалось нетрудно. Несмотря на то, что Колин шёл медленно, и старался на больную ногу нагрузки не давать, за полчаса они добрались до остатков того, что явно когда-то было мотелем при заправочной станции, и бывшей

автостоянкой при нём. Имелся тут и супермаркет.

Колин сказал:

– Разделимся. Ты – куда хочешь? На осмотр мотеля? Или – в супермаркет?

– В супермаркет. Я люблю шарить по привычным местам.

– Кто б сомневался... Ну тогда я – в мотель. Может, удастся разжиться парой толстых матрацев. И одеял. А то спасть прямо на фотоэлементах жестковато.

– Ни фига. Никакой «пары матрацев»! Не забывай: они снижают количество света к фотоэлементам нашего друга. Так что – не матрацы, а – матрац. И – узкий и короткий.

– Ваше задание понятно, господин полковник! – Колин отдал честь, после чего совсем другим тоном сказал, – Только не выражайся, как тупой бюрократ. «Количество света»! Может, ещё баланс подведёшь: дебет-кредит? Скажи проще: затеняет! Ну а вообще-то у нас не более семи часов. Ночь в начале лета длится именно столько. Так что – не увлекайся. Ищи только воду. И еду.

– Ага. Ну, потащились. – Колин подумал, что свеча в руке сестры будет отличным ориентиром, так же как и его. Вот только...

Для них ли одних?

Или остался ещё хоть кто-то, живущий тут, на планете Земля, теплокровный?..

И выходящий по ночам.

Работали они долго и методично.

Колин действительно разжился, в том, что осталось от комнаток, хорошим матрацем, и тремя тёплыми одеялами. Которые они с Сарой позже, уже «на борту» своей посуды, скатали в плотный валик, перевязав упаковочным шнуром. пока одеяла не нужны, но холодало действительно быстро. Сегодня и ветер был какой-то особенно пронизывающий! Ну а матрац всё же решили подстелить под замёрзшие и уставшие задницы. А ещё Колин прихватил пару простыней: так, на всякий случай. Мало ли!

Сестра разжилась целой батареей пластиковых бутылей с водой: Колин помог их перенести. И теперь дюжина новых ёмкостей с питьевой водой, даже ещё в «фирменных» пластиковых упаковках, по шесть штук, весьма радовала его глаз.

Ещё дюжину, сделав вторую ходку, они добыли и поставили на кормовую часть впередиидущей машины: может, та доведёт их запасы хотя бы до места расставания!

Еды тоже набрали достаточно: и лапши быстрого приготовления, и кукурузных хлопьев, и конфет-печений-пряников, и даже гамбургеров в целлофановых упаковках. Сара по этому поводу высказалась:

– Говорила же я тебе, что котлета в них – не из натурального мяса! Да и вообще – не из мяса!

– Угу. – Колин как раз запустил зубы в один из тридцати запасённых гамбургеров, – Говорила. – голос его звучал глу-

хо, и неразборчиво, – Да это вообще все, кому не лень, говорили. Что не мешало всем их есть! Впрочем, как и вредную кока-колу пить...

– Твоя правда. Сейчас я тоже... Р-р! – сестра вгрызлась в свой освобождённый от упаковки бутерброд, – А ничего. Хоть и «вредный», и полнит, но на вкус – очень даже! Не испортился! Ну а «потолстеть» с пятнадцати-то штук нам точно не грозит!

Запивали они из пластиковой бутылки с тремя литрами апельсинового сока. Вернее, его заменителя с химическими добавками и сахаром. Поэтому «сок» тоже сохранился. И был тоже – «очень даже ничего»! Куда вкуснее минералки. Особенно после недельного её потребления. Колин проворчал:

– Всё равно нам придётся распотрошить какую-нибудь аптеку.

– Это ещё зачем?

– Витамины. В капсулах и драже.

– А-а, это ты – к тому, что свежих фруктов и овощей не видать нам теперь, как своих ушей?

– Точно.

– Логично, конечно. Но если честно, меня больше напрягает не то, что мы будем есть. (В городах наверняка найдутся запасы на несколько лет!) А то, где мы будем жить!

– Ну... В каком-нибудь подземном бункере. Или тёплом доме. С толстыми стенами.

– Ничего не забыл?

– А что?

– Это же, кажется, ты рассказал мне, что все «бункеры» и прочные дома с толстыми стенами разрушены нашими шустрыми друзьями. Взломавшими все эти конструкции в поисках арматуры!

– А ты права. Вот, кстати: мне интересно: плотину Гувера, и другие плотины они тоже – того? В-смысле – раздолбали в поисках арматуры? Тогда у нас все плодородные и населённые долины затоплены. И жить там точно нельзя!

– Ну, положим, не все, а только те, где имелись дамбы. Или электростанции. А вот мне интересно – они уран из ядерных реакторов – тоже сожрали?

– А что: очень даже может такое быть. Металл же!

– А как мы узнаем, в каких сволочах теперь он «содержится»? Чтоб уж не «контачить»? А то ещё облучимся?!

– Э-эх, надо было счётчик прихватить из лаборатории дяди Эрика. А-а, нет: не получилось бы. Его тоже наверняка сожрали! В-смысле – счётчик!

– Вряд ли. Вспомни: там же отрубили свет! Так что думаю, и счётчик, и ещё много чего полезного там, на глубинных уровнях, сохраняется. Но возвращаться...

– Твоя правда! – Колин передёрнул плечами, – Не хочется. Да и «не сохраняется» там больше ничего.

Разбомбили же!

– Твоя правда. Забываю всё время об этом, – сестра по-

мрачнела – похоже, снова вспомнила родителей, – Ладно. А пока – давай-ка займёмся туалетом, благо, бумаги у нас теперь – три упаковки по шесть рулонов. Да и завалимся спать! А то я устала.

Проснулся Колин от рывка. Машина, идущая под ними, вдруг встала.

Быстрое вскакивание на ноги оказалось своевременным: на них снова налетали сверху, и приближались нападающие быстро. Серый сумрак, похоже, легко «усваивался» фотоэлементами что блинов, что разбивах. Колин растолкал Сару:

– Хорош дрыхнуть. Подъём! И заодно – зарядка!

Отбиваться от ещё восьми «волн» оказалось ничуть не труднее, чем от первых летунов. Колин даже находил возможность переговариваться с сестрой, и комментировать:

– Ух ты! А вот эта низко пошла! К дождю, что ли...

Сестра как обычно злилась:

– Оставь свой дебильный юмор на потом! Махай давай!

– Не махай, а – маши!

– Да плевать, как правильно! Маши давай!

Звуки смачных ударов и хруст перемалываемых крыльев-фотоэлементов перекрывал глухой рокот и грохот: манипуляторы и старых и новых блинов легко крошили и ломали лёгкие «воздушные» каркасы и оболочки летучих, и теперь старались сразу привести тех в неработоспособное и неремонтопригодное состояние: учатся, значит, чёртовы же-

лезяки, как отметил себе Колин.

Плохо.

Потому что если Землю захватит «искусственный интеллект», им, людям, ничего не светит. Кроме Марса. Да и то – только до тех пор, пока мошки и туда не долетят...

Отмахивались минут пять. Ни одна волна не отступила. «Уложили» всех. У Колина оказалась порвана рубаша, Сару умудрились поцарапать. Но йод у них в аптечке имелся – царапина на плече щипала, конечно, но сестра мужественно терпела.

Пока блины делали из добытого «материала» пять новых блинов, Колин с сестрой занимались самолечением и завтраком. Туалет сегодня справляли на всякий случай – не слезая с поверхности «своего» блина. Его уже выделяли из общей массы, по «шрамам», и особенностям конструкции, и звали нежно: «наш»!

Справились с монтажом новых «луноходов» блины быстро. И оказались новые машины ещё крупней – чуть ли не в два раза. Вернее, это плоская крышка с фотоэлементами стала куда крупней. А остальные детали конструкции остались почти неизменными.

– Давай-ка кончай с завтраком побыстрее, – Колин, приложивший на всякий случай бинокль к глазам, чтоб рассмотреть получше появившееся прямо по курсу пятно из пыли, поторопился встать.

– А что там?

– Похоже, предстоит нам новая драчка. На этот раз – с кем-то вроде собратьев наших блинов. Во-всяком случае, движутся они по поверхности. Значит, и оружие у них может оказаться помощнее!

– На что похожи хоть? – сестра уже стояла рядом, с битой в руках.

– Даже не знаю... На, посмотри сама! – Колин передал бинокль.

18. «Муравьи»

Похожи новые противники оказались на муравьёв.

Нет: не так. На муравьиных маток. Длинное, приплюснутое, чёрное, и более толстое в кормовой части туловище с шестью лапками, и двумя огромными крыльями. Собственно, примерно таким и был изначальный внешний облик мошек. Единственное, что раньше они были более короткими: походили на «классических» мушек-дрозофил. И не было у них «перетяжек-сужений» между сегментами тела.

Колин проворчал, когда сестра вернула ему бинокль, и он снова глянул в окуляры:

– Спорим, членики-лапки у них – как у разбивах. То есть – заканчиваются острыми и крепкими остриями! И электросварка теперь – на концах вон тех антенн. Или излучателей? Неважно. Но наверняка они теперь могут резать металл дистанционно. С большого расстояния. Давай-ка убираться с крыши «наших». Со всем нашим барахлишком.

Чувствую я задницей, что навалиют бедным блинам!

– С чего это ты так запаниковал?

– А с того. Что уж больно их много. Штук пятьсот. И атакуют не только по дороге, а широким фронтом. Грамотно. Давай, лезь сюда, и помоги передвинуть наш узел к краю!

Узел Колин всё же стащил вниз сам. Сара в это время бегала к «соседу» – забрать баклажки с водой. Забрав свой

нехитрый скарб, они стали быстро волочить брезент от полотна дороги, чтоб не «попасть под горячую руку». Сара, пыхтя, как паровоз, сказала:

– Вообще-то нам бы нужно помочь нашим колёсным! Чисто по-совести: везли же нас! Да и из практики: потому что если победят ползучие, вряд ли они согласятся везти нас верхом! А если победят – как раз ползучих же и наделают!

– Мысль в целом здравая. Однако! Если ввяжемся – нас могут и прибить! Не потому, что «добыча – с кровью», а потому, что – непрошенные помощнички врагов!

– Ну и ...рен с ним! Пусть-ка попробуют «прибить» меня!

– Думаю, за этим дело не станет. – Колин приложил ладонь козырьком ко лбу, затем приложил и бинокль, указав пальцем, – Смотри!

Из толпы движущихся по дороге и обочинам сплошной лавиной агрегатов-муравьёв вылетела словно туча каких-то маленьких и явно острых предметов! И летели они очень кучно. Туча не то стрел, не то – дротиков должна была накрыть все блины, спешно принявших снова защитное построение в виде круга. Наверняка при этом оказалась бы уничтожена масса фотоэлементов!

Колин знал, что страшнее арбалетного стального болта – только пуля! Но чтоб её выпустить, нужно обладать технологией. Порох, капсули, нарезные стволы, и так далее. Ну а длинные заострённые прутья из стали, и пружины для их выталкивания по полой гладкой трубке, сделает и дурак. Осо-

бенно, если у него полная пасть орудий для обработки как раз – металлов...

Однако и блины оказались не лыком шиты: не успели первые стрелы-дротики упасть на их фотоэлектрические поверхности, как колёсные разъехались в стороны, сделав залп абсолютно неэффективным!

Однако он оказался эффективен в другом смысле: разъехавшиеся машины тут же подверглись атаке забрасываемых с туловищ муравьёв какими-то катапультами мелких и явно очень оперативных тварюшек, издали похожих на птиц! И летели они вперёд не только благодаря приданному им начальному импульсу, а и самостоятельно: руля и «хвостами», и направляя свой полёт небольшими заострёнными крыльями-фотоэлементами!

Приземлившись на спины блинов, такие мелкие, не больше сороки, «птицы», работали очень быстро: буквально пулемётно выклёвывали фотоэлементы клювами, разбивая и превращая в труху! Блины, конечно, отбивались манипуляторами, но сразу всех многочисленных тварей убить не могли: те и отвлекли их от основной лавины нападавших, и сильно замедлили, попортив, как прикинул Колин, сразу до половины фотоэлементов!

Так что к тому моменту, когда подросли «основные силы», движения всех, особенно новых, блинов, уже сильно замедлились. И пусть с первыми рядами нападавших «муравьёматок» они ещё как-то справились, разбивая их тела, и

вколачивая в поверхность земли и дороги мощными ударами клешней, остальная часть вскоре задавила: просто наваливаясь сплошной массой! Карабкаясь по трупам уничтоженных и разбитых сородичей, и пуская в ход то, что Колину с первого взгляда не понравилось: электродугу!

Которая в виде молнии, или коронного разряда, была теперь запросто на пару метров! Превращая за буквально долю секунды и фотоэлементы, и даже манипуляторы блинов – в огненно-красное полужидкое месиво, текущее подобно лаве под колёса блинов! И даже попытки некоторых блинов сбежать не помогли: очень быстро им «отъели» колёса!..

Колин с сестрой, укрывшиеся за какими-то невысокими кустами, сжав кулаки и закусив губы, смотрели, как уничтожают их недавних союзников. И транспорт.

Колин вздохнул. Он не боялся, что занятые уничтожением конкурентов машины примутся за людей. Да они с сестрой и не могли привлечь их внимания: «протектор»!

Сестра покачала головой:

– Знаешь, братишка... А я рада, что ты не дал мне остаться защищать наши блины. Против тучи стальных стрел я много не навоевала бы!

– Да. Ведь у нас нет даже щитов, как у древне-римских греков. Которыми они прикрывались от лучников.

– Точно! Да и на кой нам щиты? Ведь они тяжёлые. И их тащить нужно! А с такими тварями... Мы прежде не встречались! И против «птичек» и щиты не помогли бы!

– Думаю, с «такими» и никто прежде не встречался. Мало ли как идёт эволюция у мёртвых машин?! Сама видишь: совершенствуют тактику и средства нападения! Наверняка ведь эти блины – не первый вид машин, которые они уничтожают! И, раз выжили, значит – именно их внешний вид, оружие, и применяемые способы войны – самые надёжные!

– Я, конечно, рада, что ты в таком восхищении от наших новых «друзей»...

Однако что нам дальше-то делать?!

Колин почесал многострадальный затылок. Вздыхнул в очередной раз.

– Думаю, ничего мы пока делать не будем. Посмотрим, как наших бывших друзей разделают и превратят в муравьиных маток. Или птиц. Или – в стрелы. И подождём, пока вся эта новая толпа не уберётся туда, откуда набежала. То есть – на свою базу.

И спокойно двинемся дальше.

– По дороге?

– Ну да. Нам же бояться нечего: те, кто мог нас «заложить», то есть – стрекозы-птеродактили – все перебиты. Металлов у нас с собой нет. Да и протектор, надеюсь, ещё работает.

– Не знаю, не знаю... – сестра поправила чёлку, – Думаю, протектор вскорости действовать перестанет.

– Это почему ты так решила?

– А всё потому же! Как ты говоришь, «эволюция»!

– В-смысле – эволюция?

– Нормальная. Потому что зачем бы им в долговременной памяти лишняя программа? Которая не позволяет убивать существа, которых теперь на поверхности просто – нет!

– Хм-м... Логично, как ты говоришь. С другой стороны – даже без протектора и его программы им нападать на нас смысла нет. Чем бы они у нас поживились?

– Ничем. Но! Они могли бы посчитать нас потенциально опасными. Врагами.

– Это – только если бы мы попытались, вот именно – помочь блинам. Ну, или сами напали на всех этих гадов!

– Мы можем сделать это, конечно. Вот сейчас отследим, где их «база», и ночью коварно нападём, и перебьём всех, кого найдём!

– Дурацкий план. Месть мёртвым машинам за гибель наших блинов не имеет смысла. – Колин продолжал рассматривать происходящее там, на дороге, в бинокль. Он видел, как скрупулёзно оказался подобран каждый дротик. И как мелкие «птицы» понаделали ещё несколько птиц же – явно чтоб оснастить ими более крупных, только что изготовленных муравьёматками – муравьёматок же, – Поскольку им явно чужды такие чисто человеческие понятия, как порядочность, или справедливость. Зато им отлично знакомы понятия эффективности, рациональности и солидарности: грамотно они нападали! Не оставили врагам ни шанса!

Но имеет всё же твой план одно рациональное звено.

– Это какое же? – Сара вглядывалась в удалявшуюся по дороге и пылящую процессию из победивших механизмов, сжимая кулаки – явно злилась за то, что те уничтожили такие удобные транспортные устройства.

– А такое, что пройти мимо их базы мы сможем безопасно только, вот именно, ночью! Поэтому давай-ка двинем сейчас за ними. Не попадая, впрочем, в поле зрения!

Думаю, там, где они обосновались, найдётся что-нибудь интересное и для нас.

План этот очень быстро доказал свою безопасность и потенциальную полезность.

Вдоль дороги, по обочине, и прямо в степи, нашлось очень много валявшихся вещей и предметов, которые могли бы пригодиться в путешествии, если б Колин и Сара уже не были нагружены под завязку этими самыми вещами и предметами. Сара сказала:

– Даже боюсь предположить. Наверняка расколошматили какую-нибудь колонну беженцев, пытавшихся удрать и где-нибудь спрятаться.

Колина поразил одиноко валявшийся красный сандалик – явно с ноги девочки не старше трёх лет. Но он промолчал. Хотя и сам чувствовал, как липкий холодный пот выступает на спине, когда глядел на остальные вещи, разбросанные как попало, и явно в панике. Он не слишком-то хотел представлять себе картины разгрома такой колонны:

– Похоже на то. Но поскольку нам ничего не надо дополнительного, предлагаю не останавливаться для осмотра.

– Почему же не останавливаться?! Смотри: вон и волокуша!

– Ух ты. Твоя правда! – Колин перестал тащить сильно упирившееся на рыхлом пепле полотнище с их барахлишком, и утёр пот со лба, – Ну-ка, посмотрим! Вещи оставим прямо здесь: вряд ли их кто-нибудь тронет!

Сара только иронично усмехнулась:

– Вот уж точно!

Волокуша как раз и оказалась волокушей. Вернее – санными. Сделанными, разумеется, из дерева. И, если честно, больше всего напоминали эти сани – эскимосские нарты. Разумеется, вместо гвоздей их сочленения были сделаны и закреплены с помощью канатиков и верёвочек из кожи, явно сыромятной! По какой-то древней, дедовской, технологии!

– Слушай, вот это повезло, так повезло! Их явно делал какой-то эскимос!

– Ага. – Колин прошёл к носу нарты, – Опытный. Тут есть даже упряжь. Под собак.

– А вон валяется и что-то вроде кухлянки!

– Точно, – Колин невольно сглотнул, представив себе незавидную судьбу обладателя кухлянки, – И нам придётся её взять с собой!

– Это зачем ещё?

– А затем, что сегодня – точно холоднее, чем вчера. И свет

как будто тусклее.

– Ну, с этим трудно спорить.

– Вот и не будем. А просто возьмём её. Для тебя. Ну, и для меня – вообще для любого, кто из нас будет выходить на поверхность, когда землю завалит снегом!

– И откуда же это мы будем «выходить»?

– Думаю, из какой-нибудь хижины, или убежища. Которое мы себе построим. Найдём. Или выроем, когда из-за мороза и снега идти дальше на юг не сможем! Поэтому давай-ка прошустрим. И дотащим нарты до нашего узла. Да и перегрузимся.

На перегрузку и надёжное увязывание их узла верёвками из их запасов и ремнями упряжи к нартам, ушло с полчаса: Колин настоял, чтоб узел они так в виде узла и оставили. А ещё на передке нарт отлично, словно там и родилась, вписалась упаковка с баклашками воды.

Зато все усилия полностью оправдались: полозья из прочной древесины куда легче скользили по шершавой поверхности пепла, оставляя, разумеется, выдающие их следы. Которые сейчас накладывались сверху на хаотичные вмятинки и ямки от остреных конечностей муравьёматок. Вот только вряд ли б нашёлся тот, кто стал бы их отслеживать!

– А знаешь, Колин, – он заметил, что теперь она почти не задыхается, да и сам дышал куда спокойней и ровней, – Мне кажется, нас Бог любит!

– С чего это ты взяла?

– Ну как же! Па достал нам – только нам! – протектор! И трубки для дыхания! А ещё нам повезло с насосной станцией – где бы мы отсиживались, когда они жажнули бомбой?! Если б не подвал и бетонные стены – просто испарились бы мы. Ну и, конечно, вовремя мы оттуда убрались – а то потонули бы, как крысы. А ещё нам повезло с заправкой. Понабирали продуктов и воды. И с блинами – те провезли нас километров пятьдесят!

– Скорее, даже, шестьдесят. – Колин покивал, – Но ты сплюнь три раза, а то – мало ли! Нам, конечно, грех жаловаться, но... Нет, не буду. – он унял все рвущиеся на язык претензии к тому, кто их «оберегал», посчитав, что на высказанные вслух претензии этот Небесный Покровитель мог бы и обидеться, – Главное, мы – живы! И даже волочим своё добро в «комфортных» условиях! Готов поспорить на свою долю еды за месяц против дохлого кузнечика, что это – единственные настоящие нарты на ближайшие пару тысяч километров! Нет, вру – их нигде нет вплоть до самой Аляски!

– Ага. Только уж больно унизительно и стыдно тащить этот ремень, – Сара показала на лямку, проходившую поперёк её тощенькой груди, – я в ней чувствую себя собакой! Упряжной!

Колин, и сам перемещавший по груди вверх-вниз, чтоб не натирала, точно такую же лямку, криво усмехнулся:

– Аналогично. Только вот ты – скорее, щеночек. А старая

и вредная собака тут – я!

Тащили они свои нарты до темноты. Делая перерывы на десять минут каждые полчаса. Часов, кстати, Колин так пока нигде и не нашёл. Но стемнело, как ему показалось, намного раньше, чем вчера, и, тем более, позавчера.

А ведь сейчас – начало июня. То есть – день должен прибавляться!..

Вместо этого небо становилось день ото дня черней, и даже в полдень нельзя было сказать, что посветлело. Что не могло не радовать: все «фотоэлементные» твари из, судя повсему, обширного и разнообразного парка машин, не смогут двигаться! И сдохнут!

Если только так можно сказать про уже изначально неживые механизмы.

За ужином Колин высказал такую идею:

– Знаешь, мне кажется, сейчас у них, ну, у машин, идёт передел собственности. И делёж территории. На зоны влияния. Ну, почти как у животных – те тоже закрепляют за собой «охотничьи угодья» – как медведи, волки, львы... И они из принципа убивают всех вторгшихся – чтоб те не создавали конкуренции!

– Что-то я не поняла твоей мысли. Ты же, вроде, говорил, что все мало-мальски соображающие механизмы должны сейчас не организовывать себе эти... «угодья», где они всё равно шишь чего поймают, а тоже – сваливать! На юг. К

солнцу!

– Ага, я так говорил. Но теперь обнаружилось, что вот конкретно здесь, в этой жуткой пустыне, где нет ни ресурсов, ни даже поселений, которые можно было бы продолжать раскапывать, в поисках хотя бы крупиц металла, обнаружилась стоянка «муравьёматок». Их территория, которую они явно хотят закрепить за собой. И жить здесь!

– Да и ...рен с ними, пусть себе живут! Нам бы просто – пройти мимо, и дойти, как ты предлагаешь, до экватора!

– Ну да. И я предполагал только недавно, что там, на экваторе, у нас как раз будет целая куча конкурентов и соседей: то есть, будет буквально не протолкаться от обилия разных механизмов! Бьющихся за каждый лучик солнца! А оно – вон оно как. Получается, есть «принципиальные консерваторы». Домоседы. Которые предпочитают никуда не таскаться в поисках лучшей жизни, а стараться выжить и здесь!

– Ну и что ты думаешь по этому поводу? Они не верят, что там, – она кивнула в сторону цели их путешествия, – будет хоть как-то лучше? И светлее?

– Именно так я и думаю. А ещё я думаю, что как бы мы, или даже такие профи, как дядя Эрик, или наш отец, ни ломали головы по поводу этой ситуации, точно теперь узнать, как происходит процесс мышления у чёртовых агрегатов, и о чём конкретно они думают, и во что верят – никак не узнать!

– Да и ...рен с ними! – набив желудок, Сара явно не хотела предаваться всяким там «философиям» – Давай лучше

полежим хоть полчаса. А то я так нажралась, что сил нет!

Колин усмехнулся: сам он старался есть поменьше, понимая, что им сейчас предстоит тяжкая работа. До низких развалин, за которыми скрылась толпа нападавших, как он прикидывал, тащиться было ещё километра три. А и потом – чтоб отдалиться от «базы» противника нужно было бы прошагать не менее пяти-шести км. Так, на всякий случай. Например, хотя бы для того, чтоб постараться пересечь условную границу участка, «застолблённого» за собой муравьёматками. Хотя...

Кто знает, кто обосновался там, дальше по дороге? И кто поджидает их в ближайшем городе?

На «радушный» приём и фанфары рассчитывать уж точно не приходится.

– Ладно. Полчаса можешь поспать. Я разбужу. Отсыпаться, судя по всему, мы теперь будем днём. А двигаться по ночам. Во избежание «близких контактов». Спи.

– Угу. – она повернулась на бок, закрыв глаза. Он накрыл её спину курточкой, продолжая сидеть на своих запасных штанах, уложенных прямо на верх упаковки с бутылками, – С таким сторожем, как ты, я ничего не боюсь!

Смотри только – сам не усни!

– Уж постараюсь. Для этого на бутылках и сажу. В задницу колют – не заснёшь!

А то не светит нам никакой поход. А только обход. Или – очередная днёвка. А нам тормозиться нельзя.

Зима наступает!

19. Зима

В том, что она действительно наступает, они убедились ночью, пока тащили свои нарты через «базу» муравьёв.

Базой, если честно, это место назвать было трудно: просто пункт сбора и стоянки. Муравьи застыли, поражённые беспомощной неподвижностью, словно каменные изваяния, опустив стальные брюшки наземь, и на полотне шоссе, и по обочинам, и в том, что когда-то явно было палисадничками с подстриженными аккуратными газонами при домах-коттеджах. И именно так эти самые коттеджи и развалились, как Колин видел в лаборатории... Если совсем уж честно, он не понимал, для чего насекомоподобные твари собрались во что-то вроде стада: ведь напади на них сейчас кто-нибудь в реальности, никакого сопротивления они оказать так и так не смогли бы! Обездвижены же!

Впрочем, мыслей типа поразбивать их крылья, попрытывать и покрушить их тела, и вообще – как-то навредить «свопочам», Сара, к счастью, больше не высказывала: убедилась, что работёнки тут на целую ночь. А то – и не на одну. И работёнки бессмысленной: колония насчитывала явно куда больше особей, чем те пятьсот, что выбегали навстречу блинам. Муравьёв оказалось ну очень много.

Мимо застывших обитателей «поселения» Колин с сестрой тащились почти без опасения: ни один фотоэлектриче-

ский глаз не следил за ними, и ни одно из стальных насекомых не сделало ни малейшего движения – ни туловищем, ни даже члеником! Однако отделаться от дурацкой мысли о том, что их видят, чувствуют, и строят коварные планы разделаться с нарушителями ночного спокойствия, Колин не мог. Но похоже, аккумуляторов, как Колин боялся, твари всё же не изобрели. Ну, или их не изобрели именно *эти* твари.

Но это не гарантирует, что их не изобрели другие, более «продвинутые». Образовавшие другую колонию, другое сообщество. И подспудно Колин догадывался, что случись такое, и доберись «аккумуляторные» сюда – и «накроют» как раз ночью всю эту колонию. (Да и не только – эту!) И переработают. Только вот – в кого? Вернее – во что?..

Колин с Сарой пытели, и потели, даже несмотря на куда более приемлемые условия «волочения». Идеи о том, чтоб порыться в развалинах домиков никто из них тоже не высказывал. Да и так, наверное, было к лучшему: чем ещё полезным в их условиях там можно было бы разжиться? Ещё упаковкой туалетной бумаги? Баклашкой с водой? Упаковкой с гамбургерами?..

К полуночи Колин оценил бы ночное падение температуры по сравнению с обычной летней уже градусов в десять: наверняка сейчас было не больше плюс пятнадцати. Прохладно, конечно. Но для тяжкого физического труда – оптимально. А вот если будет ещё похолодней, придётся и куртки одевать. И мокрые майки постоянно переодевать. Благо, они на-

шли и взяли с собой несколько смен как раз – нижнего белья. Даже кальсоны с начёсом – и для Сары и для Колина. Плюс, конечно, свитера...

Когда выбрались наконец из поселения, и Колин почувствовал невольное облегчение, Сара высказалась:

– А жутко. Куда там – Стивену Кингу! Реально: словно прошли сквозь кладбище!

– Не парься. Просто давай сейчас отдохнём, переоденем вспотевшее бельё, да двинем дальше. Предлагаю не выделываться. А идти, пока есть силы.

Ну, или не наступит утро.

– Звучит удручающе. Особенно – насчёт того, что нам теперь так и тащить эти сани. Но насчёт переодеться – я – за! Мысль здравая. Потому что в мокрой майке продувает! А нам сейчас простывать ну никак нельзя!

– Ты говоришь, прямо как ма.

– Точно. Повзрослела?

– Уж не без этого. Да и кто бы в таких условиях, – Колин обвёл рукой горизонт, и оставшиеся позади воронку, станцию, и городок с муравьями, – не «повзрослел» бы...

Ладно. Распаковывай давай наш тюк.

– Ага. – она принялась в темноте на ощупь развязывать узлы, которыми они стянули горловину своего тюка, – Предлагаю вообще всю сменную одежду достать сразу, и упаковать отдельно – в твой рюкзак. Чтоб в следующий раз не возиться!

– Мысль здравая. А вот мне ещё пришла в голову другая: нужно поставить на наших санях пару шестов, натянуть между ними верёвку, да и сушить наше пропотевшее. Пока будем идти, его ветерком-то и проветит!

– Хм-м... А что: разумно! Только вот где мы возьмём палки?

– А за ними я предлагаю вернуться в посёлок. Благо, отошли недалеко! Да и отдохнём заодно во время прогулки. От тягания-таскания.

Нога сейчас беспокоила Колина гораздо меньше. И отдавалась тупой болью только во время волочения, когда сильно отталкивался. При ходьбе же он просто прихрамывал.

Палки для растяжек нашли легко. И выдернули из обломков того, что когда-то было коттеджами, без проблем: ведь не было в них уже ни единого гвоздя или шурупа!

Колин заодно захватил осколок толстого стекла: резать верёвки, да и вообще всё, им было нечем. Поскольку рассчитывать найти металлические инструменты или ножи уже не приходилось. Если так пойдёт и дальше, усмехнулся он про себя, придётся и правда – снова осваивать технологию изготовления наконечников копий и стрел из кремня. А лучше – кости. Поскольку, хоть стреляй, он не знает, как выглядит этот самый кремний.

Палки удалось закрепить довольно легко: на нартах, словно специально сделанные, имелись поперечины. Когда натя-

нули верёвку, концы её для вящей устойчивости тоже привязали к нартам – спереди и сзади: настоящие расчалки, как при закреплении мачты. Теперь их волокуша сильно напоминала пиратский корабль: даже с «парусами»! Кроме промокших маек, повесили и ещё кое-что, недосушенное вчера.

– Ладно. Пусть и выглядит дико, зато – действительно продувает ветерком. К ночёвке – тьфу ты, днёвке! – высохнет!

– Ага. Ну, потащили.

– Потащили.

Вскоре они придумали и ещё кое-что: переместили с передка нарт упаковку с бутылками – на «корму». Теперь полосья куда меньше зарывались в пепел, и тащить стало ещё легче. Кстати, Колин обратил внимание, что тут слой пепла стал куда тоньше: не больше дюйма! И ногам теперь легче было нащупать жёсткую опору в виде асфальта.

Заметила это и Сара:

– Как я рада, что больше не приходится вытряхать проклятый набившийся пепел из кроссовок каждый километр!

– Угу. Тащи давай.

Привал с ужином, а, вернее, ранним завтраком, они сделали, когда начало светать.

Посоветовавшись, решили продукты и вещи, которые взяли с дальним прицелом, тоже рассортировать. Чтоб не развязывать основной тук каждый раз.

Продукты, правда, отобрали только на ближайшие несколько дней. Упаковали в рюкзак Сары – его тоже разместили теперь снаружи, привязав верёвками. Стекло пригодились. Колин буркнул:

– В следующем городке нужно будет подобрать осколок поудобней. В виде лезвия. И обмотать каким-нибудь скотчем «рукоятку». (Вот: кстати! Нужен запас скотча!) А то этот – слишком прямоугольный. Держать неудобно.

– Ерунда. Режет же! И вообще: век живи – век учишься.

– Вот-вот. А я бы ещё дополнил эту поговорку моралью: а ...рена ли толку!

Сара возмущённо фыркнула. Потом хихикнула:

– Пошляк! Хотя, если подумать, то – да. В таком виде она мне нравится куда больше. Приблизена, так сказать, к практике.

– Ладно, потащились. Нужно пройти ещё хоть пару миль.

– Ага. Сейчас, только от лишней воды избавлюсь.

Через три километра они действительно сделали днёвку. Прямо в чистом поле, под склоном какого-то холма, густо поросшего какими-то кустами вроде саксаула, и уже лишь слегка припорошенного пеплом. Колин сказал:

– Предлагаю не мудрить. Поставить нарты – сюда, чтоб не так задувало, и закрыть щель под полозьями вон тем одеялом. А на этом – спать. Накрываться всё равно смысла нет – ты ворочаешься, и одеяло то стягиваешь, то скидываешь.

Так что – в тёплых штанах. И куртках. Кстати: нужно переодеть на «ночь» носки – а то эти промокли насквозь. Постирать бы, как дойдём до водоёма какого.

Думаю, караулить от всяких «опасностей» смысла нет. Кто бы тут не захотел на нас напасть – бежать-то – всё равно некуда! А сопротивляться мы, пожалуй, уже не сможем. Наши биты таким – ни по чём. Твари сильно укрупнились. И арсенал средств нападения у них – будь здоров!

– Ну а чего б ты хотел. «Естественный отбор»!

– Точно. Выживает сильнейший. И подлейший.

– То есть – в нашем, да и любом, мире, процветают мерзавцы и негодяи?

– Ну, типа того. А так называемое «государство» придумали слабаки. Чтоб хоть как-то уравнивать возможности слабых и трусливых особей – с возможностями тех, кто посильней. И мог бы легко отбирать у слабых продукты их труда! Это только позже отбирать стало можно и без грубой силы – а с помощью доллара...

– Смотрю, ты у меня философ. Ну, или историк.

– Нет. Я – прагматик. Поневоле. И думаю, как нам воспитывать наших детей. На каких основах строить их образование. И какие моральные установки в них закладывать, чтоб могли выживать. И не грызться между собой за еду и тёплый угол у костра.

– Ух ты! – Сара поморгала на него с уровня земли. Она уже лежала, подложив руку под голову, – Какой ты у меня

предусмотрительный! И далеко вперёд смотрящий. Скажите пожалуйста: он обеспокоен «воспитанием» наших детей! Да до их появления ещё дожить надо! Сам сказал: мне должно исполниться хотя бы пятнадцать! А протянем ли мы столько?! Зима же! И расти ничего не будет! А даже запасы даже самого «неразграбленного» города рано или поздно – кончатся!

– Ничего. Двинемся снова в поход. Найдём следующий неразграбленный. Так и будем кочевать. На юг. Пока климат не восстановится. И травка, и прочие растения не вырастут снова. Говорят, в условиях заморозки семена многих растений могут жить до тысячи лет. Я слышал, что удалось прорастить даже семя лотоса, пролежавшее четыре тысячи лет в гробнице какого-то там фараона!

– Очень интересно. – но лицо и подёргивание плечика говорили как раз об обратном, – Но ты мне от темы не уходи. Речь шла о наших детях. Так как ты намерен их воспитывать? И чему – учить?

– Ну, в первую очередь – выживать, конечно. – Колин тоже лёг на одеяло, правда, на спину. – То есть, например – как делать наконечники копий и стрел. Из камней. И костей. Точильные-то камни – должны где-нибудь найтись. В супермаркетах. А вот с молотками и напильниками точно будет проблема... Как и с металлом.

– А-а, вот! Кстати! Давно хотела спросить. А что будет со всеми этими чёртовыми железяками, когда солнце оконча-

тельно закроют тучи? И наступит тьма?

– Хм-м... Если честно – не знаю, Сара. Думаю, что они всё равно примутся между собой воевать. Чтоб из убитых врагов понаделать всё более и более крупных особей. Сама видела: чем крупней «мошка», тем легче ей убивать конкурентов!

– А вот и нет. Муравьи были куда мельче наших блинов-луноходов!

– Зато они действовали – стаяй. Как волки. Или львы. Ну, я тебе уже говорил – кооперация, так сказать. Но! Когда солнца станет меньше, будет не до неё даже в «стае». И начнутся бои за выживание сильнейшего! Не хотелось бы при этом присутствовать!

– А мне – хотелось бы! Ведь наверняка найдётся на что посмотреть! А то телевизора сейчас нет. А книги читать я терпеть не могу.

– Чего такое ты говоришь? Ты же и читать-то ещё не умеешь!

– Ну и что?! А я – заранее терпеть не могу! Вот уж – глупее занятия не придумаешь, чем пялиться, как дятел, в листик с буквами! Это же даже – не экран!

Колин почесал в который раз многострадальный затылок.

Спорить смысла нет. Как и приводить аргументы, типа, там – жизни и судьбы других людей. И полезность знания. В виде справочников и руководств. И поговорку «Никогда ещё незнание никому не помогло!». И т. д и т. п.

Их мать сроду не читала. И – что? Помешало это ей устро-

иться в жизни?!

Вот именно. То есть – для женщины образование, грамотность, и любовь к книгам – не главное в жизни! А главное, как он давно понял – физическое здоровье, и трезвый прагматичный ум. Ну, и красота, конечно – чтоб выбрать среди «элитных» кандидатов самого перспективного и богатого! А уж «обеспечивать семью» едой и всеми прочими материальными благами – задача «выбранного» отца!

То есть – его. Поскольку альтернативных мужчин, как, впрочем, и женщин, они пока что-то не... Вот именно.

И он теперь с полным основанием при ухаживании может говорить своей даме: «Ты у меня – единственная!»

– Возьми-ка вот эту майку. – он подал сестре тонкую хэб-эшную маечку, – Закроешь лицо от света.

– Ха! Так я же тогда ничего не увижу! А вдруг какая опасность?!

– Насчёт опасности мы уже переговорили. Нет у нас шансов, случись действительно – нападение. Так что спи давай. Отдохнуть надо. А то ноги так и дрожат.

– Угу, согласна. Ладно. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Спать с даже накрытым лицом при тусклом свете оказалось и непривычно и неудобно. Колин долго ворочался, но в конце-концов, похоже, всё-таки заснул.

Проснулся потому что уже на закате.

Сара спала – посапывала из-под майки.

Колин встал, чтоб справить нужду, и замер: вокруг их «лагеря» имелись свежие следы в пепле: те ещё впадины-вороночки. Чёрт...

Приходили к ним, значит, муравьеподобные. Ну, или кто-то, передвигающийся на ногах-члениках. Бескрылый.

Однако, к счастью, ничем сохранившиеся люди неожиданных посетителей не привлекли. Ф-фу-у...

Сделав свои дела, Колин надумал разбудить Сару: темно-ло непривычно быстро, прямо на глазах, а зажигать снова свечку, чтоб поесть, смысла не было:

– Сара! Просыпайся. Скоро солнце зайдёт. Нужно поесть.

– М-м! Отстань! Я спать хочу! – она даже не открыла глаз на его торможение.

– Ну, значит, есть тебе придётся в темноте. Свечку не дам. А сам поем сейчас.

– Скотина прагматичная. Ну ладно, ладно, встаю...

Ужин прошёл почти в молчании. Сара явно встала не с той ноги – ворчала, сетовала, и придиралась. Колин посмеивался:

– Нет, ты – точно в мать. Та могла бы пристебаться и к телеграфному столбу!

– Свинья! Я – гораздо красивей! – она тряхнула грязными и свалявшимися со сна волосами, и Колин невольно снова подумал, что рани или поздно придётся их всё равно остричь: чисто из практических соображений. Вымыть-то –

в холодрыге всё равно нельзя будет! Да и вши... не дай Бог – заведутся! Не выведешь ведь!

– Да-да. Безусловно. Богиня. Предел моих сексуальных фантазий. Единственная моя! Непревзойдённая и неповторимая!

– Вот ведь гад! – но теперь она всё же заулыбалась, – Говори! Говори мне комплименты! Красноречивый мой! Уроки, что ли, у кого брал? Или книги читал?

– Нет. Мелодраматические фильмы смотрел. Про любовь. И всё такое. И пусть я ещё молод, но общий принцип понять нетрудно.

– Да-а? И какой же?

Колин сдержал рвущуюся на язык циничную и пошлую поговорку насчёт того, что если бы комплимент был не преувеличением, он был бы не комплиментом, а просто констатацией факта. Вместо этого сказал:

– Если девушка тебе нравится, нужно так ей и сказать! И не молчать стыдливо в тряпочку, стесняясь! Ну вот я тебе и сказал!

– Хм-м... Не знаю, как реагировать. Я ведь ещё так молод! Неопытна...

Колин посмотрел в лукавые глазки. Прыснул:

– Сама ты – свинья!

Теперь они рассмеялись оба.

Сара сказала:

– Похоже, мы будем шикарной парой! Во-всяком случае,

с чувством юмора у нас всё в порядке!

Колин в который раз не нашёл нужным отрицать бесспорный факт.

Путь по шоссе до ближайшего неразбомблённого городка занял три ночи.

К концу пути уже настолько похолодало, что им и правда приходилось идти в куртках и тёплых штанах. И с подштанниками. Колин думал, что будь у них градусник, он бы показывал не больше плюс пяти.

Но когда они наконец вступили на улицы городка, насущные проблемы отвлекли их от пронизывающего ветра и холода.

– Предлагаю много не мудрить, а сразу найти угол, где можно забазироваться на очередную днёвку. Чтоб там не дуло!

– Согласна. А город-то... Приличный!

– Ещё бы! Согласно карте, в нём жило тридцать пять тысяч. То есть – нам тут найдётся где пошарить! Но вначале – поищем, где остановиться.

– И что надумал?

– Двинемся в центр. Может, чего и найдём. А главное – все стороны города будут неподалёку! Удобно для разведки.

– Согласна. Звучит разумно. Ах ты, надежда моя и опора!

– Не забывай: ещё и «мозговой центр»!

– Точно. А я – типа, беззаботная домохозяйка! Безмозг-

лая!

– Хватит. Не нужно устраивать очередную сцену. Я против твоих мыслительных способностей, вроде, не выступал. Меня они устраивают. В отличии от отца. А ты умом – в него. Значит, тоже, как и я – циничная, практичная, и хитрущая.

– Хе-хе. А умеешь ты помазать повидлом гадость. Которую сказал.

– Это какую же?

– Что я – хитрущая. Это ма у нас была хитрущая!

– Но ты-то у меня намного красивей! И хитрей. И умней!

– Была бы сковородка – ты бы точно огрѐб бы по башке твоей дурацкой!

– Вот! Видишь, какая большая польза от мошек? Единственный мужчина на всѐм белом свете мог бы пасть по причине «бытового насилия»! Но остался цел!

– Да, повезло тебе, скотина ехидная. Ну ладно, – она переключалась с темы на тему так же быстро, как любая женщина, – А как насчѐт вон того перспективного на вид домика? Кажется, там есть бетонный подвал!

20. Временное пристанище

Подвал действительно при домике нашёлся.

Собственно, это был не подвал, а подземный гараж. Сейчас почти полностью засыпанный разным хламом, с верхних этажей и перекрытий, после того, как мошки повыжигали из бетона и дерева стальные скрепляющие части: арматуру, гвозди, скобы...

О том, что от стоявших внутри гаража двух автомобилей осталась только обивка сидений, к тому же испорченная и заваленная мусором, можно было и не говорить.

– Неудобно. Слишком широкий. Сверху перекрыть нечем. А ночевать и жить под открытым небом сейчас – сама понимаешь. Давай поищем ещё.

– Ну... Согласна. Тем более, что разгрести весь этот хлам, – она презрительно обвела ручкой царивший в огромном помещении разгром, – как-то не хочется!

– Угу. Ну, двинули.

– Двинули. Предлагаю только оставить наши нарты пока здесь.

– Разумная мысль. Прямо посреди дороги и оставим. Чтоб видеть издали, и не плутать. А ещё предлагаю разделиться. Ты будешь осматривать все дома с правой стороны дороги, а я – с левой.

– А почему это я – с правой?!

– Хорошо. – Колин сдержался, – Осматривай с левой.

– Нет! Мне с правой – удобней!

– Вот и давай. Найдёшь чего перспективного или подходящего – кричи.

Они наконец двинулись по улице, переступая через обломки бетонных глыб, раздробленных при добыче арматуры, кирпичи, шлакоблоки, и древесностружечные и пластиковые облицовочные панели. Колин уже прикидывал, как бы эти панели, те, что покрупней, использовать в качестве крыши. Если они найдут не очень большой подвал. Типа, ремонтной ямы в каком-нибудь гараже. Ну, или придётся тогда найти какие-нибудь деревянные балки, и настелить вначале – типа каркас, а уже на него – панели. Которые нужно будет защитить от влаги, дождя и снега. А до снега, кажется, оставалось совсем немного: небо над головами буквально нависло свинцовой давящей громадой. Ну, на его психику оно точно – давило. Почти чёрное...

– Колин! – звонкий голосок сестры отлично было слышно в царящем вокруг гнетущем молчании, – Иди-ка сюда!

Колин, успевший осмотреть шесть домов, и не нашедший ничего подходящего, крикнул:

– Иду! Ты где? Не вижу!

– Господи, ну иди на звук голоса! А я тебе песенку спою! Ла-ла-ла...

– Хватит! Уже нашёл.– Колин действительно увидел пыльную и серую сейчас, а когда-то – золотисто-белую го-

ловку Сары, маячащую над очередными руинами.

– Вот, посмотри! Эта яма – длинная и узкая! Её легко можно, если что – перекрыть сверху! Какими-нибудь... дверями!

Колин подумал, что действительно – дверей им попало много, и почти не тронутых: на клею же! Другое дело, что в них не было особого смысла теперь, когда входные порталы, то есть – косяки, которые они перекрывали, оказались разрушены. Как и дома.

Яма, которую Сара нашла, оказалась бассейном. Правда, весьма специфического вида. Хозяин этого участка, построив чересчур большой дом, столкнулся с нехваткой пространства на участке. И, очевидно, решив не мудрить много, а использовать бассейн для того, для чего тот и предназначен – то есть, плавания, сделал его шириной в полтора, зато длиной – аж в двадцать метров! Бассейн даже в таком «сплюсненном» виде вплотную прилегал к кирпичному забору, отделявшему соседский участок.

Стены и пол полутораметрового в глубину сооружения оказались облицованы голубым кафелем, и сделаны были явно без стальной обрешётки или сетки: остались целы.

У того торца, возле которого они стояли, имелись даже ступеньки: стандартные, бетонно-шершавые, удобные. Смешно сказать: возле них стояли и шлёпки...

– Прекрасно. – Колин похлопал сестру по плечу, – Поздравляю! Здесь мы действительно легко перекроем сверху

– дверями, или ещё чем, а внизу понатаскаем каких-нибудь матрасов, хоть надувных. И от пола будет не холодно. Зато какое прикрытие от ветра!

Единственное, что мне не нравится...

– Да? – она казалась обидевшейся за то, что он нахмурил брови, и сейчас явно будет придираться, – Чего на этот раз?!

– Если мы полностью накроем сверху перекрытиями от дождя и снега вон тот конец, мы сами себя как бы... Загоним в ловушку! То есть – если кто захочет на нас напасть – легко сделает это! А пути отступления не будет!

– Хм-м... – она потеребила себя за грязный свалывшийся почти в войлок локон, – А вот тут ты пожалуй прав. Только ведь нет сейчас здесь, на поверхности, никого живого!

– Да, точно. Наши мошки, похоже, съели даже крыс. Чего человечество не могло сделать за пять тысяч лет своей цивилизации – избавиться от этих грызунов!..

– Ну, хоть какая-то польза от мошек!

– Твоя правда. Ладно. Значит, нужно предусмотреть всё-таки в том, дальнем, конце, какой-нибудь вариант выхода. А всё остальное – полностью закрыть! Вот до сюда! – он показал на место прямо у ступенек, – И ещё – нужно будет найти какой-нибудь лист шифера. Его нужно разместить над тем местом, где мы будем разводить костёр. А то двери-то – из дерева! Не дай Бог, загорятся!

– Твоя правда. Ну что? Мы решили? Переезжаем?

– Да. От добра, как говорится, добра не ищут. Не будем

мудрить, а расположимся здесь. И близко к центру, и удобно. Есть даже ступеньки.

– Да. Удобно. Так что? Перетаскиваемся?

– Да.

Перетащили нарты довольно быстро. Хоть и не без усилий. Колин снова пропотел. Сара проворчала:

– Когда уже пойдёт чёртов снег? Затрахалась я волокать чёртовы сани – по асфальту!

– Думаю, за этим дело не станет. Снег действительно помог бы волочить. Только вот плохо, что когда он пойдёт – будет очень холодно. И будет всё холодать и холодать!

– И что предлагаешь?

– Да то же, что и раньше. Быстренько обыскиваем руины, оцениваем примерный объём того, что можем и сможем позже найти съестного. И стаскиваем сюда, к берлоге, всё потенциально полезное и съедобное. Обустраиваемся. Делаем какие-нибудь перегородки. Чтоб отделить ту часть, где будем жить. И разводить костёр. А потом думаем.

Хватит ли нам разведанных и натасканных запасов надолго, или... Или придётся, пока не слишком похолодало, двигать дальше! В городки побольше!

– А я думаю по-другому.

– Вот как. – он не скрывал скепсиса, – И как же?

– Думаю, нам нужно как можно скорее найти и понатаскать одежды, тёплой одежды. И прочих матрацев. А ещё за-

пасти продуктов – в какое-нибудь место поблизости, которое можно будет использовать как склад. И когда трахнет настоящий мороз – они уж точно будут и в сохранности, и в пределах досягаемости! И мы будем спокойно сидеть и греться, и жрать, пока запасов хватит! А уж только потом куда-нибудь потащимся.

– Хм-м... Устами младенца... Мысль здравая. – он кивнул, – Осмотримся.

Очень скоро они выяснили, что две бывших «комнаты» в большом доме при бассейне запросто можно расчистить от обломков, и использовать. Ведь крыши делать над ними не нужно! А поместиться в просторные помещения может много чего.

– Ну хорошо. Давай, действуй. – Колин утёр пот со лба, – поищи чего нетяжёлого, вроде курток, одеял и матрасов, а я пока займусь расчисткой.

На этот раз сестра не возразила: видела, что есть такие обломки и рухлядь, которую она просто физически не сможет оттащить или приподнять. Колин и сам был не в восторге от работёнки, которую себе выбрал. Но – деваться некуда! Он – мужчина, и гораздо сильнее. И его дело – обеспечить место, куда можно сложить запасы. А дело женщины – как раз притащить в расчищенные склады то, что она посчитает нужным. Ну а потом и он примется за стаскивание – всего тяжёлого и трудоёмкого.

Справедливое разделение труда.

Работать договорились часа три – сил после похода оставалось маловато. Да и светало уже. Колин умудрился всё же полностью очистить от хлама и обломков одну из комнат. И они с сестрой сразу начали загружать её одеялами, шубами, шапками, пальто и свитерами, и прочими предметами тёплой одежды, которые нашла Сара. Колин проворчал:

– Всё равно – хорошо бы сделать какой-нибудь навес. Моя рачительная душенька болит, как подумаю, что всё это добро будет погребено под снегом. А кто его знает? Может, его будет слой – действительно метра в два?! А, да! Чуть не забыл! Нужно же ещё натаскать сюда, хотя бы в бывший двор, веток и палок! Топить-то мы чем будем?

– У-у! Боюсь, с этим у нас туго. Вдоль даже центральной улицы – ни единого дерева!

– Не может быть. Я сам видел штук пять. Только – упавших! Может, от ударной волны, может, от урагана. Повалило их, короче. Ну и хорошо: нам же будет удобней обламывать их!

– Удобней-то оно удобней... Да только вот пила была бы нам больше в тему. Напилили бы спокойно! И толстых ветвей, и стволов. А так – вся надежда, получается, на веточки, да палочки, которые раскопаем в раздолбанных домишках!

– Согласен. Нужно подумать. Из чего бы нам пилу сделать-то.

Ну а пока давай-ка завтракать, да баиньки.

В непривычной обстановке, в тесном помещении, пусть и прикрытом уже сверху пятью дверьми, что оказались поблизости, в самом доме, спать было не слишком спокойно и комфортно. Пронизывающий ветер всё равно гулял вдоль их ямы, словно игнорируя тот факт, что теперь она должна быть обезопасена от сквозняков: один из торцов закрыт! Колин, ворочаясь под тёплым синтипоновым одеялом, притащенным Сарой, на мягком синтипоновом же одеяле, думал, что, вероятно поспешили они с обустройством «гнездышка». Может, смогли бы добраться, пока снег не выпал, до следующего городка – на побережье.

Правда, до него не меньше ста миль, а по дороге только заправки и небольшие посёлки... Пожиться точно нечем. Как, собственно, и в самом приморском городке – он всего на пять тысяч жителей. То есть – гипермаркетов и запасов – минимум!

Но наконец усталость взяла своё, и он задремал. Понял это по тому, что проснулся, когда рядом раздался оглушительный удар!

А вот и второй! Да какой!!!

Что-то огромное и чёрное проникло сверху в их с Сарой новую берлогу, и выворотило из стены метрах в десяти от них, огромный кусок штукатурки с кафелем!

Колин автоматически вскочил, схватив на руки сестру, и прижал её к груди, повернувшись спиной к чёртову агрессор-

ру!

Чёрная штуковина, сверху ударившая в дальний конец их берлоги, так же внезапно исчезла из виду, отдёргнувшись, и скрежеща суставами! Колин, оглянувшись, увидел теперь, пусть в тусклом, но всё же – свете, что это – суставчатая гигантская металлическая нога! Вернее – лапа. Ну, или членник. Поскольку принадлежал он явно какому-то чудовищно огромному насекомому.

– Вот ведь сволочь! – Сара, во все глаза смотревшая на конечность, выматерилась, – Мы ещё построиться как следует не успели, а она уже всё нам разворотила!

– Скажи спасибо, что она не наступила на нас! Ещё метров пять – и не осталось бы на Земле «последних людей»! И превратились бы мы в лепёшки!

Грохот снаружи между тем продолжался: было очень похоже, что лязг и скрежет, царившие там, происходят от нешуточного сражения! Сражения насмерть! И пусть пока кто дерётся, видно не было, но земля ощутимо сотрясалась от переступания гигантских конечностей! Значит, чудовищно огромная тварь явно – не одна!

– Пойдём-ка лучше посмотрим. – Сара освободилась от его объятий, спустившись на пол, и снова поправляя чёлку и причёску (Вот уж: инстинктивное это у всех женщин!), – А то так всё и пройдёт без нас!

– Ну... Хорошо. – Колину и самому, конечно, было любопытно. Ведь всё-таки – сражение происходит возле их ново-

го «дома»! Вдруг в пылу схватки противники так разойдутся, что придётся бежать! А тут они сидят, как крысы в норе – ни фига не видно! А главное – не ясно, когда настанет время драпать!

Выбираться всё равно пришлось через тот торец, где имелись ступеньки: вылезти из полутораметровой ямы без дополнительных подставок оказалось невозможно (Колин взял на заметку!). Шум и грохот к этому времени усилились, и земля содрогалась почти как при землетрясении. И оглянувшись назад, Колин понял, почему. Он открыл было рот...

Но промолчал.

Сара оказалась куда эмоциональней:

– Срань Господня! Вот это да!

– Не выражайся.

– Ладно-ладно. Тоже мне моралист нашёлся. А тут – кто бы не «выразился»!

Колин кивнул: зрелище впечатляло.

Чудовищно огромное металлическое чудище, похожее на богомола, сражалось с крепко сбитым, и несколько меньшего размера, жуком. Похожего на знаменитого жука-скарабея. Богомол, раскинув во все стороны четыре радужно отблёскивающих полупрозрачными поверхностями, крыла, размахом в добрые двадцать шагов каждое, пытался достать до уязвимых мест напминавшего древнюю бронированную черепаху, жука. Тот вертелся практически на месте, прикрывая передними манипуляторами-клешнями свой перед, и стара-

ясь не подставляя под дугу плазменных разрядов треугольной головки богомола, двигавшейся туда-сюда на длинной шее, свой тыльный торец. Вероятно, там его защита была послабей.

Передние, более длинные, клешни богомола не могли пробить защиту – пусть более короткие, но толстые и мощные членики жука успешно справлялись со всеми наскоками и движениями! А задние лапы богомола в сражении не участвовали – они возносили его туловище на добрых пять метров от земли, и позволяли довольно быстро маневрировать, передвигаясь как бы – по кругу, атакуя монолитно-непробиваемого монстра на... гусеницах!

Да-да, огромный бронированный жук передвигался на чём-то вроде стальных лент, состыкованных из отдельных звеньев-траков! И именно их грохот и движения производили большую часть шума, давая осколки и обломки, над которыми происходило сражение!

– Слушай, а мы много пропустили! А где наши любимые блины и муравьёматки?

– Боюсь, мы их больше не увидим. Говорил же я тебе: похоже, преимущества в условиях слабеющего освещения будут иметь всё более крупные механизмы! С огромной силой. И огромной же поверхностью для фотоэлементов.

– Что за чушь! Ведь у жука и вовсе нет никаких фотоэлементов! Он что – разжился ядерным реактором?!

– Вряд ли. (Иначе нам – пипец бы!) Просто, думаю, всё

его тело – сплошная солнечная панель! Чёрная же! То есть – тепло и свет усваивает эффективней всего!

– Ну и кто теперь выражается?!

– Твоя правда. Извини. Но если честно, пока сражение не слишком-то «зрелищно». И явно не наносит ощутимого ущерба ни одному из них. Так, просто переступают, переезжают, и кладают манипуляторами. А, ещё искрами сверкают!

– Ну, не знаю... А, нет! Смотри-смотри!

Колин действительно приложил бинокль к глазам: сражающиеся, кружась вокруг друг друга, уже удалились шагов на семьдесят! А момент явно оказался ключевым!

Жук, внезапно подавшийся сильно назад, и распахнувшийся что-то вроде надкрыльев, выпустил оттуда настоящие... Крылья! И, пусть тяжко, но – взвился в воздух! Но полетел недалеко!

С высоты в двадцать метров он рухнул всей массой прямо на спину опешившего на секунду богомола, и оказался в пределах того места, где крепились радужные тонкие фотоэлементы-крылья врага!

Мгновенно перерезанные пущенной в ход огромной плазменной струёй, крылья богомола грохнулись на обломки города. Тело, у которого тут же подогнулись ноги-рычаги, пошатавшись, тоже рухнуло вниз, подняв в воздух тучу пепла и пыли...

Грохот и гул наконец прекратились. Сара презрительно

отклячила губку:

– Фи! Я-то думала... Быстро. И неинтересно.

Как будут изготавливать очередного жука, Колину смотреть было тоже не интересно.

Но пришлось – во избежание.

Но через пятнадцать минут оба жука – и старый, чёрный и помятый, и новый, блестящий и огромный, отправились в полёт: на юг!

– Чтоб им провалиться! Жаль, мы не догадались уцепиться!

– А ты оптимистка. Вот уж не думаю, что они бы нам это позволили: вес!

– Твоя правда. Ладно. Полезем досыпать?

– Угу. Хотя спать нам теперь лучше всё-таки – снова ночью.

Потому что во тьме мы особо много чего не найдём. Да и опасно: можно поцарапаться, или провалиться куда. А травмы нам без надобности.

Лучше всё же – при дневном свете. Какой-никакой, а – пока есть!

21. БЫТ

Внутри их «дома» было, конечно, не так уютно, как в комнатах того, старого, коттеджа. Скорее, их нынешнее обиталище напоминало какой-нибудь подвал. Или технический проход. В бункере. Или Убежище – по таким проходам отец тоже Колина водил. Тягостное ощущение от этих мрачных катакомб сохранилось до сих пор. Но им сейчас не до его «ностальгии» по просторам и удобствам. А привыкнуть можно ко всему.

Сара, развалиясь снова на одеяле, положенном на толстый матрас, почесала бок:

– Ну вот. Посмотрели мы очередное шоу уродов. И монстриков. И – что? Жуки летают, а богомолы – не могут. А, кстати, почему? Ведь нормальные, живые, летали же?

Колин пожал плечами:

– Так то – живые! Они же были – охотники! А у этого крылышки были чисто функциональные. То есть – не для полётов, а для сбора энергии. Чистая бутафория! Заметила, какие они были тонкие и непрочные? Буквально как папиросная бумага! Не то, что у жука!

– Да, вот кстати, о жуке. И его «ребёнке». Похоже, мы и правда много чего пропустили. Вот например: почему теперь не нужен второй «родитель»?

– Хм. А озадачила. – Колин и сам уселся, а затем и улёгся,

поёживаясь. Он ещё не привык к царящему вокруг холоду. Сара же, казалось, в тёплой одежде его уже и не замечала, – Твоя правда: я вначале даже значения не придавал. А ведь это очень важный момент! Может, они перешли на следующую ступень этой самой. Эволюции. Ну вспомни: когда технологии позволили нам клонироваться, число желающих создать семью и завести детей резко сократилось!

– Не-ет, ты мне ... опу с пальцем не спутывай! Число «желающих вступить в брак» сократилось вовсе не от этого! А оттого, что все стали ленивые и самодостаточные! И не хотели сложностей: ну как же! К семье надо привыкать, притираться к партнёру. Детей – воспитывать, за ними следить. Ответственность! А на фиг она сейчас кому нужна?!

– Твоя правда. (Ух ты, какая ты у меня стала ушлая и дальновидная!) Но насчёт лени и нежелания ответственности – сто пудов права. И насчёт жизни в виртуале – тоже.

Ведь сейчас – тьфу ты, до катастрофы! – все женщины были эмансипированы. Горды и независимы. И деловые, целеустремлённые – дальше некуда! И придиричвые. А уж амбиций – и на ...раной козе не подъедешь!

А мужики не особенно уже и стремились. Подъезжать. Тоже – самодостаточные. И все – так и вообще – «красавчики». В том смысле, что им женщины и на дух не нужны – им хватало и самих себя! Вспомнить хотя бы дядю Питера. – при упоминании имени этого принципиального сорокалетнего женоненавистника, явно страдавшего нарциссиз-

мом, Сара криво усмехнулась, – Не нужно ему было ни жены ни детей. Только – красивые модные шмотки. Машины. Ну, и игры! Короче: не нужна была людям традиционная Семья...

Но то, что клонировать можно и с набором генов одного родителя – это чистая правда. Вот, похоже, и у наших мошек наступил такой период. Не нужен им теперь второй родитель. Получается, для крупных особей он просто... Конкурент! Но!

Это же резко снижает их возможности по адаптации! Потерялась возможность менять внешний облик и конструкцию создаваемых детей!

– Ну и плевать. Нам-то от этого – что?

– Как – что? – Колин пожал плечами, – Это – важно. Если мошки останутся в таком, как сейчас, виде, то есть – чудовищно огромные, но глупые солнцезависимые монстры, нам можно не заморачиваться, и ничего не выдумывать. В том плане, что нам с такими машинами воевать не нужно! Они и сами с этим прекрасно справляются!

А нам нужно просто ждать, когда наступит вечная ночь, и они замрут навсегда, окончательно сдохнув. А раз они не могут теперь изменять свой внешний вид и внутреннюю конструкцию, нет опасений, что кому-то из них удастся изобрести заново, вот именно, ядерный реактор! Ну, или хотя бы приличный аккумулятор.

То есть – нашим детям не придётся скрываться, даже если

протектор не распространится на них, и бороться с мошками за пространство, еду, и ресурсы. И жизнь. Одно только плохо.

– И что же это?

– Да то, что *все* запасы металлов сейчас воплощены вон в такие махины. А они – просто проржавеют и рассыплются в виде банальной ржавчины! И ...рен их «добудешь»!

– А-а, это ты к тому, что у возрождённого нами человечества не будет никакого металла?

– Да. И цивилизацию снова придётся строить с каменного века! А без металла её никогда не поднять до уровня машинной цивилизации! Компов, автомобилей, заводов...

Сара весьма легкомысленно фыркнула:

– Вот уж не наша это будет проблема! Нам бы дожить до хотя бы – взрослости. Не говоря уже о старости...

– Это верно. Но проблема всё-таки будет – наша. Ведь обидно будет родить и вырастить детей, только для того, чтоб они потом вымерли! От того, что не смогли приспособиться к условиям ледникового периода! А здесь сейчас нет даже мамонтов, на которых можно было бы поохотиться! Как и вообще нет никого, кого можно было бы сожрать!

– Эка ты задвинул, братец. – Сара вздохнула, – Опять в философию ударился! Не вешай на меня проблемы, которых ещё нет. Рыбы же в морях – останутся? Вот пусть наши потомки и строят лодки, и плавают. И ловят! Ну а нам и в этом городе найдётся где пошарить. И чего поесть. Вот и займём-

ся этими *насуицными* проблемами.

Понятное дело, после того, как позавтракаем!

Колин в который раз был вынужден констатировать, что в плане конкретики и бытовых нужд ему далеко до своей двухсполовинойлетней сестры.

Женщина же!..

Поспать, правда, не удалось – так, подремать.

Колин определил бы время, когда они наконец надумали подняться, как послеобеденное. Но обедать они не стали, а разбрелись по городку, в попытках найти чего полезного, и для начала провести что-то вроде общей разведки.

Колин поделил город на условные сектора:

– Вон та сторона – полностью твоя. А эта – моя. Возражений нет? Я имею в виду – разумные возражения.

Сара не удостоила его шпильку ответом, просто фыркнув.

Полезную находку Колин сделал примерно через час после начала обхода. В книжном магазине, сейчас представлявшем довольно жалкое зрелище, он нашёл карту города. Назывался он Пайпервилль – это-то они и так знали, из своей карты. Но теперь в их распоряжении оказался подробный план: где какие магазины, заправки, муниципальные здания... И всё такое прочее. Колин карту сложил и сунул в карман. Решив, что пока он и без неё неплохо может всё здесь разведать: для этого он выбрал руины стоявшего в центре городка, самого, похоже, мощного и высокого когда-то

здания. В колониальном стиле. Даже с сохранившимися белыми колоннами. Про себя он усмехнулся: мэрия она мэрия и есть. Помпезная, построенная явно аж в позапрошлом веке, почти копия Белого Дома, и поэтому не очень сильно разрушенная: жуки выдирали и выедали только межэтажные перекрытия: железобетон. А стены, на кирпичной основе, остались кое-где почти нетронутыми.

Вот по гребню одной из таких стен он и забрался наверх: на высоту метров семи над землёй. Найдя достаточно большую плоскую поверхность, встал. Достал карту.

Так. А, нет: вот так. Он сейчас стоит на крыше... ну, почти на крыше здания городской администрации. Вон то – улица Линкольна. А вот эта – аллея вязов. Очень хорошо. Вязы наличествуют. Нужно, стало быть, пообломать. Так, посмотрим дальше... Это – городская теплоцентраль. А это – электроподстанция. А это котельная. А это... Стоп! Назад!

Если есть *котельная*, значит, там должны быть и запасы топлива!!!

То есть, или газа... Или, что куда вероятней для такого небольшого городка – угля!

Ведь никто не будет заморачиваться отоплением мэрии и прочих зданий администрации чем-то ну очень дорогим! Так что шансы – есть!

Вот прямо сейчас он это может и проверить! Потому что как раз от наличия именно – доступного им топлива и зависит в-основном ответ на вопрос: смогут ли они остаться

здесь на длительное время, или, израсходовав все палки-ветки, вынуждены будут снова двинуться в путь! В смутной надежде найти на юге место, где почва не промёрзла...

Однако от немедленного спуска его удержало странное ощущение. Будто над головой, там, сверху, что-то происходит!

Здрав голову кверху, он действительно кое-что увидел! Высоко, наверное, в добром километре, на юг «откочёвывали» механические «утки». Правда, на уток они были похожи примерно так же, как биплан братьев Райт на истребитель Ф-22 «Раптор», но летели тоже – клином. Колин усмехнулся. Но поскольку «утки» летели себе и летели, не делая попыток спуститься и напасть, он спокойно двинулся по своим делам.

Котельная разочаровала Колина: всё оказалось газифицировано.

Сволочи. Не было тут, значит, старых добрых консерваторов, которые настояли бы на старом добром угле...

Однако уже собираясь отчалить с хозяйственного двора электростанции, Колин решил навестить руины небольшого сарая, торчавшего в углу этого двора. И не зря!

Под листами шифера и упавшего сверху каркаса со стропилами и досками, нашлась самая банальная угольная яма.

И уголь в ней имелся!

Колин порадовался: пусть яма и невелика, всего пять на три, и угля в ней насыпано не до кромок, но всё же на ка-

кое-то время им этих запасов явно хватит! Фу-у-у...

Значит, здравствуй, Пайпервилль, надолго.

На Сару находка Колина особого впечатления не произвела:

– Подумаешь, уголь! Мы – что? Будем ходить чумазые, словно трубочисты, и рисковать помереть во сне, отравившись угарным газом?!

– Не забывай, солнышко ты моё придирчиво-разборчивое. Газа у нас теперь нет – поскольку нет труб, по которым его доставляли в котельную. Как нет и баллонов. Металлических. А вот дровами и *углём* мы отопимся запросто. Думаю, можно вот здесь и здесь, – Колин показывал прямо пальцем, – сложить стены из более-менее целых шлакоблоков. А вон там, в торце, подстелим, а, вернее, выложим, типа – помост. Из кирпичей, скреплённых глиняным раствором. Тогда он будет нагреваться от костра, и долго сохранять тепло. Единственное, что – нам не из чего сделать нормальную трубу для дымохода!

Металла же нет...

– Э-э, ерунда. Как раз трубу достать будет нетрудно. Я нашла целый заводик по производству цемента. И там этих асбесто-бетонных канализационных труб – пруд-пруди! И – разных диаметров! Вот только они тяжёлые... Не донесём.

– А, ничего. Прикатим. Ну, или перевезём. Вот только...

– Да?

– Как бы их установить. Ведь нужно, чтоб нижний конец – всасывал дым и угарный газ! То есть – куда выше уровня пола должна быть нижняя дыра трубы.

О! Погоди-ка. Мы можем посадить трубу на основание из кирпичей! Ты же говоришь – там – цементный завод?

– Угу.

– Прекрасно. Вот цементом мы всё и скрепим! И площадку для костра, и основание для установки трубы!

На следующее утро именно этим делом они и занялись, справедливо посчитав, что поспешить нужно, так как при минусовых температурах цемент схватываться не будет. А дни становились явственно всё короче, и темнее! И это – летом. А что же будет зимой...

Мешок с цементом довели до своей норы на нартах – иначе его было и не поднять!

Но зато кирпичей нашли – сколько душевненьке угодно: на складе магазина стройматериалов, местоположение которого Колин легко вычислил по карте. Колин решил, что кирпичи-то – куда лучше шлакоблоков: не пористые! И, если выложить поперечные стены-перегородки из них, сквозняки по их берлоге гулять точно – не будут!

Выбрали они, понятное дело, самые дорогие и «огнеупорные» – явно для выкладки настоящих каминов.

Однако первое, что Колин сделал – налил на пол бассейна в торце слой цемента, и на него выложил метровый в длину

«поддон» под костёр. Шириной во весь торец. И толщиной в четверть кирпича – то есть, всего в три дюйма. Заделал и щели – цементом же. Ну вот: теперь поддон у них ровный и монолитный. А главное – от души «огнеупорный»!

Когда цемент прихватился, а это случилось на следующее утро, Колин возвёл и пристроенную к кафельной стене «П»-образную тумбу – под основание трубы.

Трубу они с Сарой выбрали среднюю: внутренний диаметр около десяти сантиметров. Стенки толщиной в дюйм. Такой диаметр, как прикинул Колин, свободно позволил бы отвести весь дым. А перекрывать основание можно было теми же кирпичами.

Трубу, однако, на её основание, верхняя кромка которого располагалась в полуметре от поддона, водружать не спешили: знали, что цемент тумбы должен схватиться куда прочнее, чем у поддона: ей придётся выдерживать добрых пятьдесят кило толстостенной двухметровой трубы!

На складе стройматериалов разжились и асбесто-цементными плоскими листами: Колин решил перевезти сразу три, размером метр на два, но оказалось, что он пожадничал: даже пыхтя и кряхтя им не удалось сдвинуть нарты. Пришлось повозиться, и перевезти полудюймовые в толщину листы поодиночке.

Сара ворчала, и пререкалась. Колин настоял:

– Ты же не хочешь, чтоб нам на головы грохнулись прогоревшие двери? Ну и тем более – случился пожар! Врачей

нет! Лечить ожоги будет некому!

Позже, подумав, решили перевезти и четвёртый лист: чтоб пространство внутренней, отапливаемой, «пещеры» было побольше: мало ли!

За заботами и хлопотами о теплоизоляции прошёл день. За стаскиванием в освобождённую комнату особняка продуктов и вещей – второй. На третье утро Колин посчитал, что они выждали достаточно, и цемент прихватился.

Трубу устанавливали вдвоём, привязав её верёвками и пластиковыми канатиками к рычагам из брусков, и аккуратно опуская нижний конец на тумбу: главное было – чтоб не было рывков! Иначе кирпичная конструкция могла попросту треснуть и раскрошиться!

Труба встала как надо. Чтоб она не грохнулась, Колин расширил тумбу накладным слоем кирпичей, обложив трубу, и теперь подняв уровень их печки почти до верхнего края бассейна:

– Ничего, зато теперь точно – не свалится! Особенно, когда прижмём вот с этой стороны – первым листом!

Листы асбошифера уложили над бассейном без особых проблем, встык. Трубу краем первого листа подпёрли – чтоб придерживал. Оставшиеся дыры у торца перекрыли листами поменьше, и их обломками. Щели Колин лично замазал цементом же.

Когда приступили к строительству первой поперечной стенки, выяснилась не совсем приятная вещь: стена в пол-

кирпича никак не хотела держаться, и когда Колин выложил восьмой ряд кирпичей, подняв стену до почти метра, просто грохнулась: к счастью – наружу, и никого не придавив. Колин грязно выругался.

Сара дёрнула плечом:

– Ты же сам сказал, что проход можно было бы оставить и поуже. Вот и действуй. Перегородка, дубль два. Как раз и проход сделаешь поменьше. В-смысле – поуже.

Колин, надеявшийся, что его искусство каменщика позволит повыпендриваться, типа, «Вот какой я у тебя умелый – всё могу!», тяжело вздохнул. Но стену разобрал, и цемент с кирпичей счистил, пока тот не застыл. Единственное, что было неудобно – разводить новую его порцию в пластиковом тазу с помощью пластикового же совка: шпателей-то и мастерков уже не было...

Через час он приступил к строительству второго варианта стены.

Доканчивать работу пришлось в темноте, но уже – завершая вторую стену. И её, и первую, Колин предусмотрительно возвёл лишь до высоты в два с небольшим фута – чтоб цемент опять-таки прихватился.

Пока они занимались оборудованием, цементированием, и стаскиванием, прошло четыре дня. Но мешкать именно с этим делом оказалось нельзя: цемент действительно не схватывается при минусовых температурах, а к вечеру четвёртого дня пошёл снег! Мелкий, в виде крупы, но колючий и про-

тивный. Колин и Сара шурились, когда ветер бросал крупу в лицо: она словно обжигала!

И пусть шёл снег недолго, и почти тут же, выпав, растаял, поскольку земля ещё не совсем остыла, но этот звоночек о многом сказал им. Сара проворчала:

– Если завтра повалит капитально, и будет мокрый – нам пипец!

– Это ещё почему?

– Навалит на наши листы слоем в хотя бы метр – и те треснут! Тяжёлый же будет. Если мокрый! Не рассчитаны же простые листы на такую нагрузку!

– А вот это ты хорошо подметила. Значит, завтра – ну их на фиг, стены, и займёмся строительством фальш-крыши! Со скатами: чтоб снег – скатывался!

– Тогда придётся двери ставить на *попа*. Под углом. И прислонять друг к другу – а для этого нужен каркас!

– Опять – умничка! Смотрю, начинаешь мыслить стратегически! Как инженер!

На него посмотрели. Но комментариев не последовало – Колин понял, что сестра за эти дни устала и вымоталась не на шутку. Впрочем, как и он сам.

Но мешкать и отдыхать им некогда!

Иначе начавшаяся-таки зима застанет их неподготовленными!

Треугольный, вытянутый на все четыре метра над листа-

ми шифера, каркас для фальш-крыши, сляпали из балок и брусьев за день. Опирался он на бетонные края бассейна – надёжно. Дверей натаскали, и прислонили к центральному брусу, за второй день.

Колина буквально убивало то, что приходится все соединения делать на верёвках и пластиковых канатиках: гвоздей ведь нет! И достаточно было бы подуть мало-мальски приличному штормовому ветру, вся их фальш-крыша улетела бы к такой-то матери!

Но на укрепление времени не осталось: снег к вечеру второго дня пошёл капитально, огромными пушистыми хлопьями. И был и мокрым и тяжёлым. Но со скатов их импровизированной конструкции скатывался отлично! Значит, пыхтели не зря.

Вот теперь Колину так и так пришлось разжигать подготовленные высушенные дрова, ветки и палки, и накладывать на них куски угля, которого, к сожалению, успели привезти мало: всего один мешок. Зато когда костёр разгорелся, внутри сразу стало теплее: градусов на пять выше окружающего пространства! Уже – достижение!

Ночью, впрочем, Колину отсыпаться не пришлось: он срочно довозводил до конца, то есть – до «потолка» – до листа шифера, первую поперечную стену-перегородку, и одновременно следил, чтоб огонь в их импровизированном очаге не угас, подкладывая куски покрупнее. Заодно пришлось следить, чтоб искры и вылетавшие из костра угольки

не попадали на матрацы (Придётся сделать – буртик!). Сара умудрилась заснуть. Но теперь Колин хоть не боялся, что она замёрзнет: после того, как навесил на палку, закреплённую сверху оставленной узкой щели-прохода толстое одеяло, внутри поднялось ещё градусов на пять. Стало непривычно «жарко». Пришлось скинуть толстую куртку, оставшись в одном свитере.

Одеяло Колин сестре однако подоткнул. После чего, наплевав на вторую стену, тоже завалился спать: устал, как конь, таскавший телеги с камнями!

Утром Колин понял свою ошибку: огонь погас, и холод, вернувшийся в их берлогу, снова пробирал до костей!

Однако ему удалось быстро раздуть тлеющие угли (Экономия спичек!), и подбросить свежих дров. А уж когда они разгорелись – наложить сверху новую партию угля. К сожалению, он не смог сделать колосников: не из чего было, и теперь слой пепла и золы достигал дюйма. Если так пойдёт дальше – уровень огня быстро достигнет нижнего края трубы, и вытяжка пропадёт. Значит, придётся золу сгребать и выносить. Ну и ладно.

А вот перекрывать устье вытяжки кирпичом, как он изначально планировал, похоже, не удастся: «печка», то есть – составлявшие её кирпичи, нагрелась, но всё же – недостаточно, чтоб согреть хоть мало-мальски приличное время их каморку.

Значит, огонь придётся поддерживать практически – всё время!

То есть, пока не замело, и не засыпало дороги – нужно перевезти *весь* уголь!

22. «Тараканы» и «черепахи»

Этим они и занялись после завтрака.

Сара ворчала:

– Сволочи проклятые эти жуки. Не могли хоть алюминиевые сковороды нам оставить! Ни готовить, ни подогревать невозможно! Как я скучаю по микроволновке! И плите!

– Ничего. Мы можем поступить как пещерные люди: слепить какие-нибудь горшки из глины, обжечь их на огне, да и варить суп в них.

– Может, конечно, я чего и не понимаю, потому что молодая и неопытная, – она снова трянула грязной гривой, выразительно посмотрев на него, – Но уж то, что обжигают эти самые горшки в специальных печах, знаю. Да и глина, говорят, нужна какая-то... Особая! Проще пошарить здесь по супермаркетам. Может, найдём!

– Разумная мысль. – Колин криво усмехнулся: сестра права. Как обжигают горшки, он имел только самое смутное представление. А самое главное – их же, потом, вроде, покрывают какой-то глазурью, или эмалью, чтоб пористые стенки не пропускали воду, – Вот выложу сейчас буртик, чтоб угли и искры не вылетали с очага, дострою вторую стенку, повешу второе одеяло в проём, привезу ещё мешок с углём, привезу ещё дров, продуктов и воды, и вот тогда уж – поищу горшков.

– А с чего это всё это делать будешь ты? А я что – лысая? Я тоже хочу. Работать, гулять, дышать свежим воздухом, и наслаждаться природой!

– Гулять и «наслаждаться природой» ты будешь завтра. Когда придёт моя очередь поддерживать наш любимый огонь. Нам теперь нельзя дать ему потухнуть!

– Так у тебя же спичек – пять упаковок! По десять коробков!

– Точно. – Колин кивнул, с раздражением думая, что сволочи мошки «выели» и все металлические детали даже зажигалок, превратив те в бесполезный хлам, – Но никто не гарантирует, что от времени они не раскрошатся, или не отсыреют! Вот: кстати. Нужно затащить в нашу каморку баклажки с водой – чтоб было чего пить. И не ледяной, а – тёплой. А то она уже, наверное, замёрзла! А пить хочется.

– Это точно! – Сара облизала жирные после бекона губы, – А вот чай или кофе нам теперь, похоже, не светят.

– Кофе молодым организмам вреден. Так что – чай. Заваривать, правда, придётся тоже – только в горшках. А мы их ещё не нашли. Как и заварку.

– Ну вот и давай. Займёмся делом! Бортик выложить я тебе помогу: это же не помешает мне подкидывать уголь! – она действительно подбросила в пламя пару кусков.

Приличный бортик высотой в полкирпича, поставленного на бок, выложили буквально за пятнадцать минут: проблема

была лишь в том, чтоб замесить очередную партию цемента. Но цемента понадобилось немного: одной баклажки с водой, предусмотрительно занесённой Колином в их отапливаемую каморку, вполне хватило. Остатки цемента из пластикового таза Колин использовал для подпорки кирпичей буртика от падения.

– А вот здесь, – Сара показала на внутреннюю часть первой кирпичной стенки, отделившей их берлогу от остальной части бассейна, – придётся сделать стеллажи. Ну, или полки – как получится. Потому что тут надо будет хранить то, что нужно нагреть, и то, что будем регулярно использовать. Ну, и есть и пить.

– Угу, – Колин, покивав, уже прикидывал, какие рейки и доски для этого применить, думая, что уж как оборудовать кухню, пусть и не гарнитуром, женщине виднее. Чисто на инстинктивном уровне, очевидно, – А вот тут и тут придётся забить в кафель, ну, или между кафелинами, какие-нибудь костяные... Или деревянные штыри. Чтоб развешивать одежду для просушки.

– Ага. Точно. Ну, я за костёр, а ты – за уголь! Вали, давай. Мешок там, на нартах.

– Какая ты добрая.

– А то! Я куда добрее, чем гремучая змея! Не кусаюсь же!

– Вот! Кстати! Хорошо напомнила! Дантистов теперь тоже нет. Поэтому придётся беречь зубы, ничего костистого и жёсткого не грызть, и чистить их три раза в день. После каж-

дой еды! А я уж привезу зубной пасты. И щётку. Но – завтра. На сегодня нам хватит.

– Точно. А тогда давай-ка прямо сейчас и почистим. А то забыли после еды.

Мешок угля Колин доставил к их берлоге ближе к обеду.

Снег всё ещё сыпал, хоть и не такой крупный, как вчера. Но с их «дверной» крыши скатывался вполне благополучно, и снизу скатов уже лежали валики. А всего слой снега достигал на дорогах и руинах почти фута. Приходилось часто отряхиваться: снег лип к его парке. Сапоги пока не протекали. И ступни не мёрзли. Хоть это радовало.

Снаружи уже было довольно темно, куда темнее, чем в предыдущие дни: и из-за снега, и из-за монументальных туч. И Колину приходилось щуриться, чтоб хоть что-то вдали разглядеть за мутной падающей пеленой. А вот это – нехорошо. Потому что, похоже, при плохом освещении у него может проявиться близорукость. Как у отца. А где он сейчас возьмёт очки?!

А, есть же аптека! Но сейчас не до неё.

Потому что вдруг через подошвы сапог Колина стало ощущаться какое-то дрожание почвы. словно кто-то бьёт по земле чудовищной кувалдой! Землетрясение?!

Но оглянувшись вокруг, он испугался ещё больше: с севера, откуда они пришли, на него надвигалось что-то чёрное, громадное!

И шло оно, неуклюже и медленно переставляя шесть лапок-конечностей, прямо к их берлоге! Когда стало видно лучше, Колин понял, что тварюга, размером превышающая добрый стадион, напоминает чудовищного таракана! А тараканы, как известно, шутить не любят! Жрут всё подряд, и отлично приспособлены выживать в любых условиях!

Но какого ...рена этому стальному монстру здесь надо?!

И может ли он быть для них опасен?!

Молнией Колина пронзила мысль: огонь! И тепло! То есть – излучение!

А фотоэлементам всё равно – свет, или тепловое: усваивают любое!

Их костёр!

Таракан явно ищет источник света, чтоб запитать свои фотоэлементы! А расположены они, вероятней всего, на его чудовищной плоской, почти как у «блинов», спине!

Кубарем Колин скатился по лестнице. Вломился в каморку. Сара только успела проворчать:

– Снег даже не отряхнул!

Колин не стал много разговаривать, или объяснять: схватил первую из пяти приготовленных для питья оттаявшую литровую баклажку, крикнув только:

– Быстрее! Зажги фонарик!

Явно впечатлённая его приказом и бутылкой, с которой Колин в момент сорвал пробку, Сара фонарик зажгла. А Колин уже заливал огонь, который она так старательно поддер-

живала все эти часы! Пришлось использовать и вторую, и третью баклажку: угли никак не желали тухнуть, и сейчас испускали из себя облако удушливого и жутко вонючего дыма и пара, делая нахождение в их пещерке невыносимым!

– Эй! Фу! Что за хрень?! Может, хватит вонять и портить наш очаг?!

– Нет! Нужно срочно всё залить, и закрыть сверху трубу куском асбестоцемента! Вот, кстати! Займись-ка! Заодно и посмотришь на причину наших страданий!

Не прошло и минуты, как страшный визг донёсся до его ушей: значит, «тараканчик» на подходе! И сестра его зацепила.

Только убедившись, что ни единого раскалённого или тлеющего уголька в их огороженном очаге не осталось, Колин позволил себе перестать поливать, и вылез наружу.

Несмотря на панику и бьющую её до сих пор крупную дрожь, Сара трубу всё же накрыла. Но Колин на всякий случай накрыл кусок асбошифера сверху ещё и одеялом, прихваченным в берлоге: мало ли! Может, у этой дряни есть какой тепловизор!..

Возможно, что он и имелся: когда Колин подоткнул одеяло вокруг полуметрового куска трубы, что возвышался над уровнем земли, тварь притормозила. А затем и вовсе остановилась: явно потеряла источник тепла!

Только теперь Колин позволил себе выдохнуть, и встать спокойно. И смог рассмотреть их «гостя» как следует. Да и

то: издали, и за снегом его было видно просто отвратительно. И если б не удары тяжелых ног, Колин мог бы запросто пропустить грозившую им опасность!

Теперь тварь стояла от их убежища всего в полусотне шагов, и видно её монструозное тело было прекрасно.

Чёрное, плоское, похожее на тот же блин, или, скорее, крышку стола, туловище. Длинный прямоугольный блок вдоль центра брюшка – к нему крепились суставы ног-рычагов, и внутри явно находились и механизмы, приводившие всё это тело в движение. А больше ничего у таракана разглядеть не удалось: ни глаз, ни усиков, ни даже крыльев. Если таковые, конечно, имелись – верхняя часть «стола», возносившаяся над землёй на добрых двадцать метров, была невидима.

– Вот же здоровущая тварюга! – Сара ещё не пришла в себя, и голос подрагивал. Колин нашёл нужным подойти, и прижать спину сестры к своему животу:

– Да уж. Думаю, это – предел их размера. С добрых три теннисных корта! – теперь он понимал, что со страху и из-за снежной пелены «стадион» показался ему больше, чем на самом деле, – Если делать спину больше, понадобится какой-нибудь конкретный каркас. Из балок и всяких там двутавров.

Но кто же его сделал? И как?

– Знаешь, я тоже... э-э... – она в последний момент сдержала рвущиеся на язык матюги, – Сильно удивлена. Чтоб та-

кого смогли сделать мы, то есть, люди – ушёл бы не один месяц!

– Вот уж точно! Но погоди-ка! – Колин приставил ладонь козырьком к капюшону парки, снова пощурился, – Точно! Вон: второй идёт!

– Ого-го! – Сара всё же матюгнулась, – А этот-то... Ещё больше!

Колин был вынужден признать очевидный факт:

– Думаю, его «столешница» длиной метров сто с лишним! И над землёй он поднимается метров на тридцать! Интересно, сколько же такая тварь может весить?!

– Ха! Вот уж не интересно мне это! Ведь если весь, как ты говоришь, металл будет «запасён» именно – в таких монстрах, они просто стащат его куда-нибудь в кучу. В которую соберутся. Где-нибудь на экваторе. А когда сдохнут – наши потомки легко «разделают» их. Вот и металл! Да ещё – готовый! Лишь бы не проржавел.

– Возможно, так и будет. Со временем. Но смотри: вон и третий! И они проходят, вроде, – Колин поплевал через левое плечо, – мимо. Ф-ф-у-у...

Монстры, двигавшиеся широким фронтом, действительно протопали мимо, держась метрах в двухстах друг от друга. Видно тех, дальних, было плохо, но чудовищные размеры не позволили таким машинам скрыться из глаз людей, пока не удалились от берлоги на добрый километр. Только теперь Колин понял, что скорость-то передвижения исполинов бы-

ла на самом-то деле достаточно велика: километров десять в час, и только чудовищный масштаб делал их движение как бы – замедленным. Ведь в их поле зрения не имелось ничего, с чем можно было бы соотнести такие чудовищно громадные машины.

Сара, впрочем, быстро вернула его на грешную землю, к мирским заботам:

– Может, изволишь наконец перестать пялиться и вздыхать, а займёшься делом? Тебе нужно разгрести весь тот бардак и срач, что ты устроил в нашем очаге, и снова всё разжечь! А то я замёрзла!

Вонища в их пещере держалась: удушливая и противная. Пришлось проветривать, подержав под дымоходом зажёжённый пук тонких веток, и горящую книгу, которую Колин захватил, вообще-то, чтоб почитать. Справочник по домоводству. Да и плевать три раза: сейчас не до «досуга»!

Полог, навешенный на первый так называемый «дверной проём», он откинул. Второй ещё просто навесить не успел. К счастью.

Но вот запах и стал куда слабее: ушёл «в трубу». Можно работать.

Разгрести мокрую чёрно-серую гущу, в которую превратились погашенные угли и зола, и убраться тряпкой всю воду с ещё кое-где тёплых кирпичей, удалось быстро: Колин и сам старался подналечь, потому что тоже замёрз. Пальцы рук

уже почти ничего не чувствовали, и он побил руки о колени: прочитал у Джека Лондона, что именно так делали покорители Аляски. Искатели золота. Авантюристы. Им бы их проблемы!.. Но разжечь удалось только через пятнадцать минут стараний и дутья: у него даже закружилась голова.

Зато когда огонь от дров снова весело затрещал, наполняя их комнатёнку светом, уютом и теплом, Колин смог вздохнуть спокойно: они сейчас отогреются и поедят. А вот что должны чувствовать бездушные механизмы, у которых вся надежда – на юг... На то, что там они смогут найти для своих фотоэлементов достаточно света! И ведь никто с их корпусов сверху слой снега не счищает! Как же они идут? Или, всё-таки есть там кто-то, вроде снегоуборочных машин, или микро-дронов, кто – счищает?..

Впрочем, Колин понимал, что эти вопросы он задаёт сам себе чисто риторически: ответов теперь не получить! Твари прошли. И «вторая волна» вряд ли будет.

Однако в том, что она всё-таки будет, ему пришлось убедиться буквально через десять минут: они с Сарой только-только приступили к трапезе, а наложенные на дрова угли едва начали разгораться, как почва и пол снова начали содрогаться!

На этот раз заливание прошло куда быстрее: сказался «опыт»!

А Сара выбежала наружу для накрывания трубы даже без

напоминания!

Колин, убедившись, что всё сделано как надо, погасил фонарик, и тоже выбрался наверх. Было ещё достаточно светло, чтоб он увидел, кто «топал» на этот раз.

Чудовищные черепахи. Ну, это они так выглядели: полусферический панцирь явно был предназначен не для противостояния врагам, а для максимально эффективного «усвоения» световой энергии, с какой бы стороны она ни приходила. И высота этого купола, возносимая над землёй четырьмя (!) мощными лапами, достигала метров тридцати. Вот только вместо головы у странных «черепах» имелась выдвигная платформа, где сейчас торчала целая куча странных приспособлений... Колин подумал, что это – сенсоры, улавливающие последние жалкие остатки недособранного металла, и... тепло!

Однако их методика уничтожения «теплового следа» сработала: черепахи, двигавшиеся тоже – фронтом, с интервалами в шеренге около ста шагов, не останавливаясь, и странно поскрипывая и лязгая на ходу, проползли мимо. Скорость их движения была явно поменьше, чем у «тараканчиков» – километров шесть-семь в час. И поскольку туши сидели не столь высоко, как у тараканов, а всего в паре метров над поверхностью, иногда слышен был грохот и скрежет – когда пузо какого-нибудь монстра проползало по торчавшим выше грудам щебня и обломкам домов городка.

– Похоже, когда эти копуши придут к экватору, все

«рыбные» места будут уже разобраны!

– Точно. Интересно, последняя ли это волна? Я уже за-трахался наш очаг заливать!

– А давай сделаем проще! Подождём на этот раз, пока стемнеет, и уже точно никто не проползёт! И уж тогда, на ночь, и зажжём!

– Устами младенца... – но внутри Колин был очень доволен разумностью сестры. Учится! Соображает! Так и его сможет чему-нибудь путному научить... – Согласен.

Тем более, что до заката явно не больше часа!

Перетерпим как-нибудь.

23. Снегопад

Остатки света действительно пропали примерно через час.

Колин, теперь отсчитывавший время только по «внутренним» часам, к этому времени вытащил те куски угля, что так и не успели разгореться, залитые, и разложил возле их жилища: пусть просыхают. В их положении непозволительная роскошь давать топливу пропасть. Яма – точно не бездонная!

Сара, успевшая уже проветрить комнатёнку по его методике, даже почти не ворчала, что поесть как следует не дали. Колин и сам был рад, когда огонь снова весело затрещал в очаге, хотя там и шипели и парили, наполняя комнатку влажной духотой, остатки воды. Впрочем, быстро испарявшейся и улетевшей в трубу. И вот уже угли разгорелись, и тепло снова начало размаривать их уставшие и окоченевшие тела. Сара хмыкнула:

– Удивительно.

– Что тебе удивительно?

– Что ты оказался прав. На все сто. Твари стали куда крупнее, и фотоэлементами обвешаны, как командос – оружием. Со всех сторон. Но вот похоже, что оружия-то у них стало... куда меньше!

– Откуда ты знаешь? – Колин пожал плечами, – Может,

это просто против представителей «своего вида», ну, то есть – похожих на них сородичей, они его не применяют! А врагов-конкурентов, выглядящих по-другому – убивают только так! Например, с помощью тех же стрел! Ну, или лазеров каких. Или плазменными пушками.

Да мало ли каких средств дистанционного поражения может выдумать и сляпать тот, у кого на борту – *электричество!* Это только нам теперь светят лишь луки и стрелы. И гарпуны. Из костей. Ну, и, понятное дело, ножи из кремния, обсидиана, и прочих булыжников. Нужны будут и скребки для выделки шкур.

– Каких, на фиг, шкур?! Ты в своём уме, брателло?! С рыб, что ли, будем их сдирать?! Или уж – с блох?! А крупнее их, по-моему, никого в живых на земле не осталось!

– Ну, не знаю... – Колин пошкрёб в грязном и чешущемся затылке, – Я так уверенно не стал бы об этом говорить. Может, где-то сохранились какие-нибудь подземные, или норные, зверушки. Лемминги – на севере. Мыши и крысы – в средних широтах. Ну и кроты, понятное дело. Помнишь фильм про «Город Эмбер»? Там один такой мутировавший экземпляр был очень даже внушительный! А уж чего-чего, а радиации у нас сейчас вокруг – полно! И земля, и растения, и вообще – всё, насквозь ей пропиталось!

– Лишь бы ей не пропитались мы.

– Нет, мы – не пропитаемся. Не забывай: мы всё едим из герметичных упаковок, – Колин ткнул пальцем в пустую

стеклянную банку из-под варенья, содержимое которой они наконец доели, – А вот мышам и крыскам придётся есть заражённое зерно.

– Ха! Зерно! Так оно ещё не вызрело! И уж теперь – вряд ли когда вызреет!

– Согласен. Но я про то, что в мешках. Осталось, скорее всего, на каких-нибудь складах, или элеваторах – прошлогоднее. И то, если его не перемололи сразу в муку. Однако нам бы нужно всё равно, так, для страховки, найти и поставить вокруг нашей берлоги пару-тройку мышеловок!

– Да чего там мелочиться – поставь хоть десяток! Наверняка этого добра найдём в супермаркетах! Вот только главного в них не будет – стальных ударных скоб! Так что – только те мышеловки, которые лабиринтные, бумажные... Правда, я-то в мышек не верю. Думаю, пока мы отсиживались в подвале насосной, мошки времени-то – не теряли! И укрупнялись, и развивались, и приспособлялись. К «свободе». И всё мало-мальски теплокровное и вообще – «кровное» – сейчас сожрано подчистую! Даже подземное. Сенсоры у наших гадов – те ещё!

– Снова согласен. А то это была бы слишком безрадостная картина: двое последних оставшихся в живых людей, и их единственные «верные друзья и спутники» – крысы!

Ну а сейчас предлагаю справиться наши дела, да завалиться наконец спать. Что-то я сегодня набегался и напахался.

– У-у, а уж я как напахалась! Каждые пятнадцать минут

подкладывала куски в костёр. Который потом родной брат – брал и заливал!

– Ну знаешь – выхода-то не было!

– Почему это – не было? Был. Например, ты мог бы попробовать договориться с этим первым тараканом! Типа: мы разожжём ему костёр на спине, а он за это везёт нас в тёплые края!

Теперь Колин посмотрел на сестру.

Но от комментариев воздержался.

Только тяжко вздохнул.

Сестра оценила: заржала во весь голос, да ещё показывая на него пальцем.

Колин не выдержал: присоединился.

Утром они обнаружили, что снегопад продолжался всю ночь.

Снег был рыхлым и мокрым. И теперь толщина его слоя на земле вокруг достигала полутора футов – ходить с их небольшими ногами уже было трудно. Не говоря уж о том, чтоб волочить проваливающиеся по брюхо-днище нарты. Колин сказал:

– Всё равно придётся тащить их. Потому что на спине я мешок угля не принесу.

– Предлагаю пойти вместе. Один ты в таком снегу просто утонешь. И ничего не дотащишь вообще ниоткуда! Так что давай я буду идти спереди, и, типа, прокладывать путь!

– Ну... – он повздыхал, с сожалением поглядывая то на нарты, то на сестру, – Наверное в данном случае ты права. Так что сейчас позавтракаем, положим в костёр кусище покрупнее, да двинем! Без угля, продуктов, и прочих намеченных к перетаскиванию вещей, нам долго не протянуть. А снег может выпасть и слоем в метра два. Запросто!

– Да ну тебя на фиг! Откуда бы в атмосфере столько влаги?

– Думаю, всё оттуда же. Она там есть всегда. А сейчас воздух сильно охлаждён, особенно тот, что под тучами, вот она и конденсируется. И выпадает. Отсюда мораль: хватит трепаться, пошли есть!

Завтракали действительно быстро. Но зубы почистить не забыли: некому им теперь об этом напомнить, как больше и некому об них заботиться! Кроме них самих.

Колею до угольного склада проложили вполне приличную: и пока не выпало снега ещё больше, сделали пять ходок. В конце каждой минут десять грелись, отдыхали, и подкладывали очередной кусок угля.

К концу перевозки Колин был мокрым, словно мышь, да и с Сары пот лил чуть не ручьём. Хорошо, что догадались оставить вчерашнюю одежду развешенной на палках и деревянных и пластиковых штырях, которые Колин, не сумев вбить клинья между кафелинами, просто воткнул у потолка, между листами асбестоцемента и бортиком бассейна.

Когда они переодевались, Сара не без интереса рассмат-

ривала его тело. Колин рефлекторно отвернулся к стене, прикусил губы: а не рановато ли его сестра начала интересоваться его «мужским» достоинством?! Впрочем, он поймал себя самого на том, что тоже...

Рассматривает её! И не только с точки зрения проверить, в порядке ли она!

Что за!..

Или это – древний инстинкт?! Первичный и основной?!

Собственно, всё верно: природа! Ну, или «естественный отбор»! Выявляющий настоящие приоритеты настоящих мужчин, а не дебилов нетрадиционной ориентации: для мужского глаза нет ничего притягательней и желанней красивого женского тела.

Но ведь Сара – ещё не женщина!!!

И ей до поры зрелости – минимум лет десять-двенадцать!

Сара первой нарушила возникшее неловкое молчание:

– Не строй из себя ханжу. Я же вижу, чую, что ты пялишься на меня. И уже вовсе не как на сестру! Ну так и смотри себе спокойно! И не нужно краснеть. Не забывай: я у тебя – супер! Секси! «Предел» твоих мечтаний!

– Свинья ты циничная, и коза с манией величия, а не «предел мечтаний»! Ну а то, что мы рассматриваем, конечно, друг друга – нормально. Да и полезно. Вдруг у кого-то обнаружится какая-нибудь воспалившаяся царапина. Или болячка на спине.

– Ладно задвигать-то! А то я не видела, как у тебя ходят

желваки, когда пялишься на мою бесподобную попку! В такие моменты я думаю, что хорошо, что ты ещё... Молод!

Колин не мог не рассмеяться:

– Да уж. Нам теперь ни в коем случае нельзя перегибать палку. Мы же – единственные. И начинать половую жизнь до того, как ты достигнешь зрелости – просто не имеем права! На нас же – вся надежда чёртова человечества!

– Угу. Надежда-то она, конечно, надежда... – теперь, когда они одели сухое бельё, и опасная обнажённость в тесноте пещерки скрылась из глаз, сестра хмурили брови, – Однако как ты всё же думаешь: сохранились где-нибудь в каких-нибудь бункерах...

Хотя бы – русские какие?

– Тебе честно ответить?

– Конечно! В наших условиях было бы глупо, да и не порядочно с твоей стороны развешивать мне на уши оптимистичную лапшу!

– Ну, тогда: вот. Думаю, никого ни в каких бункерах не сохранилось. Ты же видела последние и предпоследние модификации мошек? Ну так я уверен: они и вооружены, и сильны. И наверняка повскрывали и поразрушали своими рычагами-манипуляторами и плазменными пушками все бункеры, сколько бы их там, в других странах, не оказалось! Да и не только бункеры! Мало ли у нас было наивных идиотов, надеявшихся пересидеть войну в мелких самодельных «индивидуальных» убежищах?!

Понятное дело, и всех людей оттуда поели! Протектор-то выпили только мы...

– Ну а те, там, наверху? – Сара ткнула пальцем в потолок.

– А, космонавты, которые на Марсе? – она кивнула, – Думаю, они не дураки. И не захотят погибнуть ни за грош. Наверняка ведь последние передачи по радио с Земли принимали. И монстров видели. Пусть и на фотках. Будучи нормальными и умными – а других в космос и не посылают! – людьми, они никогда не вернуться на Землю.

Да и не на чем! Ракет нет! Ну а те, кто остался на станции на орбите...

Вот они-то, возможно, со временем попытаются прилететь. Проблема в том, что мы никогда не узнаем, куда они сядут. И выживут ли при этом. Ведь будет очень холодно, и запасов, как у нас, у них не будет. Как и тёплой одежды. Как и оборудованной берлоги.

– Но ведь если они надумают вернуться, мошки... Уже не будут им угрожать?!

– Пожалуй, нет. Вот, кстати. Мы можем попробовать, когда закончится снегопад, нарисовать на снегу какие-нибудь знаки. Крупные. Чтоб с орбиты было видно!

– Ничего не забыл, братик?

– Чего?

– А того, что вся Земля теперь надолго, на века, по твоим же словам, закрыта тучами! И мы можем написать хоть километровыми буквами – этого не будет видно!

– Хм-м... Твоя правда. Но что же нам сделать? Как дать им знать, что мы ещё живы? И что опасности быть сожранными заживо больше нет?

– Да ничего. – сестра, как отметил Колин себе, казалась очень даже спокойной. Похоже, для себя всё уже решила, – Собственно, плевать мне на тех, кого мы никогда, скорее всего, не увидим, и сигналов им не подадим. Поскольку нет на всей планете больше ни единого радиопередатчика. Как и деталек, из которых можно было бы его сляпать.

Поэтому давай не будем распыляться на то и на это, а продолжим заниматься насущными проблемами. Нашими. В частности – введём жёсткий распорядок дня. Вот, смотри. Обувь и шмотки наши за полдня и ночь, высыхают. Следовательно, работать можно только с утра. И – максимум до обеда. Поскольку мы не двужилые. А прокладывать колеи к раздолбанным складам и супермаркетам чертовски тяжело! И сложно. Значит, нужно оптимизировать процесс!

То есть – нужно сейчас распределить, за чем и в каком порядке нам ехать завтра. И послезавтра. И в последующие дни. А заодно продумать, как мы будем передвигаться, когда слой снега действительно достигнет пары метров. Сверху, приминая и расчищая снег, или уж – проложим какие-нибудь типа – тоннели? Вот тебе и задача, будущий отец семейства: думай давай!

Пока обедали и заодно (решили снова совмещать) ужина-

ли, отдыхая, и подкидывая новопривезённого угля, разговаривали и обсуждали.

Сару в-основном интересовала проблема запасаения продуктов, а Колина – добыча угля:

– Ведь если останемся без доступа к яме – просто замёрзнем! Вот: кстати! Нужно в нашем тамбуре, – так они теперь называли комнатку непосредственно за отопливаемой! – наделать тоже – полок, и разложить сушиться всяких палок-дров, и мешки с углём: чтоб были всегда под рукой на крайний случай!

– А ты думаешь, у нас может случиться ещё и «крайний случай»?!

– Думаю, что нет. Но – мало ли! Вдруг кто из «тараканов» и черепах ещё не прополз? Ну, или там, на севере, остались ещё какие неведомые «зверушки»? Упрямые, и державшиеся до последнего за свои охраняемые от конкурентов территории?

– Хм-м... Если такие и притопают, то нам придётся несладко. А вдруг они захотят, чтоб мы были их рабами? И жгли костры, о которые они заряжались бы энергией?!

– Ну, это уж ты задвинула! – Колин, впрочем, и сам уже думал эту же мысль, причём – как только увидел первого «таракана», – Сюжетец для ещё одного романа Стивена Кинга: то у него человечество было порабощено автомобилями, а теперь будет – его же роботами! Причём – тупейшими. Нет, я в такой вариант не верю. К тому же все, кто остался там, на

севере, – он кивнул головой в ту сторону, – наверняка обездвижены. Минусовыми температурами. И их суставы ног попросту парализованы. Смазка застыла!

– Какая, на фиг, смазка?! Забыл, что ли, не было у мошек предусмотрено никакой смазки!

– Так это у тех, первоначальных. А когда механизмы поистине чудовищных размеров – не могут их сочленения двигаться без, вот именно, смазки! Ладно, не суть.

А суть в том, что, думаю (И надеюсь. Процент так на девяносто девять!) бояться нового нашествия к нам «на огонёк» больше не нужно.

– Ну, хоть это радует. А то у нас костерок – крохотный, и запасов угля пока мало... Ну а натаскать сюда, и в расчищенные комнаты, нужно много чего! Ох, много! Причём – сделать это нужно до того, как снегу нападает так, как ты говоришь. О! Вот! Чуть не забыла! Нужно расчистить ещё комнатку в бывшем доме – под туалет! А то не будем же мы «минировать» всё окружающее бассейн пространство! Антисанитария!

– Согласен. Расчистим. Поэтому. На сегодня мы работу закончили. Давай планировать, что мы будем стаскивать завтра. Вот она – карта. Давай-ка, иди сюда. Наметим и проложим маршруты...

Бельё и верхняя одежда за ночь практически высохли.

А вот обувь и носки – нет. Но сменная обувь у них имелась

– запасли тёплые сапоги сразу в трёх экземплярах! Так что к прокладке колеи к ближайшему гипермаркету приступили в почти комфортных условиях. И старались особо сильно не напрягаться, и не потеть. Поэтому нарты очень уж тяжело не нагружали, но успели до обеда привезти почти все намеченные продукты. Отказаться пришлось лишь от тех, что были в стеклянных банках: от мороза вода, находившаяся в них, уже замёрзла, и банки полопались.

Зато остались целы баклажки, и пакеты, и продукты в бумажных упаковках: крупы, вермишель, шоколад, хлопья, сахар, масло, маргарин...

Всё привезённое пока горами навалили в «прихожей-тамбуре». Сара сказала:

– Полки для хранения всего этого и дров с углём ты можешь сделать и потом, когда уже будем сидеть, как врытые, под двух, или, там, трёхметровым слоем! Вот, кстати! Нужно бы нарастить нашу трубу! А то её оголовок уже заподлицо с уровнем снега! А если завалит – задохнёмся!

– Пока горит огонь – не завалит. Но мысль верная: нарастить нужно! Думаю, муфту для сопряжения найдём там же, в строительном магазине – как это мы не догадались привезти сразу и вторую трубу, и муфту!

– А как твоя подставка? Выдержит дополнительные пятьдесят кило?

– Конечно! За эти-то дни цемент схватился!

Но с трубой решили пока повременить: запасы угля кон-

чались как-то уж слишком быстро! Поэтому на следующий день сделали шесть ходок снова к яме. А затем – и за продуктами успели съездить разок, чтоб «возобновить» запорошенную на ладонь колею. Кольев и штырей для развешивания мокрой одежды и белья Колину теперь пришлось понавтыкать практически по всему периметру их каморки – места для них самих оставалось буквально с пяточок!

– Говорила я тебе, что нужно было укладывать пять листов!

– Что-то не припомню такого! – Колин знал, что сестра нагло врёт. Не говорила она ничего! Но ругаться не собирался: она же – в мать! То есть у него – никаких шансов!

– Ну, может, и не говорила... – она лукаво подмигнула, у Колина от неожиданности отвалилась челюсть, – Но уж подумала – точно! Благо – бассейн у нас длинный!

– А что – хорошая мысль, – Колин взял себя в руки, – Можно же, действительно: разобрать вот эту стенку, и отодвинуть её на метр дальше!

– Ничего не забыл?

– А что?

– Да то, что крыша со скатами у нас – только до конца листов! А их – четыре!

– А, твоя правда. Вот, кстати. Нужно подумать, как продлить её и на нашу прихожую-тамбур. А то под снегом любимые двери-перекрытия проломаются, те, что над остальным бассейном. Да и не горит у нас пока обустройство. Можно

поютиться пока и в тесноте: будет уходить меньше угля на отопление небольшого пространства!

– М-м-м... Пожалуй. В наших условиях здоровая экономия не помешает. Кстати: у тебя почти до локтя разорвался рукав той, синей синтипеновой, куртки. Нужно бы починить. В-смысле – зашить. А у нас – ни ниток, ни иголок!

– А вот это – проблема. Иголки-то все – того! И ты знаешь, кто их – того.

– Ну и что? Ты же у нас – умный! Вот и подумай на досуге, из чего сделать иглу! Хотя бы одну.

Колин почесал в затылке.

Однако думалось по-прежнему плохо.

– Знаешь что? Давай-ка лучше спать! Утро вечера мудренее. Может, за ночь чего и осенит меня. Да и тебя: ты теперь – главная по нашему домашнему хозяйству!

Вот и думай: чего нам может ещё понадобится, пока снегу не навалило!

К утру сестра, конечно, надумала.

Да и сам Колин, ворочаясь, и думая, что не спится от усталости, много чего вспомнил. Даже собирался встать, и накорябать карандашиком (Все ручки оказались бесполезны – без металлических-то наконечников. А маркеры попросту замёрзли.) огромный список. Но потом поленился. И заснул.

После ставшей традиционной чистки зубов, за завтраком, они как раз этим и занимались: рассказывали друг другу кто

о чём вспомнил нужном. Колин записывал на первых страницах тетради, привезённой из того же супермаркета, то, что не терпело отлагательства. На других страницах писал список для не горящего.

И набиралось такого, ох, много.

24. Скорпион

Поскольку они теперь были лимитированы лишь запасами угля и продуктов, в первую очередь как раз и нужно было выяснить, сколько можно добыть – чего.

Небо сегодня показалось Колину ещё темней, чем обычно. Сестра тоже это заметила:

– Если так пойдёт дальше, скоро наступит полная темнота! Как тогда будем освещаться?!

– Как-как... Факелов наделаем. И будем с собой таскать.

– Не смешно. На каждый день – не напасёшься! Да и обмакивать их не во что – нефти мы нигде не нашли!

– Ну и фиг с ней. Значит, придётся обходиться свечками: их на складе того, второго, супермаркета – целых два ящика. А-а, ещё есть керосин – в пластиковых канистрах! Вот только керосиновых ламп сейчас... Сама понимаешь. О! Можно ещё сделать масляную коптилку! Типа – керамическая глазурированная чашка с жидким маслом, и с торчащим из него фитилём!

– Ну... Согласна. На свечи. Вонять в нашей и без того вонючей берлоге прогорклым и калённым маслом я не дам. На какое-то время свечей, конечно, хватит. А там, глядишь, и приспособится наше зрение к крошечной тьме! Ну, или вообще отомрёт – как у кротов! Будем двигаться наощупь!

– Хватит. – Колин сердито сопел, таща нарты за сестрой, и

стараясь дышать носом, – Надеюсь всё же, крошечной тьмы не будет. Хоть что-то будет пробиваться сюда, к поверхности. Потому что то, что показали в «Матрице» – полная чушь. Что-то – да проходит от солнца.

– А на подпитку фотоэлементов наших друзей – хватит?

– Нет. И вообще – хватит трепаться. Дыхание сбиваем! Топай давай.

Прибыв в очередной раз к угольной яме, уже прилично засыпанной снегом, Колин отметил себе, что заносит её ветром – вон, почти заподлицо стала поверхность с окружающей почвой.

Плохо. Придётся и её, наверное, накрывать дверьми. Ну, или ещё что-нибудь придумать. А то не копать же каждый раз – сквозь сугробы в два метра?!

Сегодня он попытался дорыться до дна ямы. Сестра помогала. В результате к обеду они были черны, словно два ворона, но знали твёрдо: до дна ямы ещё как минимум два метра! Так что угля должно хватить по-крайней мере года на полтора...

Нагруженных нарт сегодня привезли только двое: одну с углём, вторую – с продуктами, и вещами по списку. Хотя, конечно, и не всеми.

Колин вынужден был констатировать, что скоро справлять и большую и малую нужду даже в отдельной расчищенной комнатке там, снаружи, станет невозможно: всё замерзло! Особенно пах... Не подцепить бы простатит какой! А Са-

ре – цистит. Поэтому нашли такой выход: набрали в супермаркете полиэтиленовых пакетов, и справляли всё – в них, в тамбуре. И уже только после этого пакеты относили в выделенную комнату. Расчищенную аж на противоположной стороне «виллы».

Сара ворчала:

– Чувствую себя идиоткой. С пакетом-то под задницей!

– Знаешь, лучше – идиоткой, чем больной. Нам в первую очередь нужно сейчас беречь здоровье. А уж потом думать о том, умно или не очень, мы выглядим!

– Логично. А, кстати! В тамбуре у нас, конечно, тепло, но с конденсатом как-то бороться надо! А то он собирается в лужи! На полу. Хлюпает.

– Хм-м... Твоя правда. Ладно, что-нибудь придумаем. Но то, что он конденсируется на чёртовом кафеле, и потом – скатывается вниз – это точно.

– Так, может, повыколотить весь этот чёртов кафель? Например, булыжниками?!

– Не поможет. Только стена станет опасной и цеплючей. Будет щетиниться острыми краями. А на бетоне всё равно будет скапливаться и стекать вода! Камень же!

– Блин... Что же делать?

– Придумаем. Одно ясно: нам теперь без костра в очаге – никак нельзя!

– Точно. Сходил бы, кстати, посмотрел там, снаружи! А то – или у меня глюки, или снова кто-то топает!

Колин предупреждению внял, поскольку сестра и правда, своими мягкими подошвами, пусть и на толстой стельке и резине, чувствовала вибрацию пола куда лучше.

Выйдя наружу, долго шурился в так и идущий снегопад: с северо-запада что-то и правда – надвигалось. Медленно. Еле-еле переставляя многочисленные ноги-конечности. Было оно, правда, не столь глобально-чудовищным, как черепахи и тараканы, но тоже немаленькое: ростом метров в десять! К счастью, сколько ни вглядывался в мутную круговерть снежинок, других подобных тварей не заметил.

Пришлось снова спускаться, и заниматься заливанием. Сара снова ворчала:

– Ну и что – что ростом в три этажа? Скоро же стемнеет! И тварь обездвижится! Говоришь, она одна?

– Да. Никаких «собратьев-напарников» я не заметил. Да и топает она не так сильно. Видать, весит полегче, чем те, прошлые. И сильно ослаблена. Еле тащится.

Сестра фыркнула:

– Ой-ой-ой, какие мы храбрые! Эта – «всего» в три этажа! И «еле тащится»! Можно подумать, если она на нас полезет, мы справимся!

– Нет, конечно. Но когда она замрёт – всё преимущество точно будет на нашей стороне!

– А с чего ты взял, что она замрёт именно – здесь? А не утопает на юг?

– А с того. Что топает она не с севера. А с запада. То есть,

точно – «на огонёк»!

– Ну и ладно. Вот уж она обломится по-полной! Костёр-то залит!

– А труба ещё не закрыта. И не остыла. А заливать боюсь: треснет!

– Ладно, тогда хотя бы накрой! А я пока тут проветрю.

Колин закрыл трубу уже почерневшим изнутри куском асбестоцементного листа. Накрыл как всегда и одеялом. Подоткнул края. Но настырная тварь, больше всего похожая на самого обычного скорпиона, только чудовищных размеров, продолжала приближаться, как ни в чём не бывало. Словно притягательность тепла, пусть теперь и исчезнувшего, всё ещё вела её. Ну, или она помнила, где это тепло было!

Чёрт её подери. Память, что ли, появилась теперь в процессорах тварей?!

Выбравшаяся наконец наружу Сара выключила фонарь. Встала рядом с Колином. Приставила ладонь ко лбу козырьком. Пощурилась. Выругалась:

– Да чтоб их всех разорвало! Чего ей на юг-то не топается?!

– А, может, она думает, что лучше синица в руках, чем журавль в небе?

На Колина выразительно посмотрели. Он проигнорировал.

Когда монстра дотопала до их берлоги, и встала «мордой» точнёхонько над трубой, Колин с Сарой, вынужденные ото-

двинуться в сторону, снова переглянулись.

– Смотри-ка, а ведь и правда – как будто соотнобщает что-то!

– Да, похоже, помнит она, где было тепло. – Колин сплюнул в сердцах, плевков затрещал и застыл буквально на лету. Он помнил, что так бывает, когда мороз ниже минус тридцати градусов, – Но как же она двигалась?! Неужели вот того мизера, что пробивается сквозь тучищи, – он ткнул теперь пальцем в небо, – ей хватает для фотоэлементов?!

– Значит, хватает. – Сара пожала плечами, под паркой это движение скорее угадывалось, чем было заметно, – А, может, они у неё теперь какие-то особо эффективные? «Естественный» же «отбор», как ты говоришь! А натыканы они, думаю, по всему её телу!

– Похоже. – Колин поправил капюшон, – Но я не об этом. А опять – о смазке!

– Ха! Вот уж не проблема! Были же и густые! Пастообразные. Типа того же солидола. Или автола. А они – не замерзают!

– Точно. Твоя правда. И как это я... – Колин снова почесался: пора бы помыться! – Забыл про них. А ещё есть графитовая – теперь я вспомнил! Та вообще годится и для условий космоса! То есть – минус двести с чем-то-там!

– Вот-вот. Скоро, похоже, и у нас тут будет «космос». Дубарища-то какая! Как отапливаться будем? Особенно, если наш друг надумает пролезть к костру?

– Значит, нужно сделать, чтоб не пролез! Просто – пришибить его! Короче. Наш план такой. – Колин тяжело вздохнул, – Ждём, когда свет окончательно исчезнет. Затем я лезу вон по той ноге, вон к тому отверстию спереди. Пытаюсь проникнуть внутрь. И стараюсь всё, что возможно, там испортить!

– Ничего не забыл?

– А что?

– А то, что испортить что-то внутри такого монстра можно только с помощью кувалды. А у нас её нет.

– Логично. Значит, попробуем банальные камни! Вот! Сейчас и займёмся. А когда найдём, я полезу наверх с верёвкой. Спущу её конец, ты привяжешь сумку с парой отборных булыжников! А отбором займёмся вон из той кучи: там были.

Пошли, пока эта дубина застряла, как врытая!

На поиск и отбор камней много времени не ушло: Колин помнил, где располагалась наиболее перспективная груда обломков. Три штуки, ухватисто укладывавшиеся в его ладонь, действительно загрузили в сумку. К этому времени окончательно стемнело. Но тварь, к счастью, не пыталась двигаться на свет фонарика – значит, тепловая энергия, ещё идущая от нагретой толстостенной трубы, притягивала её сильнее!

Ну и ладно. Колин криво усмехнулся: посмотрим, кому это выйдет боком!

Когда уже схватился за ногу монстра, сестра вдруг оставила его:

– Погоди-ка.

– Ну, чего ещё?

– Мне кажется, это нечестно.

– Ты о чём?!

– Ну... Он пришёл к нам, в надежде на помощь и свет. А мы... Убьём его!

– Может, ты ещё скажешь, что, дескать, давай «приручим» его?!

– Н-нет. Я понимаю, что это невозможно. Робот же!

– Вот-вот. И прошу не забывать: этот робот, и подобные ему, уничтожили напрочь всё человечество. И спровоцировали ядерную войну!

– А придумали их – чёртовы учёные!

– А не забывай, что среди них был и наш отец!

Теперь они с Сарой стояли друг напротив друга, сверля собеседника глазами.

Сара первой опустила глаза:

– Чёрт... Сорвалась. Прости. Накипело у меня от всего этого! – она обвела рукой горизонт, и зябко поёжилась, – Ты прав: нам *он* может только навредить. Утром. А мы без костра ночь точно не проживём! Поэтому давай уж, лезь!

Колин посопел. Потом выдавил:

– Извинения приняты. Ладно, не переживай. С каждым случается. Нервный срыв. Да и поздно теперь сожалеть. Всё

уже случилось. Значит, постараемся выжить!

Именно этого наш отец и хотел, когда дал нам протектор. И дыхательные трубки принёс. – и, без перехода, – Ну, я полез...

Забраться по довольно шершавой и бугристой, словно её сляпывали впопыхах и кое-как, ноге, удалось легко: Колин подумал, что тут не нужно быть альпинистом. Или даже «древолозом». Но вот чтобы попасть в пасть, пришлось повозиться: она располагалась неудобно. Пришлось лезть туда – с «крыши» – с верха головы скорпиона.

Но вот он и внутри.

Передний сегмент туловища, почти пустой внутри по центру, по периметру занимали различные устройства и механизмы. Колин нахмурился было, затем понял: ведь проникновение в сердце «крепости» врага спереди прикрывали две чудовищно сильных и опасных на вид клешни! Не забалуешь! Это сейчас, когда тварь замерла, она беззащитна. С другой стороны, ей опасаться и нечего: все потенциальные противники точно так же обездвижены отсутствием света!

Он размотал моток верёвки, перекинутой через плечо. Один конец на всякий случай привязал к какому-то штырю. Другой спустил вниз:

– Привязывай!

– Сейчас! Руки замёрзли!

– Похлопай о ляжки!

– Это у тебя – ляжки! А у меня – бёдра! Божественно

стройные и милые!

Колин только снова посопел, и поиграл желваками. Но помалкивал, подтягивая наверх сумку. Думал он о том, что сестра у него – уже сейчас гораздо больше женщина, чем иные в сорок лет: переключается с настроения на настроение почти мгновенно! И не парится разной философией... И нравственными проблемами.

Разбивать всё, что находилось в пределах видимости, он начал последовательно: слева, обходя «пещеру» по часовой стрелке. Аппараты были едва прикрыты кожухами, тонкостенными и хрупкими: явно – только от пыли! Разбивались и корёжились такие, да и начинка, легко. Особое внимание Колин уделял силовым кабелям, идущим явно от фотоэлементов, расположенных во всех конечностях, и на спине, и на хвосте, и собиравшихся в чём-то вроде центрального коллектора. Их он просто выдирал с корнем, благо, жилы были не слишком толстые, и крепились простой сваркой: отдирать было нетрудно. Все кабели он скидывал вниз. Коллектор уделал особенно капитально.

В «кормовой» отсек залез с трудом: лаз-вход оказался подозрительно узким. А-а, вот в чём дело: тут, оказывается, не предусмотрено механизмов и устройств для сбора и монтажа новых скорпионов, а просто – комнатка используется как склад. Вещей и предметов, которые скорпион пока не «встроил» в своё тело, а, вероятно, планировал как-то использовать в будущем. В-основном – шестерёнки и валы.

Болты. Гайки. Штыри и куски балока. Подшипники. Медные скобы контактов. Пластик для изоляции. Словом – запчасти.

К сожалению, ячеек для улавливания света не нашлось ни одной. Жаль.

Но, похоже, на поверхности монстра они – нужнее.

Колин вернулся в первую «комнату», и доразбивал всё, что, по его мнению, можно было разбить. И отодрал всё, что возможно было отодрать. После чего, уже собираясь отчаливать, вспомнил про то, что где-то же должны быть моторы! Для приведения всего этого безобразия в движение!

Начал искать на стенах и в полу. Споткнулся о люк.

Ага! Вот где, оказывается, скрыто подлинное сердце машины! В «машинном отделении», расположенным под брюшком!

Спустившись туда, Колин поразился. И тесноте, и рациональности размещения всех приводных механизмов, коробок передач, шестерней, и рычагов. И компактности имевшихся там электродвигателей!

Разумеется, он отодрал все ведущие к ним с потолка силовые кабели, и разбил все, какие смог, шестерёнки. Сами движки оказались хоть и мощными, но вот толщина и прочность корпуса оставляла желать лучшего: Колин легко добрался до обмоток, разбив вдребезги кожуха-корпуса! Медные обмотки роторов он сплющил, сделав вращение их в статорах невозможным. Да и подшипники разбил.

Разбил и автоматы-реле, и пакетники, имевшиеся на щите

сбоку.

После чего вылез снова в камеру-рот, и покидал вниз и все железяки, которые, как считал, могли бы пригодиться в обустройстве быта. И добыче полезных вещей и продуктов. Сестра заорала:

– Посмотри там чего-нибудь узкого и длинного! Для иглы!

– Ага. Нашёл! – он сунул в карман кусочки железной проволоки. Если сплющить вот этот конец – запросто можно пробить дырочку. И потом сплющить обратно. А этот конец – заточить о точильный камень: этого добра в строительном магазине полно.

Ну, вроде, всё!

Спустившись по верёвке, конец которой он на всякий случай так и оставил привязанным к штырю, Колин вздохнул. Сестра спросила:

– Ну, и как оно там было?

– Тесно. Темно. Страшно. И сильно воняло сгоревшей изоляцией. Похоже, наш друг тащился из последних сил. Ну, и я, оказывается, рад, что он «заскочил на огонёк».

Теперь мы при металле! Смогу, наверное, действительно сделать иглу. И ещё много чего. Например, тех же штырей для развешивания одежды! А то в щели из-за вставленных под листы палок – задувает.

О! Нужна и лопата. Расчищать выход. И копать тоннели в снегу.

– Понятно. – Сара уже собрала всё, что он повыкидывал в отверстие рта, в кучу, – Но он – что? Вот так и будет гро-моздиться здесь? Нависая над нами?

– Ну... Да. Пока не сгниёт. А что? Тебя напрягает?

– Не то, чтобы так уж... Хотя – да! Напрягает! Ведь он *так* выдаёт место нашего логова!

– Ну и что? Не думаю, что к нам ещё хоть одна тварь при-тащится!

– А люди?!

– Тем более! Их-то он... Как раз – отпугнёт!

Только вот не осталось тут людей.

Сестра только вздохнула.

25. Зимовка

Ночь прошла спокойно.

Перед сном Колин пытался разобрать и как-то рассортировать всё, что добыл в чреве чудовищного монстра. Сестра прикалывалась:

– Что? Не веришь свалившемуся на нас счастью? Давненько мы ничего железного не видали! А тут – нате! Прямо целый склад. Запчастей. И готовое «изделие». Пусть и бездвиженное.

Колин только вздыхал, вертя детали и провода перед глазами, и думая, куда бы и для чего бы можно приспособить.

Наконец так и отнёс всю кучу в тамбур, к углю и продуктам: завтра можно попробовать сляпать какие-нибудь полки. Многоэтажные. На стеллажах? Да, наверное.

Он думал, как же им повезло со скорпионом. Вот они и при столь нужном металле! Нет, правда: их с сестрой словно ведёт сама Судьба, не давая погибнуть и пропасть...

Ведь нашли они и логово, и сравнительно быстро и легко его оборудовали, и уголь нашли и добыли, и печку смогли сложить... И быт наладить. И запасов на пару лет – точно хватит. И с одеждой повезло: анораки и парки, как и сапоги, как ни странно, нашлись здесь, в супермаркетах, расположенных, если честно, ближе к климатическим условиям, где простое бикини было наиболее «носимой» одеждой: по-

что побережье же! Пляжи, виллы для отдыхающих, бары с мохито, и шезлонги для загорающих...

Но на побережье, до которого несколько десятков миль, им сейчас не нужно.

Там – свинцово-серые угрюмые волны, медленно движущиеся по замерзающему океану. А скоро, когда его скуёт ледяным щитом льда, и волн не будет. Только торосы и ледяная пустыня... Бр-р-р!

Да и городки там, на побережья, поменьше. Хоть и натыканы часто. И бассейны, и подвалы, если и есть, то их же тоже – нужно вначале найти. И оборудовать!

Так что грех, как говорится, жаловаться. Хотя и холодно. Очень.

Поскольку сегодня была его очередь подкладывать уголь в очаг, Колин прилёт на «дежурное место», у очага. Сестра уже спала. А молодец! Вот что значит – детская психика!

Подвижная и очень приспособляемая! К любым условиям.

Правда, он и сам – не слишком «взрослый». То есть – тоже готов приспособливаться. Да, собственно – уже и приспособился! И, вроде, всё у них с сестрой на мази...

Но о «размножении для восстановления человечества» думать ещё рано. Да, рано. Ведь неизвестно, до каких пределов опустится температура, и что им ещё придётся предпринять, чтоб банально – выжить!

Но тепло от самодельного очага, и ярко пышущие жаром

куски угля, на которые он смотрел, наполняли сердце уверенностью: они всё сделают! Всё добудут! Всё переживут.

И дождутся прихода весны!